

*Моей маме
Валентине Егоровне*

Владимир Софиенко

СМОТРИТЕЛЬ
РЕКИ

Повести, рассказы

Петрозаводск • Verso • 2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос.Кар=411.2)6-44
С 68

*Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Карелия*

Иллюстрации — *Ася Примак*
Оформление обложки — *Алексей Максимов*

Софиенко, Владимир Геннадьевич.
С 68 Смотритель реки: повести и рассказы / Владимир Софиенко;
[ил.: Ася Примак]. — Петрозаводск: Verso, 2015. — 240 с.: ил.
ISBN 978-5-91997-192-4

Книга Владимира Софиенко содержит повести и рассказы о людях, которые находятся в поиске своего места в жизни. Герои ищут новое предназначение, проверяют себя на прочность, пытаются в меняющемся мире сберечь в душе то светлое, что впитали в детстве и юности.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос.Кар=411.2)6-44

ISBN 978-5-91997-192-4

© Софиенко В.Г., 2015.
© Примак А., иллюстрации, 2015.

От автора

Беспокойная река времени торопит, подгоняя жизнь. В последние двадцать с лишним лет поток несётся с бешеной скоростью, срывая с насиженных мест, сметая всё, к чему привыкли. Очертя голову ныряем в омуты новизны, с лёгкостью открепиваемся от старого, а затем всю оставшуюся жизнь ищем то, что утратили. Но ведь и тогда, много лет назад, там тоже были мы: не хуже и не лучше — просто другие. Складывается кирпичик к кирпичику, вымощивая прошлым дорогу в будущее.

Я пишу о человеке и времени. Вихри лет закручивают судьбы, мотают по свету, водовороты событий ломают, испытывая на прочность. Рожденные в СССР шагают по миру, минуя границы времени и пространства, но храня в душе то укоренённое, что откинуть невозможно. И я вместе с ними.

Эта книга — ностальгия по былому и благодарность за всё, что сложилось именно так, а не иначе. Однако вымысла в ней не меньше, чем правды. Так что совпадения с реальными лицами и событиями случайны ровно настолько, насколько решит сам читатель.

«...У Софиенко есть хорошее качество для прозаика: он очень точен в деталях, диалогах, в изображении характеров, в описаниях природы. И одновременно автор приподнимается над бытом — от обыденной ситуации вдруг веет магией, легкой мистикой. Реалистичная проза начинает играть новыми красками, приобретая порой некий философический оттенок, причем без излишнего пафоса».

*Раиса Мустонен,
писатель, киносценарист*

«...Северная проза, как правило, пронизана духом озёр, лесов, красотой и суровостью этого загадочного края... Книга Владимира Софиенко открывает иной пласт «вживания» в Север. Сам автор — человек с юга Казахстана, перебравшийся в Карелию. В его произведениях осмысление прошлой жизни на родине сопряжено с постижением Севера и поиском нового предназначения».

*Вера Линькова,
писатель, журналист*

«В каждой строчке Владимира Софиенко — твердая плоть повествования. И вдруг все детали превращаются в художественные образы, скупой прозаический текст — в поэтический, философский, глубокий. Плынешь, скользишь по этой литературной плоти, словно по поверхности северного озера, — не тонешь, но и остановиться не в состоянии, невозможно, ибо сюжет влечет всё вперед и вперед».

*Андрей Щербак-Жуков,
прозаик, поэт, литературовед*

КУДА УЛЕТАЮТ СТРЕКОЗЫ...

Повесть

1

Лето выдалось в этом году аномально жарким. С выцветшего безоблачного неба нещадно палило солнце. Его лучи стекали с раскалённых крыш на тротуары Павлодара, плавили асфальт и прозрачным маревом уплывали дальше, к набережной, вливаясь в могучее тело богатыря Иртыша. Полуденный Павлодар был пустынен и, казалось, брошен людьми на произвол судьбы. По радио в утренних новостях сообщили, что на Семипалатинском полигоне, на левом берегу Иртыша, был произведён атомный взрыв силой 1200 килотонн. Редкие автобусы устало почихивали на проспектах, разбавляя выхлопными газами едкое облако, прилетевшее утром в город с химзавода. Зато на набережной было не протолкнуться: обнажённые людские тела в плавках и купальниках сонными мухами облепили песчаный пляж. Бронзовая от загара ребятня звонко плескалась в тёплых волнах. Вдалеке от пляжа и людского шума, вяло отмахиваясь от светлокрылых стрекоз и комаров, ждали рыбацкой удачи ребята постарше, засевшие с удочками на берегу.

После полудня, обойдя город с южной стороны, на улицы Павлодара ворвался ветер. На подступах к кварталам он побросал иссушенные «мумии» кермека, качима, смотанные в клубки ветром перекати-поле с оплавленных зноем солончаков. Тополя облетели последним пухом, и ветер-хореограф, подхватывая невесомые тополиные «снежинки», закружил их в стремительном танце, шутки ради бросая пригоршнями в лица людей.

Отмахиваясь от приставучего пуха, воровато озираясь по сторонам, Лёха шмыгнул в узкое пространство между буроватой стеной гаража и бетонной плитой, отгораживающей мусорные баки. Перевёл дыхание. За гаражом дышать стало легче. Лёха вытер грязноватыми ладонями слезящиеся от пуха глаза, сухо сплюнул скрипящим на зубах песком, поднятым ветром с дворовой песочницы. Огляделся,

облегчённо выдохнул: кажется, пронесло — Алёнка не заметила его укрытия. Он поморщился: с помойки воняло чем-то тухлым и кислым. Но тем лучше для него — сестра-чистюля ни в жизнь не найдёт его здесь. Заполосенное от бега сердце теперь звучало торжествующей мелодией победы. Ветер, всхлипнув, подул с новой силой. Сорвав с переполненного мусорного бака слегка помятый лист газеты, он перемахнул его через бетонное ограждение с отметинами вьёвшихся помоев и кинул Лёхе под ноги. В нос снова ударил тошнотворный запах мусорки. Лёшка, не выдержав, зажал пальцами ноздри. «Точно! Здесь искать не будет!» — уголки его рта скривились в злорадную ухмылку. Теперь ветер задувал упругими порывами в щель, где прятался Лёшка, засвистел, загудел, словно попал в печную трубу. Мальчик тихонько повернулся к нему спиной, наступив на газету. Не хватало ещё, чтобы торчащий из щели лист нечаянно выдал его убежище!

— Лёшка! Отдай письмо! — совсем рядом, казалось, возле самого его уха, перебил подвывание ветра требовательный голос сестры.

Сердце, ликовавшее ещё секунду назад, обмерло. Не замечая жара, идущего от нагретого на солнце металла, Лёха всем телом вжался в горячую ржавчину гаража, зажмурил глаза так сильно, что стало больно векам. Он хорошо знал характер сестры: найди его сейчас Алёнка — быть ему отметеленным на раз-два. Алёнка в их школе лучшая в защите по баскетболу, рука у неё твёрдая — Лёха испытал на себе не раз.

— Ну, гадёныш, только явись домой! — уже тише со злостью кинула она в пустой двор пятиэтажек. Но тут союзник-ветер обдал её зловонием с помойки.

— Фу ты! — Алёнка сморщила тонкий нос, замахала перед лицом руками, будто отгоняя назойливую муху, и торопливо отступила от Лёхиного схрона.

Мальчишка открыл глаза. Осторожно, чтобы не дай бог не зашуршать газетой или колким гравием, подошёл к краю стены, высунул голову из-за угла. Сестра уже зло шагала по детской площадке мимо покосившихся качелей в сторону их подъезда, на ходу торопливо сплетая растрёпанные волосы в косу. Остановилась у разноцветного домика под синей фанерной крышей, где обычно играла дворовая ребятня. За решётчатыми «дырявыми» стенами из вагонки никого не было видно. Для верности заглянула в его низенькое окон-

це, обошла высыпанную вчера кучу песка на месте песочницы — никого. А Лёшка с волнением выжидал, посмеиваясь над поисками сестры. Лишь после того как злобная пружина негодуяюще захлопнула подъездную дверь за Алёнкой, мальчишка окончательно успокоился. Под прикрытием гаража, прячась от всевидящих окон их квартиры на втором этаже, пригнувшись к земле, он рванул в соседний кубик пятиэтажек к своему другу Вовке Морису.

2

С Морисом они познакомились в прошлом году, ранней весной, хотя пересекались давно — всё-таки в одной школе учились, жили на улице Урицкого, только в соседних дворах. Вовка тогда был уже шестиклассником, а Лёха учился в 5 «а». Сейчас уже никто не вспомнит, из-за чего произошла та ссора, но, зацепившись на переменке в коридоре, после короткой перепалки мальчишки решили «разобраться» после уроков на пустыре за школьным двором. Урок географии пролетел как один миг, приближая неизбежное — хорошую трёпку. Лёха, как и многие пятиклассники, побаивался известного заводилу и хулигана Вовку Мориса. В детстве Морис заболел, вылечиться-то вылечился, а птоз так и остался — с тех пор левый глаз его был всегда прищурен. От этого взгляд его казался нагловатым и вызывающим. В школе даже старшеклассники не цеплялись к Вовке. А тут какой-то доходяга из младшего класса полез на рожон!..

Всё могло быть иначе, если бы в момент их ссоры поблизости не оказалось Лёшкиной тайной зазнобы и первой красавицы из параллельного 5 «в» Люды Алимовой — Людки-дудки, как обзывали её тайные воздыхатели, такие, как и он. На Лёху она бы никогда не обратила внимания — мало ли дохликов бегают по коридорам школы. Да что говорить! И прозвище в школе у него было не ахти какое — Муравей, — с такой кличкой на «рыцаря сердца» даже претендовать нечего. Вот и шмякнуло что-то в голову Лёхе — взбрыкнул молодым петушком, выпятил грудь, вставая на цыпочки перед крепким, выше его почти на голову, Морисом. Тот лишь ехидно ухмыльнулся, небрежно, как досадную помеху, отпихнул «сопняка» со своего пути. Чуть задержавшись, презрительно зыркнул, цыкнул слюной на пол и назначил встречу после уроков.

— Только и ты приди, — на прощание бросил он так, что у Лёхи ослабли коленки. Морисовские дружки, бросая уничижительные

взгляды на Лёху и льстиво хихикая, угодливой стайкой увязались за своим главарём.

Зато он добился своего: Люда, поправляя на себе белоснежный передник, с интересом глянула на Лёху, а он — (подумаешь — Морис! плёвое дело!) — с деловым видом, точь-в-точь, как Вовка, развязно зашагал мимо неё и даже погрозил кулаком в спину Морису и его шайке так, чтобы она видела.

До назначенной драки оставалось ещё два урока. Лёшка не раз успел пожалеть о случившейся стычке, и волнующий его сердцем взгляд милых карих глаз, подаренный ему из-под белокурой чёлки, уже не так распял его отвагу. Учёба в голову не лезла, отвечал Лёха невпопад, поглядывая в окно на виднеющуюся за школьным забором облезшую прошлогодней травой лысину пустыря. В придачу ко всем «прелестям» этого утра классная вlepила ему «три с минусом», испортив в журнале парад из «четвёрок» и двух «пятёрок». На следующей перемене о предстоящей потасовке в школе, казалось, знали все, кроме, наверное, учителей, во власти которых было остановить это побоище. Именно так и рисовал в своём воображении Лёха их будущую схватку — в конце её он, поверженный и недвижимый, лежал в лужи крови. На переменках в коридор он больше не выходил — мало ли чего, вдруг опять с Вовкой встретится, во второй раз налететь на Морисовскую грудь у него не хватило бы духу. Одноклассники-мальчишки шушукались за его спиной, о чём-то злорадно посмеивались, девочки с любопытством и уважением поглядывали, будто видели его впервые. Настроение у Лёхи было расстрельное, а тут ещё на последней математике на Лёшкину парту упал скомканный тетрадный лист. На разлинованной бумаге был нарисован «весёлый Роджер» — человеческий череп над двумя скрещёнными костями.

Лёшка не любил драться, да и не умел. Сбежать?.. Но тогда завтра о его позорном бегстве будут сплетничать все и, само собой, узнает об этом Люда Алимова.

— Лёша! Муравьёв!.. А ты почему домой не идёшь? Ты сегодня какой-то несобранный, что ли.— Тучная Изольда Дмитриевна, их классная, смотрела на него через толстенные линзы очков всё понимающими лупастыми глазами.

Хоть и подмывало обо всём рассказать, Лёха промолчал, нехотя сгрёб рукой учебник и пенал с парты прямо в чёрную глотку порт-

феля. Долго не мог попасть клавишей замка в скобку застёжки и, наконец, уныло поплёлся в коридор, где его уже поджидали трое пацанов — взбудораженные предстоящей дракой дружки Мориса. Последняя надежда выскользнуть из школы незамеченным (мол, его не дождались после уроков) улетучилась при виде наглых ухмылочек этой развязной тройки. В раздевалке под пристальными взглядами Вовкиных приятелей он снял с крючка куртку, не застёгивая, накинул на плечи. Так под конвоем его и вывели из школы.

На улице было по-весеннему свежо. Снег почти весь стаял, оставался лишь вдоль тротуаров, заборов и дорог грязной ноздреватой массой. В воздухе пахло сыростью, тёплым прелым дыханием разбуженной земли. От этих пьянящих запахов, щекотавших ноздри, хмельная кровь дурманом била в голову, наполняя сердце безотчётной радостью и весельем. Вздохнувшая накануне полной грудью природа держала город в трепетном ожидании: вот-вот вспыхнут деревья зелёным узором липкой молодежи весны, а там, в степи, расцвеченной красными кляксами маков, совсем скоро заиграет на вольном ветру ковыль. Знойный воздух наполнится треском насекомых, шуршанием змей, писком грызунов и редким вспорхом белокрылого жаворонка — оживёт бескрайняя степь. А пока яркое солнце прыгало по умытым окнам домов, дразня глаза бликами, грело на голых ветвях карагачей серых, исхудалых за зиму оголтелых воробьёв.

Всей этой красоты Лёшка не замечал. Он старался изо всех сил выглядеть уверенным, хмурил брови, но, видимо, у него это плохо получалось. В голове отчего-то заела сломанной пластинкой дурацкая речёвка:

*Кто шагает дружно в ряд?
Пионерский наш отряд!
Сильные, смелые, ловкие, умелые.
Ты шагай, не отставай,
Громко песню запевай!..*

Но Лёшке петь не хотелось. То и дело спотыкаясь, он нарывался на смешки своих конвоиров. Дружки Мориса всю дорогу, ведущую до пустыря, пересмеивались, перемигивались между собой, «подбадривали» Лёху словечками: «Ща Морис выпится на тебе», ещё говорили: «Ну, ты и попал, сопьяк, — Морис щас муравьедом станет» или просто советовали: «Не бзди, Муравей!» и с размаху хлопали

по плечу. По мере приближения к пустырю их маленький отряд обрстал всё новыми зеваками, окончательно отрезая для Лёхи призрачную надежду на бегство.

На пустыре с примятой к земле пожухлой прошлогодней травой толпились ребята из разных классов. В глазах у Лёшки рябило от алых пионерских галстуков — «кровавых», как подумалось мальчишке. Ребята из младших классов, захватив с собой бараньи мослы, расчистили участок земли для игры в асычки. В сторонке от общей массы младшаков, не выказывая ни малейшего интереса, будто оказались здесь по чистой случайности, прищёлкивали гранями Кубика Рубика старшаки из девятого — с комсомольскими значками на лацканах пиджаков. С появлением шумной делегации во главе с понурым Лёшкой на пустыре воцарилась недобрая тишина. Людку среди школьников Лёха не увидел. «Это хорошо, — успел подумать он, прежде чем удар кулака сшиб его на землю. В глазах у него потемнело. — Как же так! Это не по правилам бить исподтишка!» — хотел было выкрикнуть Лёха в ухмыляющуюся рожу Мориса.

— Давай, Морис, врежь ему ещё! — слышались голоса Морисовских дружков.

Если кто и сочувствовал Лёхе, то такие же дохлики, как и он сам, и, оставаясь в явном меньшинстве, они разумно помалкивали. Лёшка остался один на один с вопящей толпой, смакующей его сокрушительное поражение. Забыв о головоломке Рубика, старшекласники, будто голодные падальщики, столпились вокруг дерущихся, организовывая массы и формируя из зевак импровизированную арену для гладиаторов.

Как ни пытался Лёшка сдерживать себя, но под общий хохот и улюлюканье слёзы обиды сами брызнули из глаз. А в следующее мгновение его страх вдруг испарился, но пришла злость. Эта злость была сродни холодной расчётливой ярости, ему было всё равно: пусть обидчик хоть в два раза больше и сильнее его — он ни за что не уступит. Глаза Лёшки вспыхнули гневом, он приосанился. Утерев рукавом кровавые сопли, весь спружинился и, сжав кулаки, волчонком кинулся на Мориса — отлетел, снова бросился и опять упал. Глаза застилала пелена от слёз, боли и злости, а он вставал снова и снова... Толпа наблюдателей теперь попритихла... Удары Лёхи доходили до цели — по лицу Мориса стекала струйка крови. Повалив всё же Лёху на землю, Морис растерянно озирался по сторонам, словно ища

повода прекратить драку. Похоже, он не был готов к такому развитию событий.

— Чего он, как псих? Это не по правилам, — бурчал Вовка, слезая с поверженного соперника.

— Давай, Муравей!.. — вдруг раздалось из толпы.

И обессилевший было Лёшка вдруг с утроенной силой набросился на Мориса.

Драку остановили старшекласники. Визжащего в запале Лёшку оттащили от теперь уже поверженного Мориса.

Дома после долгого допроса с «пристрастием» Лёха молчал. Он сидел на табуретке в маленькой кухоньке, опустив заплывшее от ударов лицо в пол. В кухне было не протолкнуться: мама, папа, старшая сестра Алёнка — все жалели его и пытались добиться от него, что случилось и кто его так отметелил. А Лёшка ушёл в глухую оборону — надув губы, молчал. Ему тоже было жаль расстроенную мать, обеспокоенного отца, нервно отмеряющего шагами пространство кухни, даже сестру, причитающую: «Кто же тебя так, братик?». Но больше всего он боялся, что его родители пойдут в школу. Прослыть стукачом ему никак не улыбалось. Пойди потом докажи, что предки сами, вопреки его желанию, пошли в школу жаловаться!

Наконец, отец, поспешно накидывая плащ, бросил в кухню:

— Сам выясню всё! Растишь, понимаешь, ребёнка — а хулиганье это!.. — и он тихо выругался.

Только под этой угрозой, всхлипывая, Лёшка признался, что подрался он из-за девчонки и не хочет, чтобы отец ходил в школу, ведь он уже совсем взрослый, а никакой он не сопляк — сам должен разбираться. Сметливый Лёшка всё это время отчаянно искал предлог не пускать родителей в школу и, кажется, нашёл — нет благороднее цели, чем защита девочек и слабых, — отец давно ему это внушал. Пришлось немного соврать, подтасовать факты, но цель была достигнута.

В квартире вдруг повисла минута молчания. И скрипнула половица — это отец скользнул в коридорчик, соединяющий прихожую с кухней. На его вытянутом лице теперь играла глуповатая улыбка. Пробубнив что-то в усы, он растерянно взглянул на ссутуленную спину сына, потом — на притихшую жену с округлившимися, вмиг высохшими от слёз глазами. Отец в полном молчании вернулся в прихожую, повесил на место плащ. А у мамы появилась новая

причина для слёз: «Вот и вырос сынок», — сердобольно выдохнула она. Сестра, хмыкнув, поддела его:

— Взрослый! — Из-за неё ещё никто не дрался, и она, не веря в эту байку, ушла к себе в комнату.

Отец в школу не пошёл. Неделю Лёшка провалялся дома, пока синяки не начали сходить и он, хоть и с бланшами под обоими глазами, стал похожим на себя. А когда Лёха пришёл в школу, Морис, немного смущаясь, протянул ему руку. Так они стали друзьями не разлей вода.

3

Не чуя под собой ног Лёшка забежал в морисовский двор. Вторую неделю подъезд Вовки сиротливо зиял раззявленным ртом — кто-то спёр дверь. Влетев в тёмный зев подъезда, Лёха вдруг остановился, торопливо сунул руку в бездонный карман спортивок, нащупал толстый конверт и облегчённо вздохнул. Морис жил на последнем этаже. Отсчитав пролёты быстрыми ногами, Лёшка с силой надавил пимпу звонка. «Лишь бы Вовка был дома!» — как заклинание повторял он, пока по ту сторону двери надрывался звонок. В квартире будто бы никого не было. В отчаянии цепляясь за последнюю надежду, он громко отстучал по двери их тайный сигнал: «Спартак — чемпион!». Наконец, за дверью послышались лёгкие шаги, клацнул замок.

— А... Это ты... — без особого энтузиазма бросил Морис и тут же отвернул лицо. Он стоял в одних трусах. За напускным равнодушием Вовка пытался скрыть красные то ли спросонья, то ли от слёз глаза — Лёха не успел разобрать: Вовка, потупив голову, повернулся к нему спиной, махнул рукой — проходи, мол, и направился в кухню.

Лишь там Лёшка обратил внимание на синюшно-багровую полосу, опоясавшую спину друга.

— Отчим? — осторожно, боясь задеть за живое, спросил он, присаживаясь к столу.

Вовка мотнул головой:

— Пусть только попробует! — Морис насупился бычком. — Я ему квит на квит, — он грубо, будто в этом был повинен Лёха, сунул ему под нос кулак. — Видал?! — его плотно сжатые губы чуть подрагивали над упрямым подбородком.

— Видал, — огрызнулся Лёха, отвернувшись от кулака, и устался в зашторенное окно. Зря он пришёл к Морису, после таких выво-

лочек тот становился озлобленным, искал ссоры. Лёха, забыв, зачем пришёл, порывисто встал, собираясь уходить.

— Мамка вчера шлангом отходила... — поспешно пояснил Вовка. Он нехотя поднялся с табуретки, будто преграждая другу путь в прихожую. Чувствуя за собой вину, приобнял Лёшку за плечи. — Чего пришёл-то? — заискивающе улыбнулся, заглядывая ему в глаза.

Лёшка оттопырил нижнюю губу и молчал.

— Давай и ты теперь на меня надуйся! У меня и так спина болит, на улицу не выйти. — Морис, несмотря на деланный обиженный тон, дружелюбно притянул Лёшку к себе, он как репей — теперь ни за что не отстанет, пока своего не добьётся. — Не... Ну правда! Чё ты, обиделся?

— За что тебя мамка? — примирительно отозвался Лёха, понимая, что Вовка теперь никуда его не отпустит.

— А, — Вовка махнул рукой, — за науку пострадал. Все великие люди страдали за науку, Лёха! — глаза его заискрились, он весело подмигнул другу. Его плохое настроение как рукой сняло.

— Как за науку? Мы на каникулах. За седьмой класс мамка тебя ещё в мае отдубасила. Откуда тебе «пару» принести? — напомнил Лёшка.

— Закон Архимеда проверял. Помнишь: «Эврика!»? — У Вовки промелькнули чёртики в карих глазах, он растянул лицо в улыбке, вот-вот готовый рассмеяться.

— Ну... — неуверенно протянул Лёха. Про Архимеда он ещё не знал — Морис вечно забывал, что Лёха младше на один учебный год.

— Вот и я тоже набрал полную ванну воды, до самых краёв. Залез туда — лишняя вода, как предупреждал Архимед, вылилась. А как собрать её в ведро, чтобы проверить, сходится ли её вес с весом тела, что её вытолкнуло, я ещё не придумал. Второй раз попробовал, третий... В общем, затопил я дядю Митю с четвёртого этажа, под нами, — отчего-то этот факт сильно развеселил Вовку — он от души захохотал и, всплеснув руками, плюхнулся на табуретку.

У дяди Мити с Вовкой была давняя вражда. Почему так случилось, Лёшка не знал, но был уверен в том, что Морис никакого Архимеда не проверял — это он нарочно затопил соседа, а про Архимеда потом наплёл, чтобы ему сошло с рук.

— Ничего, — весело продолжил Вовка, и глаза его радостно заблестели. — Пускай заново ремонт делает. Некогда будет стучать мамке на меня.

За окном послышался дробный стук. От неожиданности Лёшка вздрогнул.

— Что это? — он покосился на окно.

— А-а... — равнодушно протянул Вовка. — У мамки новое увлечение — голуби. Отчим кормушку сколотил. Лучше бы мне «велик» наладил, — мрачно продолжил он, — на рыбалку ездить не на чем. Жмот, — зло процедил сквозь зубы Морис.

— Никакой он не жмот! — Отдёрнув занавеску, Лёха смотрел, как на краю донца кормушки рябая голубка клюёт пшено. — Отчим тебе вон какой спиннинг достал с катушкой! И гитару чехословацкую! А на велике ты сам колесо погнул. Где он только купил такой велик? — Лёшка повернулся к Морису. В глубине души он немного завидовал Морису. Конечно, жить с отчимом — дело не сахарное, тут завидовать нечему, но спортивный велосипед был далеко не у каждого.

— В «Спорттоварах», наверное, — Вовка равнодушно пожал плечами. — У него блат есть — какой-то знакомый в обувном работает. Отчим ему продукты с базы таскает, а тот — всякое взамен через своих знакомых. Да ну его! — Вовке не хотелось говорить об отчине, тем более, что Лёшка был прав: с появлением в их доме Кабана, как называл Морис мужа мамы, быт их стал налаживаться — новый холодильник, пылесос «Audra», велосипед «Турист» с тормозами на изогнутом руле, в прошлом году в Адлер ездили. Вовка до этого ни разу на море не был.

Морис глянул в окно.

— Слушай, Лёха, всё равно делать нечего. Давай в золотоискателей поиграем! — Вовка даже подпрыгнул на табурете от пришедшей ему на ум идеи. Он снова глянул на горлицу за окном — та переместилась в центр кормушки, где было навалено побольше корма. Выгнув спину, Морис замер, глаза его хищно загорелись, и непоседливые чёртики снова запрыгали в них, паля вовсю бенгальскими огнями.

— Каких ещё золотоискателей? — Лёшка насторожился.

Он давно изучил этот взгляд своего друга. В последний раз после очередной выволочки Мориса они играли в «рыбалку». Тогда ни о чём не подозревавший Лёха с интересом наблюдал, как Морис, зачем-то облив кусок мёрзлого мяса валерьянкой, нацепил его на тройник, привязанный к леске на спиннинге, и закинул с балкона вниз, в кусты. Лёшка поздно сообразил, для кого предназначалась

эта приманка. А потом, кинувшись в кухню за ножом, срезал леску с орущим, извивающимся всем телом котом. «Гад ты, Морис, гад!» — кричал тогда Лёха, глотая от негодования воздух. Они долго не разговаривали после этого случая, и, казалось, дружбе их пришёл конец, но что-то необъяснимо влекло мальчишек друг к другу, притягивало, словно были они как два полярных магнита на уроке физики: со знаком «плюс» и «минус».

— «Золото Маккены» смотрел? На прошлой неделе в кино повторыли. — Морис вскочил, отодвинул Лёшку в сторону, крадучись подошёл к занавеске — за окном ни о чём не подозревавшая голубка, по-птичьи резко вскидывая голову, продолжала клевать корм. Вовка аккуратно, чтобы не спугнуть птицу, резким движением ухватил рукой за край лески, слившейся с белым подоконником и поэтому не замеченной Лёшкой. Теперь он смог разглядеть, что другой её край, присыпанный пшеном и увязанный в петлю, лежал по ту сторону окна на лотке кормушки, и голубка уже наступила в неё трёхпалой чешуйчатой лапкой. Лёшка не успел ничего сообразить, как Морис резко дёрнул, тут же распахнул окно — и голубка билась у него в руках.

— Что ты хочешь сделать?! — Лёха угрожающе надвинулся на Мориса, выставив вперёд грудь, словно голубь дутыш, оберегающий покой своей избранницы. Теперь-то он ни за что не даст издеваться над животиной!

— Да ничего с твоей голубкой не будет! — раздражённо ответил Вовка, трагически вскинув брови и скривив страдальческую гримасу. Он поднёс голубку на уровень глаз, та испуганно загуркала, вытягивая вперёд шею, норовя клюнуть Вовку. — Мамина... Любимая... — в голосе Мориса появились еле уловимые издевательские нотки. — Что я, камикадзе? — Вовка честными глазами посмотрел на друга. — Мамка за неё три шкуры с меня снимет — она больше её любит, чем меня. Лучше возьми-ка у меня в столе фломастеры и мелки. Вчера Кабан принёс... Венгерские. Надо на стенах кактусы нарисовать, чтоб как в прерии было. Ты умеешь, я знаю.

Лёшка засомневался, переводя растерянный взгляд с Мориса на голубку. Рисовать он очень любил — это факт. Все утверждали, что получается у него это дело очень даже здорово, и мама уговорила его идти этой осенью в «художку». Опять же — мелки импортные, фломастеры... Когда ещё удастся их опробовать? Но на стене, прямо

на обоях?! Лёха в нерешительности замялся на месте. Морис сразу смекнул, в чём тут дело.

— Да не бзди ты, Муравей! — Морис знал, чем «встряхнуть» друга.

Несмотря на то что кличка Муравей после их драки качественно преобразилась и теперь звучала грозно, Лёха не любил, когда его так называли. Вовка знал об этом, но именно обращение к Лёхе по кличке делало его кореша другим: Алексей Муравьёв — примерный ученик и послушный сын, а Муравей мог сотворить что-нибудь эдакое хулиганское, на манер самого Мориса.

— Mamka обои заказала для дяди Мити с четвёртого этажа, Кабан сегодня принесёт. Ремонт будем делать ему, ну и себе заодно поклеим. — Морис подмигнул Лёхе, спрятал голубку в пустой ящик из-под посылки и, вдруг вспомнив, крикнул вдогонку скрывшемуся в комнате другу:

— Лёха! Отец-то твой посылку выслал из Москвы? Когда будем «Кока-колу» пить?

— Не знаю, — слышалось из-за стены. — Может, и выслал. Ждём от него письма. — Зашлёпали торопливые шаги. Лёшка вбежал на кухню, держа в руках красочную коробку с мелками, и тут вспомнил: — Совсем забыл — я же к тебе по делу!

— А что за дело? — Морис кинул любопытный взгляд на Лёшку. На коленках у него — ящик с горлицей; приоткрыв крышку, Вовка подглядывал в щёлку за поселившимся внутри беспокойством.

— Вот! Сеструха написала, — Лёшка достал из кармана заветный конверт.

— А я тут при чём? — Вовка, без интереса взглянув на конверт, непонимающе уставился на Лёху, уголки губ его дрогнули.

— Как при чём? — Лёшку злила непонятливость и равнодушие друга. — Кто кошку на спиннинг ловил? Мне потом мамка полдня нравоучения читала. Они с сестрой до сих пор думают, что я был с тобой заодно! Если Алёнка написала об этом отцу, никакой «Кока-колы» не будет! — Лёшка, оперев руки в боки, как делала его мать в минуты нравоучений, с укоризной глядел на друга.

— Это дядя Митя заложил нас! Гад! Больше некому. Он видел, — уверенный на все сто в своей правоте, парировал Морис. Он всегда был таким: говори ему хоть что, а Морису всё нипочём — на своём будет стоять до последнего. Лёшкина мама, как-то выведав, кто всё-таки отлупил её сына, подкараулила Мориса во дворе. «А это-

му с прищуром хоть плюй в глаза — всё божья роса!» — возмущалась она потом отцу после их с Морисом долгого разговора. Вовка опустил на пол ящик, придавил ногой крышку и, выхватив толстый конверт из Лёхиных рук, поднёс к свету. — А если написала, что тогда? — не отрывая глаз от конверта, поинтересовался он.

— Вырвем это место! Я что-то своё допишу, чтобы не так заметно было. Главное — вскрыть аккуратно, на конверте почерк сестры, — шёпотом, словно кто-нибудь мог услышать его, на одном дыхании выпалил Лёха. Он понимал, что поступает плохо, но отступить уже было некуда.

— Думаешь, сестра потом не напишет отцу, что ты у неё письмо спёр? — ухмыльнулся Морис.

— Так это потом! Я сегодня же опущу письмо в ящик на Главпочтамте — оно дойдёт первым, — Лёшка, подавшись всем телом вперёд, замер в ожидании авторитетного мнения.

— Вот что, — голосом эксперта сказал Морис, — ставь чайник на газ. Щас мы всё сделаем! — он потрянул чёлкой, и бесенята в его глазах снова отплясывали. — «Кока-колу» ещё заработать надо!

Вода вскипела быстро.

— Ещё немного подержи над паром... Вон тот уголок, ага... — учил Морис Лёху, заглядывая через плечо. — Ну, всё готово, неси сюда.

Вовка подсел к столу, разобрав бритвенный станок Кабана, вытащил тонкое лезвие. Он аккуратно поддел остриём край склейки конверта, и разбухший от воды клей разошёлся, доверив мальчишкам все секреты.

Лёшка в нетерпении выхватил листы и уселся на табурет. Быстро пробегая глазами строки, он складывал прочитанные страницы на стол. Листков было много, перемешать их он не боялся: каждый листок имел свой номер. Морис из любопытства взял со стола первый попавшийся. В правом верхнем углу значилась дата: 19.06.85 г.

«Папка, привет!

Как ты? Не болеешь? Как твоя шея? Ты у нас на время москвич, поэтому традиционный разговор о погоде. Мы теперь каждый день слушаем о погоде в Москве. Слышали, что у вас шёл огромный град и было довольно-таки прохладно. У нас, наоборот, очень жарко, и я не вылезаю из своего сарафана (помнишь, синий в горошек?). Правда, большие перепады давления. Не перестают взрывать. Все ходят в эти дни как варёные. Стали чаще объявлять о днях

с повышенной радиоактивностью. В прошлую субботу взорвали 1200 килотонн. С химзавода почти каждый день несёт какую-нибудь гадость. Я выбелила балкон, а мама там убрала. Сейчас там более-менее, можно хоть выйти. Очень сильно летел эту неделю пух, так мы повесили на все окна марлю. Дедушка по-прежнему плох, но, как прежде, каждый взрыв отмечает сто граммами «за сбитый»...»

— Лёшка, у тебя дед воевал, что ли? — Морис с интересом уставился на друга. О своём героическом предке его кореш до сих пор почему-то ни разу не заикнулся.

— Что? — Лёшка оторвался от чтения, глядя на Вовку отсутствующим взглядом. В глазах его прояснилось, когда уловил суть вопроса. — А!.. Да, конечно, воевал... Лётчиком. У него и награды есть, — не без гордости заявил Лёшка и, заметив в руках Мориса лист за номером один, добавил: — Больной дед совсем, с кровати не поднимается. Встаёт только, когда испытания проходят. Всех к земле пригибает, когда бомбу взрывают, а ему, наоборот, легче становится. Взорвут бомбу. Он с постели — в кухню, выпьет водки и начинает про войну рассказывать. До самого вечера деда не остановить, а потом опять в кровати целыми днями лежит, молчит.

Лёшка снова погрузился в чтение, давая понять, что ему особо некогда заниматься пустым трёпом. От нечего делать Морис тоже продолжил читать.

«... На дачу привезли машину чернозёма. Дядя Миша помогал нам с мамой и Лёшкой разгружать. Лёшка — молодец, очень хорошо нам помогал. Настоящий мужчина растёт. Он каждый день проверяет почту — ждёт твоей посылки и обещанной «Кока-колы». Мы тоже очень ждём. Мама хочет отправить Лёшку к бабушке в Джамбул на июль-месяц. Так что приезжай скорей из своей командировки, а то у нас «бабье» царство останется (дедушка не в счёт). На Иртыш даже в такую жару не тянет — лужа грязи. Вода прямо грязно-серая и всего на свете столько плавает!.. Мы с мамой часто ходим гулять на берег, не на сам пляж, а напрямую — по улице Лермонтова...».

Вовка, увлечшись чтением, не заметил, как Лёха положил на стол последний прочитанный листок. Он выхватил из рук Мориса страницы и стал нервно записывать в конверт. Лицо его потемнело, он закусил губы.

— Написала про кошака? — Морис, заметив резкие перемены в настроении Лёхи, настороженно всматривался в лицо друга. В на-

ступившей тишине было слышно, как шоркается в коробке голубка, постукивает клювом о дно коробки. Лёшка понурился, голову виновато смотрел на распечатанный конверт. Уши его полыхали от стыда.

— Нет, — наконец, скорбно выдавил он.

— А чего тогда такой?.. — У Мориса, казалось, даже его птоз прошёл. Он изумлённо хлопал ресницами, подбирая нужное слово, но, так и не найдя, лишь раскинул руки вольтом и с усердием тряс головой. Голубка, приподняв крышку рябой головкой, тоже глянула на Лёху, блеснув маленькой слезливой бусинкой.

— Зря я так с Алёнкой, — мрачно выдавил Лёшка, медленно вставая со стула. — Она вон какая! Обо мне только хорошее пишет. А я... — голос его упал, он развернулся спиной к Морису, собираясь уйти.

— Ну и вали! «Она така-ая...» — передразнивая, проблеял Вовка и прихлопнул крышку коробки. — Тоже мне исусик нашёлся! Раньше нужно было головой думать! Чего тогда припёрся ко мне?! — Морис покраснел, набычился, чёртики в глазах замерли, насторожились.

Лёшка оказался кругом не прав, и от осознания этого сделалось ему ещё хуже. Он тяжело опустился на прежнее место, обречённо взял со стола упаковку мелков и фломастеры.

— Ладно, Морис, не обижайся, давай в твоих искателей играть. Мне теперь дома хоть не появляйся.

4

Лидия Сергеевна, мама Мориса, была женщиной, что говорится, в самом соку. Прежнего мужа схоронила она семь лет назад. Затащил её Фёдора обманчивый Чёрный Иртыш¹ по весне под лёд вместе с другом и напарником, таким же заядлым рыбаком. Хоронили их тоже вместе... Горевала Лидия по мужу долго, но делать нечего: жизнь, что река, — бежит своим чередом. В спальне монотонно отмеряли тоскливые ночи без мужа ходики. Уже думала Лидия снести шумливые часы в комиссионку или хоть выбросить, но не решилась — память о муже, родители Федора часы подарили на свадьбу.

Как-то раз пошла она к своей давней приятельнице на новоселье. Давно уже на людях не была, и приятельница позвонила, даже не надеясь, а тут как направил кто Лидию. Там за весёлым

¹ Чёрный Иртыш — верхнее течение реки Иртыш, от истока до впадения в озеро Зайсан.

застольем и познакомилась она с Афанасием. Месяц он ухаживал за ней, потом женихаться стал.

— Ну и что с того, что он центнер с гаком весит! — хлопотали участливые подруги. — Зато мужик в доме, и Вовке твоему отец нужен — парень совсем от рук отбился. Эгоиста в доме растишь. Верёвки из тебя вьёт! Пока молодая, ещё одним ребёночком обзавестись сможешь.

Известие о том, что с ними теперь будет жить Афанасий Львович, Вовка принял в штыки. Задыхаясь от возмущения, он шарахнул дверь и выбежал на промёрзшую январскую улицу. К вечеру домой не явился, и сердечная Лидия, не в силах идти на ночную смену в больницу, проплакала всю ночь, пила валерьянку, обзванивала всех Вовкиных знакомых. Афанасий сидел рядом, готовый в любую минуту выехать на поиски будущего пасынка на своём новеньком «Москвиче». Домой Вовку привёл участковый на следующий день. Его нашли на другом конце города, свернувшегося калачиком у батареи в подъезде «хрущёвки». Через месяц Афанасий переехал к ним жить навсегда. «Не прощу!» — тихо процедил сквозь зубы тогда Вовка за праздничным столом. Фамилию, что досталась от Фёдора, мать менять не стала — Вовка отказался наотрез. Из дома он больше не убегал, но и отчима не принял, как тот ни старался. Вовка стал совсем нервным, взбалмошным, что-то надломилось внутри у него. Как ни билась с ним мать, окончательно скатился на «двойки», связался с хулиганьём.

Этим вечером Лидия возвращалась домой с работы с тяжёлым сердцем. «Что делать с сыном? — вздыхала она. — Совсем слушаться перестал... Афанасия разве что в глаза Кабаном не обзывает... Совсем совесть потерял. Он ведь отчим, а всё для него старается! Другие отцы, хоть и родные, а половины того не делают для детей своих. Афоня, вон, мальчика ещё хочет, а что я скажу Вове? Ведь взрослый он уже — всё понимает. Как примет он ребёночка от отчима? Ведь против Афони всё делает, будто мстит за отца своего, озлобился, сладу нет никакого. И в кого только он такой? Оценки что? — может, выправит к десятому классу, возьмётся за ум, а вот дружки-приятели — одна шваль к нему шастает. Охо-хо! — она тяжело вздохнула, поставила на землю продуктовую авоську с отвоёванными в очереди дефицитом. Размяла затёкшие пальцы. Постояла немного, сме-

нила руку, снова пошла. — И запрещала ведь уже водиться с хулиганьём. Без толку! Квартиру соседу затопил. Сигареты в куртке нашла! Лёша Муравьёв — хороший мальчик. Может, с его родителями познакомиться? Будем в гости ходить друг к другу? Надо что-то делать!». С такими мыслями поднималась она на пятый этаж к себе домой.

Поковырявшись ключом в замке, Лидия Сергеевна отворила дверь. Перешагнув порог, она тихо охнула: сначала испугалась, что в тревожной задумчивости открыла не свою дверь. Трёхкомнатную квартиру, полученную от родного предприятия по выслуге лет, она сразу не узнала, а признав, ослабла ногами.

Брякнув стеклом, шмякнулась под ноги авоська. Схватившись за сердце, Лидия прислонилась к стене и сползла на пол, рядом растекались две белые лужицы: кефирная и молочная. Ещё не веря своим глазам, она осматривала стены родной квартиры, надеясь, что это ей привиделось. Везде, куда мог дотянуться её взор, прямо поверх дефицитных гэдээровских обоев раскинулась американская прерия. Огромные, до самого потолка, кактусы теперь «росли» в прихожей, из-за польской обувницы на неё щерилась страшная рожа индейца, отдалённо напоминавшая их соседа дядю Митю, только с белым пером в иссиня-чёрном волосе. «Хорошие фломастеры принёс Афоня», — отчего-то пришло Лидии в голову.

В следующее мгновение её левый глаз задёргался. Бамбуковая штора, отделявшая прихожую от большой комнаты, куда-то пропала, и в зияющем дверном проёме было видно, как далеко раскинулось каменистое плато, усеянное валунами, кактусами, скальными выступами. Эта чужеземная пустошь тянулась по стенам под размашистыми жирными штрихами мелового синего неба в розовый цветочек родных обоев. Посреди этой унылой пустыни цвёл оазис из близких каждому русскому сердцу белоствольных берёзок — фотообои (единственное, что теперь выдавало сходство с их квартирой) были мило-сердно не тронуты кистью художника.

Как есть — на карачках, но уже чуть оправившись от шока и закипая от злости, — Лидия двинулась в путь, подволакивая сильно занемевшую ногу, — в залу мимо застывших на стенах диковинных мексиканских сусликов с хвостами казахстанских тушканчиков. Они удивлённо тарасили умные синие глаза на свои хвосты-мутанты и на невиданное для прерии «животное», проползающее мимо. В это время из залы грянула песня «Пятнадцать человек на сундук мертвеца».

В большой комнате Лидия увидела апофеоз и завершение всей панорамной композиции. Рядом с берёзками — огромная скала с талантливо нанесёнными на неё светотенями. У подножия рукой художника была нарисована груда сосудов из золота, композиция плавно переходила на пол, на кумачовое покрытие паласа, где возле кучки осязаемых бамбуковых палочек, видимо, олицетворявших человеческие кости, сидел самый настоящий карликовый гриф! «Гриф» был очень маленький, с худенькой, лишённой оперенья красной шеей, с хищным клювом из пластилина, чернильного цвета головкой, крыльями и хвостом. Одной своей лапкой он был привязан к ножке журнального столика. «Гриф» явно нервничал, вздрагивая всем тельцем. Вглядевшись, хоть и не сразу, Лидия всё же узнала в нём свою любимую голубку. Сверху, на выбеленном потолке у люстры, как предупреждение всем земным тварям о бренности этого мира, парил белоголовый орлан, почему-то раскрашенный розовым фломастером. Краем сознания Лидия, как ни странно, отметила, что этих птиц занесли в Красную книгу. Она даже немного порадовалась ясности своего мышления — значит, рано ещё в сумасшедший дом. Рядом с «костьми» из крови и плоти на корточках сидели два «людоеда» в остатках бамбуковой занавески вместо одежды. В одном из них женщина признала своего сына Володьку, в другом — его друга Лёшку Муравьёва.

— Йо-хо-хо! — рвал глотку Вовка.

— И бутылка рома! — подхватывал Лёха.

Первым Лидию заметил Вовка. Из-под копны завитых волос в упор Мориса буравили глаза матери. Её молчание нагоняло ужас. Вовкино побледневшее лицо вытянулось, глаза округлились, он попытался вскочить на ноги, но оступился и упал — будто взгляд матери опрокинул его на пол.

— Атас, Муравей! — выкрикнул он. Быстро перебирая руками и ногами, Вовка, как причудливое насекомое, мелодично побрякивая бамбуковым «панцирем», устремился в бегство.

— А я-то... Я-то, Алексей, считала тебя порядочным мальчиком!.. — Лидия Сергеевна, обретя дар речи и былую силу в органах движения, медленно вставала с колен. Голос её был спокойным, тихим, и от этого мальчишкам стало ещё страшнее. На ходу избавляясь от бамбуковой занавески, Лёха вспотычку выскочил на лестничную площадку, и до самого первого этажа преследовали его укоризненные причитания Вовкиной мамы.

В окнах домов появились первые светлячки электроламп. Сунув руки в карманы трико, Лёшка брёл по вечернему городу. Дворовые мальчишки, те, что ещё не отправились по домам, жгли тополиный пух, наблюдали за тем, как, вспыхнув, бежала вдоль бордюров тротуара огненная змейка. В правом кармане письмо сестры жгло ладонь, и Лёшке страсть как не хотелось возвращаться домой. Он ещё немного покачался на качели, наблюдая за окнами второго этажа. Свет в их квартире горел только в кухне, значит, мама уже пришла со смены, и Алёнка, сидя за столом, жалуется маме о его, Лёшкином, бесстыжем поведении, а мама, охая и вздыхая, наливает ей в большую пиалу горячего щавелевого супа со сметаной. Ему даже показалось, что его ноздрей коснулся еле уловимый кисловатый запах. В животе призывно заурчало. Голод не тётка, и Лёха поплёлся домой.

Дверь ему открыла Алёнка. Лёха поджал губы, весь напряжился. Сначала он думал рассказать какую-нибудь небыхлицу о том, что решил сам поскорее отправить папке письмо, но потом решил выдать всё, как есть: будь что будет! Может, после его признания они с мамой, наконец, поверят в то, что он не был заодно с Морисом тогда на балконе...

— Явился, наконец, — сказала это сестра скорее с облегчением, как о случившемся факте. В голосе её Лёшка не услышал ни злости, ни даже обиды. Он с благодарностью посмотрел на Алёнку, та даже не взглянула на него. — Иди в кухню, мама там... — голос у Алёнки стал глухим, глаза блеснули слезами, поглубже запахнув халат, сунув руки в карманы, она поспешила следом.

«Значит, уже наябедничала мамке», — подумал Лёшка. В посветлевшей было душе его снова сгустились сумерки: уж лучше бы с порога получить затрещину — сразу бы полегчало. Но если дело пошло по такому пути, то, по опыту Лёха знал, мамка в кухне будет его песочить — ждёт его долгое и муторное внушение в кругу семьи. «Наверное, матушка Мориса успела наябедничать по телефону», — тяжело вздохнул он. Лёшка с тревогой посмотрел на закрытую дверь в кухню — за ней было тихо. Толкнул...

За столом, сплетя пальцы в замок, сидела мама. Перед ней — исписанный тетрадный листок. Причёска слегка растрёпана, на осунувшемся лице в уголках будто застывших глаз проступили морщинки. Лицо её было обращено к Лёшке, но смотрела она мимо него, будто

и не было его здесь вовсе. Лёшка даже испугался — никогда он не видел прежде такой свою маму. Ему вдруг стало безумно жаль её, тихую и печальную, он был готов понести любое наказание, лишь бы утешить, вывести из этого оцепенения. Лёшка поспешно достал письмо из кармана, с готовностью положил на стол перед мамой — показаться во всё.

— Вот, — надломленным голосом произнёс он, сам чуть не плача. — Я добавьт своё... Хотел... проверить... Я не знал, что Морис на балконе кога... — опустив руки по швам, Лёшка стоял навывтяжку. Слова застряли в горле. Было ему невыносимо стыдно за все те шалости, что он когда-либо совершал, за нанесённые обиды близким, даже сестре Алёнке.

— Что? — кажется, мать только теперь заметила сына. — Иди ко мне, Лёшенька, — голос её дрогнул, глаза, такие родные и любящие, оттаяли. Она, словно старуха, непривычно тяжело встала, притянула его к себе. Ничего не понимающий Лёшка притих, ощущая важность момента, чувствуя на спине и затылке мамины нервныe руки, и ещё что-то тёплое капало на его стриженую макушку.

— Папа прислал посылку... Там, на столе... — выдавила мама и, больше не в силах сдерживать рыдания, выбежала из кухни. Лёшка растерянно озирался по сторонам. Он решительно не понимал, что происходит. Молчаливая Алёнка тенью отделилась от стены.

— В посылке «Кока-кола», бананы и ещё что-то, — упавшим голосом сказала она. — Можешь забрать себе всё, что хочешь. Мне от него ничего не надо.

— Брось ты! — говорил Морис наигранно-весёлым голосом, глядя нагловатым птозным глазом. — У меня тоже отца нет. Ну и чё?! — он вскинул брови, заглядывая Лёшке в лицо.

— У тебя отчим есть, — Лёшка насупилса, отвёл взгляд в сторону и отвернулся, под ним сердито скрипнул стул. Он никак не мог смириться, что отец больше не будет жить с ними. И письмо это, что пришло вместе с посылкой, — враки, страшный розыгрыш. Почему отец оставил их? В чём Лёшка виновен? Ну шалил он иной раз, но потом же всё было хорошо: дача, рыбалка, Новый год... Не мог отец бросить их... Его... «Оставить ради какой-то стервы», как рубанул дед. Скоро отец вернётся из командировки, и заживут они как прежде: по выходным будут ездить на дачу, достроят из списанных на пап-

киной работе мазутных шпал маленький домик, будут ходить рано утром на Иртыш на рыбалку.

Лёшка нарочно затеял этот разговор, ждал, что Морис скажет именно эти такие важные для него сейчас слова: что Лёшка здесь ни при чём и скоро всё наладится. Но Вовка, не искушенный в вопросах тонкого душевного устройства, резал правду-матку.

— Кабан не в счёт, — категорично заявил он с набитым ртом, зло сверкнув глазами. — Разве может он заменить родного отца?! — Вовка уплетал бананы.

Утром Лёха притащил посылку со всем содержимым к Морису. Алёнка наотрез отказалась от московских подарков, а мама... Она всё утро не выходила из спальни. И каждый раз, проходя на цыпочках мимо её двери, Лёшка прислушивался к скорбной тишине по ту сторону.

Бананы были мягкие и вязкие, как размокшее мыло, и, может, поэтому Лёхе казалось, что вкус у них был именно такой, как у мыла. Почерневшая, ещё хранившая кое-где свой здоровый белый цвет банановая слизкая масса вызывала тошнотворную брезгливость. И всё же, чтобы потом было, о чём рассказать пацанам и до конца вкусить запретного дефицитного плода, Лёха, скривив страдальческую гримасу, сглотнул один кусочек экзотического противного не только на вид, но и вкус фрукта.

— А чего они чёрные? — Вовке всё нипочём. Проглотив очередной банан, он поднял двумя пальцами кожуру, критически осмотрел её со всех сторон. — Вроде должна быть зелёного цвета?.. — вопросительно подняв брови, он уставился на друга.

Лёшку передёрнуло. Чтобы перебить вкус банана, он отхлебнул тёмно-коричневой пузырящейся жидкости из бутылки с вытянутым горлышком, равнодушно пожал плечами.

— Посылка двенадцать дней шла — может, из-за этого. Переспели? — упавшим голосом отозвался Лёшка. Конечно, Морису не понять его чувства вины, тоску, злость и ещё бог весть что навалившееся на него сегодня утром вместе с осознанием случившегося.

— И потом с письмом прокатило — тебя даже не ругали! — продолжал выискивать плюсы для своего друга Вовка.

— Да при чём здесь это?! — разозлился Лёшка. Он резко развернулся к Вовке, ножки стула, на котором сидел, жалобно скрипнули. «Морис, ты живодёр и толстокожий болван!» — хотелось выкрикнуть

ему, но вместо этого дрогнувшим голосом сказал: — Как же я теперь без отца? Ни на дачу, ни на рыбалку, велосипед этим летом хотели купить...

Конечно, рыбалка не самое главное, Лёшка понимал это. Велосипед... Что с того? Без него можно обойтись. Но как быть без долгих душевных разговоров с отцом у костра на вечерней рыбалке? Без уроков плавания на Иртыше, без крепкого рукопожатия отцовской мозолистой руки, запаха мазута от его спецовки. Он вспомнил, как прошлой зимой под Новый год они везли из гаража на санках укутанную ватником сумку с картошкой и банки летних заготовок, как их загнала вьюга в подъезд какого-то дома и, весело смеясь, отец растирал крепкими ладонями побелевшие щёки сына. За узким окном беспомощно завывал степной ветер, у батареи — лужица оттаявшего снега с валенок, а они с отцом грелись и долго говорили. А потом дома отец, отряхиваясь от снега на пороге их квартиры, улыбался своей широкой щербатой улыбкой, выслушивая назидания мамы, встревоженной долгим отсутствием своих мужчин. И так муторно стало Лёшке, так горько! Недавно выпятившийся на тонкой мальчишеской шее кадык часто заходил вверх-вниз, готовый дробить на слоги слова обиды, так и не сорвавшиеся с губ.

— Да ладно, Лёха, чё ты? Прорвёмся! Подумаешь! — Морис виновато заморгал, что-то обдумывая, ещё раз изучил содержимое посылки, затем повернулся к Лёшке, глянул в его налитые влагой глаза. Потом вдруг встрепенулся, лицо его просветлело, глаза заиграли огоньками. — Будет тебе «велик», Муравей! Я у Цыбы сменяю на компот из ананасов, жвачку, бутылку «Кока-колы» и конфеты «Кара-Кум». Если, конечно, тебе не жалко, — он ещё раз заглянул в посылку, что-то прикидывая в уме и оценивая её содержимое. Глянул на друга. Лёшка, кинув взгляд на посылку, равнодушно пожал плечами.

— Тогда замётано! С тебя — посылка, с меня — «Урал», правда, не новый. Завтра на рыбалку махнём на «великах»! — он радостно хлопнул Лёшку по плечу.

— А он, этот Цыба, согласится? — Лёшка даже немного оживился. Было сомнительно, что за кучку продуктов, хоть и дефицитных, можно выменять велосипед «Урал», даже если он подержанный.

О большом велосипеде для взрослых Лёха мечтал давно, из своего старенького «Орлёнка» он вырос, и его двухколёсный «друг» был свезён на дачу ещё прошлым летом. С завистью поглядывал Лёшка

на мальчишек-ровесников, которые гоняли на таких «Уралах». Лёха, сидя в седле, уже мог крутить педали ногами, дотягивался до них носочками в самой нижней фазе вращения — он пробовал, хотя ездить в седле было не обязательно: те из ребят, кто был меньше его ростом, катались, присев на раму или вовсе сбоку, просунув одну ногу под поперечную раму.

— Куда он денется, влюбится — женится? — Морис выразительно цыкнул, втянув воздух правым уголком рта, подмигнул, потрянув вихрастой головой, и все тридцать бесенят в его глазах снова загоношились. Он глянул на старые ходики на стене (память об отце) — стрелки показывали четверть одиннадцатого утра. Вовка как-то засуетился, глаза его забегали, он ещё раз посмотрел на Лёху, словно размышляя, посвящать его в свою тайну или нет.

— Ладно,— после недолгого раздумья сказал он самому себе,— пойдём, покажу что-то.

Заинтригованный Лёшка молча направился за ним в спальню мимо своего вчерашнего настенного художества. Палас, свёрнутый в плотный рулон и увязанный бечевой, лежал вдоль стены с берёзками, на полу, выкрашенном в песочный,— следы осыпавшейся извести, ссохшегося клейстера, клочки обоев. Кое-где со стен обои уже были содраны. Лидия с отчимом уехали на выходные на дачу, оставив Мориса в качестве наказания заниматься ремонтом квартиры. Таким было его объяснение.

В спальне с занавешенными тяжёлыми порттьерами окном царил полумрак, даже отчего-то казалось, что здесь было прохладней, чем в остальных комнатах. Плотно закрыв за собой дверь, Морис сумрачным привидением скользнул мимо кровати к шкафу, запустил руку под сложенную ровной башенкой стопку выглаженного накрахмаленного белья, осторожно, чтобы не испортить порядок вещей, вынул из глубины полки бинокль. Приняв величественную осанку, он гордо потряс биноклем перед Лёхиным лицом.

— Видал! Морской — восьмикратный! — похвастал он. Морис, что-то насвистывая, деловой походкой направился мимо Лёшки к окну, отодвинул край порттьеры и со словами «отсюда лучше видно» поднёс окуляры к глазам той стороной, что приближает предметы.

— Где взял? — только и выдохнул позабывший о своём горе Лёха.

— Где взял — там уже нет! — веселился Вовка, подкручивая колёсико резкости. —... Она обычно в это время приходит — я уже

заметил, — шаря окулярами за окном, шёпотом бубнил себе под нос Вовка, будто кто-нибудь ещё мог услышать их.

— Кто «она»? — в тон ему зашептал Лёха, чуть подался вперёд и весь напрягся.

— Танька с моего класса. Она в среднем ряду сидит за второй партой. Её окна как раз напротив моих. В это время она приходит домой со своей гимнастики — переодевается. Бери, смотри, — Морис протянул бинокль и услужливо оттянул портьеру, делая щель ещё шире.

— Тебя не учили, что подсматривать нельзя, — приличия ради зартачился Лёха, пытаясь совладать с накотившим на него волнением и ударившей в лицо краской стыда за то, что ему сейчас предстоит сделать.

— Подсматривают в замочную скважину, Муравей, а у нас — наблюдательный пункт, — зло зашипел на него Морис. — Сам посудите: чего она каждый раз возле окна крутится? — он грубо сунул Лёхе в руки бинокль.

Лёшкино сердце билось в груди попавшей в силки птицей, в голове зашумело, в животе сжался тёплый ком, он спускался всё ниже, разливаясь в паху приятной истомой. С ним случалось такое однажды. Как-то ему в руки попала отцовская бритва. Втайне Лёшка мечтал о том, чтобы у него стали расти волосы на лице так же, как у отца. Он был уверен, что именно с этого момента на него станут обращать внимание девчонки и сама Люда Алимова. Глядя на себя в зеркало, он пару раз провёл безопасной бритвой по подбородку. Тогда Лёша впервые испытал это чувство.

Он взял в руки бинокль. «А вдруг я увижу то, чего мальчикам видеть нельзя?» — пронеслось в голове у Лёхи. Конечно, он уже видел женские прелести, правда, пока в «Детской энциклопедии искусства» в разделе эпохи Возрождения. Лёха облизнул пересохшие губы, поднёс к глазам бинокль. Окно напротив было распахнуто. Солнечные лучи проникали в комнату, освещая часть шкафа с зеркалом во всю дверцу и край стола с книжной полкой. Таня только что распахнула окно и стояла рядом, поправляя шторы. На ней была светлая футболка, под которой обрисовывалась грудь, и короткая юбка, выставляющая напоказ крепкие стройные ножки. Для будущей восьмиклассницы она выглядела уж очень взрослой. Поправив шторы, Таня посмотрела прямо на Лёшку, краешки губ её чуть дрогнули в улыбке.

Лёшка, будто от удара, отпрянул от окна, ему показалось, что Танька знает о Вовкином «наблюдательном пункте». Он протянул бинокль Морису.

— Кажись, она увидела меня, — испуганно выдохнул Лёха.

— Как она может увидеть? — усмехнулся Вовка. — Это у нас бинокль, а не у неё.

— Всё равно она всё знает! — заупрямился Лёха. Ему стало очень стыдно, будто он своровал что-нибудь. Лёшке вдруг пришло на ум, что рано или поздно встретит Таню в школе. Пусть она не в его классе и даже на год старше — всё равно. Как потом смотреть ей в глаза, если подглядывал за ней?

Морис насмешливо посмотрел на Лёху — снова протянул ему бинокль, но тот отрицательно замотал головой.

— Как хочешь, — хмыкнул Морис, убирая бинокль в чехол.

Вовка редко прощал, когда ему в чём-то отказывали. Не прощал вовсе, когда кто-то пытался достучаться до его совести. Морис был уверен, что Лёшке понравится его секрет, и теперь, когда он не только обманулся в своих ожиданиях, но и чувствовал себя вляпавшимся во что-то грязное, дурное, он хотел ещё раз надавить на Лёху — пусть и он испачкается. Вовка сунул бинокль на прежнее место и с неприкрытым презрением бросил Лёхе ледяным тоном:

— Так и останешься маменькиным сыночком.

— Это здесь ни при чём, — глухо отозвался Лёшка, сжимая кулаки от нанесённого ему оскорбления. — Подсматривать не буду!

— Чудак-человек, — сменив тон, уже примирительно отозвался Морис.

Самолюбие Вовкино было снова задето, и он был готов вспылить, но, смекнув, что ссориться по этому поводу им не стоит, сдержался, — не то настроение было у Вовки, а Лёха, наоборот, набычился. Морис помнил его таким, тогда на поляне за школой... «Не сейчас — позже разберёмся», — подумал Морис.

— Обои сдирать со стен сможешь? — Вовка широко улыбнулся, будто мгновение назад не пробежала между ними чёрная кошка.

— Давай помогу, — сразу оттаял Лёха. Он не держал обиды подолгу — не мог.

До обеда друзья управились с обоями — всё Лёшкино «художество» было снято со стен и вынесено в мусорный бак. С Морисом они распрощались до завтрашней утренней рыбалки.

— Смотри, про Таньку — никому! — нахмурил брови Морис.

— Могила! — согласно кивнул Лёшка и направился домой, по пути стряхивая с головы извёстку и остатки клейстера.

Дома, вопреки его ожиданиям, было оживлённо. В кухне за столом сидела мама, тут же, одетый в парадный мундир, шумел дед. На столе — пустая рюмка, тарелка с ломтиками селедки. «Видать, снова бомбу испытывали», — подумал Лёха.

— ...Ты, Анастасия, слёз не лей — они не помогут! Стыдиться тебе не перед кем. Пусть стыдно будет ему, Славке! Моему охладону так и передай, что, мол, отец ни в какую Москву не поедет. Семья его находится здесь! — рывкнул дед, глаза его вспыхнули, он стукнул в стол кулаком, и медали на его груди одобрительно брякнули.

— Нашёл, понимаешь, в Москве какую-то... — он открыл было рот, но тут заметил в коридоре Лёшку и, поперхнувшись ругательным словом, уже готовым сорваться с губ, откашлялся в кулак, — ... кикимору! — выдавил он из себя с хрипом. Немного отдышавшись, продолжил: — Так и скажи ему: не для таких, как он, его отец в срок первом со своими товарищами Москву от немца отстоял! — снова стук по столу и победное бряцанье медалей.

— Скажи, отец передал: его место как предателя здесь — в ссылке, в степи, в Павлодаре! — стук в стол и будто печальное бряцанье кандалов на мундире солдата-победителя.

— Дед, ты что говоришь такое! Ты тоже в степи, в Павлодаре, получается, что и ты в ссылке? — послышался Алёнкин ехидный голос из глубины соседней комнаты.

Дед задумался, полез во внутренний карман мундира, достал расческу и пару раз провел по волосам, затем поднёс её к губам, резко дунул в частые зубья, кашлянул в кулак.

— Про ссылку, Алёна, не говори. Здесь Анфиса, бабушка твоя, дождалась меня с фронта, работала, как проклятая, по двенадцать часов. Не было б её, не ждала бы меня с фронта — не жить мне. Ты, внучка, многого не знаешь. Прежде поживи с моё — тогда и поговорим, — и осторожно, чтобы не потревожить притихшие медали, сунул расческу обратно — во внутренний карман мундира.

Мама всё это время молчала, иногда кончиком платка промокала краешки глаз.

— В котором часу он заказал переговоры с тобой? — дед сурово поднял правую бровь.

Мама глянула в листок телеграммы на столе, потом на наручные часы.

— Надо идти уже, — потухшим голосом ответила она, — могу не успеть на переговорный пункт.

— Смотри, передай мой родительский наказ слово в слово! — он погрозил пальцем кому-то в окно. Его потемневшее старческое лицо с бульдожьими дряблыми щеками стало ещё мрачнее. Он всем телом навалился на спинку стула, обмяк.

— Семён Михайлович, вы не переживайте, я всё передам ему, — мама подскочила к деду, обхватила запястье пальцами, нащупывая пульс. — Вам бы прилечь, отдохнуть, — мама с болью в глазах глядела на свёкра.

— Алёна, помоги отвести дедушку в спальню! — позвала она дочь и только сейчас заметила Лёшку, стоящего в коридоре. Виногато, словно стыдясь чего-то, глянула на сына, торопливо схватила со стола телеграмму, сложила её в несколько раз, зажала в ладони.

— Я скоро приду, — сказала она то ли Лёшке, то ли подошедшей Алёне.

5

Морис сдержал своё обещание — возле подъезда поплёскивал никелированными спицами в колёсах красавец «Урал». Лёшка приметил велосипед сразу, как только высунулся в окно на призывный Вовкин свист. Морис сидел в седле своего «Туриста»; к раме его был привязан спиннинг, на багажнике — пластмассовое ведро, прикрытое тряпицей, из-под тряпки торчал аккуратно смотанный садок.

— Чего сидишь? Давай быстрее! — Вовка старался вести себя так, будто велосипед, что он привёл для Лёхи, — это ничего особенного, будто для него плёвое дело — дарить велосипеды. Но сияющие гордостью глаза выдавали с лихвой его чувства. Он важно дул щёки, выпячивал грудь, говорил с гонором, одним словом, выпендривался. Лёша опрометью выбежал на улицу — и сразу к «Уралу».

— Вот, как и обещал, — с важностью сказал Вовка, указывая на велосипед. — Даже осталась банка одна с ананасами. Съедем потом на рыбалке. Удочку-то чего не взял? — довольно усмехнулся Морис, глядя на то, с какой любовью его друг осматривает слегка обшарпанную

раму велосипеда. Он широко улыбнулся, и беспокойные бесенята в глазах его присмирели. Вовка любил эти минуты благородства и себя щедрого. Вот только боялся, что однажды кто-нибудь прознает и сразу найдутся те, кто высмеет щедрость его и широту души, а то и вовсе обвинят в пресмыкательстве, желании всем понравиться, угодить, представят его слабаком. Тогда добытому кровавыми соплями хулиганскому авторитету Вовки придёт конец. Морис давно уяснил, что благородство — это не для каждого, не всякому показывать его нужно. Лёшка заслужил это, когда против него попёр — не испугался, а что до остальных слабаков, то пусть другими «аргументами» довольствуются! И теперь он устроил всё как надо, по справедливости — его, Вовкиной «справедливости»: у него дома лежала посылка, у Цыбы под глазом красовался бланш, а у Лёхи под окнами — «велик». Вовка отдал бы с радостью и мелки, и фломастеры (зачем они ему?), но чтобы никто не узнал о подарке. Лучше пусть Лёха разрисует стены Вовкиной квартиры, заодно порадуетя вместе с другом и Кабану боли головной добавится. «Пока с ним не совладать, — расчетливо выстраивал стратегию Вовка, ведя с отчимом свою партизанскую войну. — Что же, позже разберёмся...»

— ...Удочку?.. — Лёшка, казалось, не понял друга. Он ещё не верил до конца, что стал обладателем сокровища под названием велосипед «Урал». С лица его не сходила глуповатая улыбка, будто приклеили. — Сейчас сбегаю, — спохватился он.

Через пару минут мальчишки катили по любимому городу, его душным утренним улицам, так и не отдавшим избыток дневного тепла за ночь. Лёшкино сердце пело. Он глотал тёплый упругий ветер и всё сильнее налегал на педали, поглядывая на своего друга, не уступающего ему в скорости на своём «Туристе». В утренних лучах солнца брызгали серебром спицы, весело шумели шины, дома, пробуждающиеся ото сна, озорно подмигивали им блеском окон, радуясь новому дню. Мальчишки колесили по полупустой улице Лермонтова, подгоняя друг друга шуточками, и каждый старался выжать из своего стального коня всё, на что тот был способен.

— Это ещё чт-о-о! — крикнул Морис Вовке, стараясь перекричать монотонный мотив ветра в ушах. — Сейчас я переключу другую скорость — тогда посмотрим, кто кого! — он повернул рычажок на раме.

Когда подъезжали к перекрёстку академика Сатпаева, в доме, мимо которого они ехали, распахнулось окно, из него выглянула

шумливая компания подростков, подгулявших ещё накануне вечером. Кто-то из них выставил на подоконник колонку от проигрывателя, из неё вырвалась и махнула вдоль улицы через перекрёсток песня «Bad Boys Blue» «You're Woman».

— Юра — вумен, а я — мэн!.. — подхватил Морис модный припев, обгоняя Леху и вылетая на перекрёсток. — Юра хочет купить фен!.. Догоняй, Муравей!

Редкие прохожие оборачивались на мчащегося по перекрёстку Вовку, сокрушённо кивали ему вслед, осуждая его бесшабашность, а может, незнание английского языка. Лёшка, разгорячённый отчаянной погоней, рванул за другом, изо всех сил налегая на педали...

— Гляди, Муравей, об этом месте — никому! — Морис испытующе глядел на друга, тот согласно кивнул. — Здесь у меня что-то типа штаба, — по еле приметной тропке он повёл друга прямо в заросли рогоза. Скоро они вышли на маленький песчаный пятачок на берегу реки с деревянной дверью посередине, слишком уж напоминавшей ту самую, что не так давно стояла в подъезде Мориса.

— Зачем это тебе? — Лёшка кивнул на дверь, он догадался, что дверь эту стащил Морис из своего подъезда. Лёха нагнулся, хотел было приподнять её за край, но она оказалась слишком тяжёлой. «Как же Вовка смог дотащить её сюда?» — удивился он, но смолчал, ждал, что ответит ему Вовка.

Морис отмотал спиннинг от рамы, снял с багажника ведро, положил велосипед на песок рядом с Лёшкиным «Уралом». Всё это он проделал молча и с необычайной важностью. Уселся на дверь, поставил перед собой ведро.

— Как окончу восьмилетку, в Ханты-Мансийск подамся, — сказал он это очень серьёзно, и Лёшка почувствовал всю важность решения друга. Морис ждал, что на это скажет Лёшка, оттого внутренне напрягся. А Лёшка не знал, как спросить, чтобы не обидеть, почему именно в Ханты-Мансийск и при чём здесь эта дверь. Молчание нарушил Морис.

— Чего мне делать здесь? Мать — с Кабаном, а я так, сам по себе, — он поднял камешек с песка и бросил его в тёмную воду Иртыша. — Я подумал, что, раз уж папка твой... — он запнулся, виновато глянул на друга. Лёха непонимающе захолопал ресницами. — В общем, я предлагаю поехать вместе. Поступим в речнуху, а когда окончим, будем ходить в загранку. Мамка всё с Кабаном меня сравнивает,

попрекает. У Афанасия — это, у Афанасия — то! — ехидным писклявым голоском передразнил он свою мать. И глухо, совсем другим, не своим голосом, со злобой Морис добавил: — Торгаш! Выйду в море — увидим тогда... — он цыкнул слюной в песок и, уже мечтательно, подняв в небо глаза, продолжил: — Год отучусь, а там ты подъедешь. Тебе проще будет, Муравей. — Он снова по-приятельски пихнул его локтем. — Ну, так как, согласен? Приедешь? — как ни пытался Морис хорохориться, голос его дрогнул. Он взглянул на Лёшку. Лицо неподвижно, в глазах его то ли печаль и боль, то ли твёрдая решимость и страх перед скорым предстоящим выбором. Лёха не видел его ещё таким, он согласно кивнул. Не мог он своему другу в эту минуту ответить иначе.

Морис посветлел лицом, оживился, полез зачем-то в ведро и торжественно достал из него кассетник «Парус-201-стерео». Лёшка видел такие. Он с другими мальчишками бегал смотреть на них в магазин «Электроника», когда их только выставили на продажу. Стоил магнитофон дорого, ровно столько, сколько мамка получала за месяц, и, конечно, такая «игрушка» ему не светила, особенно сейчас, когда отец в Москве... «И чего ещё Морису не хватает?» — тяжело вздохнул Лёшка, с завистью поглядывая на магнитофон.

— Свежий концерт «Кино», — торжественно объявил Вовка.

Он вставил в кассетник новенькую, прозрачную с красными вставками, кассету «SONY» и клацнул клавишей.

Они ещё долго сидели на берегу Иртыша, всматриваясь, как тёмные воды его неспешно уносят вдаль то ли насмешливые, то ли печальные слова Виктора Цоя:

*Они говорят, им нельзя рисковать,
Потому что у них есть дом.
В доме горит свет.
И я не знаю точно, кто из нас прав.
Меня ждёт на улице дождь.
Их ждёт дома обед.
Закрой за мной дверь.
Я уйду.*

И каждый думал о своём...

На привокзальной площади стоял солдат, одетый в парадную форму ВДВ с аксельбантом и неуставными золотыми погонами. Синий берет, лихо заломленный на правую сторону, короткие хромовые сапоги с самодельной шнуровкой на внешней стороне голенища — всё чин по чину. Ещё и дипломат при нём. Проходящие мимо девушки шушукались, кокетливо поглядывая на солдата. Прохожие постарше задумчиво улыбались, наверно, вспоминая былые годы. Военный патруль безразлично прошёл мимо, только первогодка, тоже затесавшийся в толпу, украдкой бросал завистливый взгляд на дембеля. А солдат не обращал ни на кого внимания. На лице его блуждала лёгкая улыбка человека свободного и счастливого. Он шурился от яркого солнца, озирался по сторонам, будто вспоминая, как выглядит привокзальная площадь родного города. Рядом с ним у обочины резко затормозила иномарка.

— Лёха! Муравей, ты?! — тонированное стекло «бэхи» опустилось с тихим жужжанием. В открытое окно выглянула бритая голова. Алексей не сразу узнал в пассажире на переднем сиденье престижного авто своего друга.

— Вовка?! Морис! — Алексей поставил на асфальт дипломат и развёл руками.

— Цыба, постой на ручнике, — обратился он к водителю. — Ща, братва, я с корешем поздороваюсь, — кинул Морис кому-то в салон автомобиля. За тёмными стёклами пассажиров было не видно, но по усадке BMW можно было догадаться, что забита машина, как говорится, «доверху». Вовка вышел из авто и развязной походочкой подошёл к Алексею.

— Ты что, уже дембельнулся? — критически осматривая Лёшкину парадку, спросил он. — Прямо гусар! — Подошёл, крепко, по-дружески обнял Лёху.

— Вот уж не думал, что встречу тебя здесь, да ещё в первый же день, как вернусь из армии. Как речнуха, уже окончил, наверное? — Алексей был рад видеть своего старинного друга. Они не виделись с ним с тех пор, как Вовка уехал в Ханты-Мансийск. Морис возмужал, окреп, накаченные бицепсы выпирали из-под рукавов футболки. Джинсы-варёнки, кроссовки — «Адидас» — фирма! От прежнего Мориса-хулигана осталась, пожалуй, его фирменная походка и нагловатый птозный прищур.

— Есть дела поважнее, братуха! — Вовка заговорщицки подмигнул Алексею.

— Пойдём ко мне, Вовка! Мама стол накрыла — я телеграмму высылал, — Лёшка, взволнованный встречей, хмельной долгожданной гражданской жизнью, был уверен, что каждый, кого он встретит, почитает за счастье прийти к нему в дом, сесть за праздничный стол по случаю окончания его службы.

— Говорю же: есть дела поважней. Ладно, давай завтра с утра на моём месте. Помнишь штаб? — Морис ухмыльнулся, хлопнул твёрдой рукой по его плечу, пошёл к машине.

— Не забудь — в семь утра буду ждать, — крикнул он уже из окна «бэхи».

Они снова, как в детстве, сидели на берегу Иртыша, расположившись на полустгнувшей двери. Морис жевал соломинку, Лёшка задумчиво разглядывал пустое дно полиэтиленового ведёрка. У кромки воды из песка торчало удилище, в тихой заводи на поверхности тёмной воды дремал поплавок. Солнце сверкало бликами по чешуе играющей в воде рыбы.

— Ну так что, пойдёшь к нам? Будешь моей правой рукой, — нарушил гнетущую тишину Морис. — В бригаде нужны такие, как ты, — крепкие и умные. Поверь, кулаками махать с головой надо. — Он поднял руки к подбородку, сжал кулаки с недавними следами ссадин на костяшках, демонстрируя стойку боксёра.

Алексей молчал. Он зачерпнул ладонью песок, наблюдая, как утекает он меж пальцев в ведро. Не такой он представлял встречу со своим другом. Может, застрял Морис в хулиганском детстве — так и не вырос из него? Будто не понимал вовсе, что спрос теперь с него другой. Это раньше, в детстве, можно было всё исправить: помириться с соседом, вернуть Цыбе велосипед. Ну да, отчим всё купит, обо всём договорится. Теперь сам себе голова. Лёшка пристально посмотрел на друга. Вовка Морис — тот самый, который мечтал о «речнухе» и загранках. Нет, будто померещилось. Не тот Морис... Вовка всегда был хваток — даже не по годам, своего не упускал. Всегда в центре внимания, всё ему и всё для него. И всегда ему мало... Странное дело: вроде всего в избытке и всё равно мало.

Лёшка отвёл взгляд, разглядывая берег родного Иртыша.



— Чего молчишь? — Морис терял терпение. Он легонько, как делал это в детстве, подтолкнул друга локтем, призывая к разговору.

— Исккупаться бы, — мечтательно протянул Алексей. — Все два года хотел вот так у Иртыша посидеть, поудить. Я ведь после армии в «речнуху» собрался в Ханты-Мансийск. Помнишь уговор? — Он пристально посмотрел на Мориса, будто ещё надеясь на что-то, но тот и виду не подал — только птозный глаз задергался, выдавая Вовкину нервозность. — Знаешь, я с трудом нашёл это место, — задумчиво глядя на прерывистые струйки песка, продолжил Алексей. — В детстве мир казался намного больше: река — шире, деревья — выше, рогоз этот — будто джунгли. Сейчас — дело другое. Может, из-за того, что я вырос, повзрослел и смотрю на всё иначе? То, что раньше казалось значимым, большим, теперь обмельчало, что ли. Даже стрекоз нигде не видно. Ты не знаешь, Вовка, куда улетели стрекозы?..

Морис молчал, хмурился, играя желваками на скулах.

— Нет, Вовка, в бандиты не пойду, — наконец сказал Алексей твёрдым голосом и разжал кулак — песок весь, без остатка, соскользнул

в пустое ведёрко, приготовленное для улова. Поплавок в заводи давно бил тревогу, но на него уже никто не обращал внимания.

— Ну и дурак! — зло кинул Морис. — Будешь, как отчим мой, — терпилой. Я его ларьки такой данью обложил! — Вовкины глаза лихо-радочно блестели, губы изломала злорадная усмешка.

Алексей, казалось, не слышал его. Трудно ему было говорить со старым другом — совсем разными стали по прошествии лет. Видно, разошлись их стёжки-дорожки по жизни и, наверное, не сойтись им уже больше никогда.

— Ладно, как знаешь, — Морис быстро остыл. Надменный, равнодушный, медленно поднялся на ноги, отряхнул джинсу от песка.

— Если передумаешь вдруг — скажи, — он ещё немного постоял, глядя на открытую широкую шею и окантованный по уставу затылок друга. Но Вовка знал — Лёшка не передумает, он всегда держал данное слово, как бы дорого потом это ему ни обходилось. Собрался было уходить, но остановился. — Таньку-гимнастку из дома напротив помнишь? Ты ещё подглядывать за ней не хотел... Наверное, думал, она чистая, хорошая, — усмехнулся Вовка. Алексей кивнул. — Она проституткой работает в ресторане гостиницы «Иртыш», — будто мстительно сообщил он. — Понадоблюсь — скажешь ей, она найдёт меня. — Морис резко развернулся и, не простившись, ушёл.

Лёшка встал, потрянул головой, потянулся, сбрасывая с крепкого тренированного тела оцепенение, выкинул удочку на берег, ловкими движениями скинул с себя одежду и, как был голым, побежал в тёмную воду Иртыша.

ЗАПАХ ЧЕРЕМШИ

Рассказ

«Молоко, кумыс, творог, сметана-а!» — эхом отражалось в окнах многоэтажек. В перерывах, где-то между «сметана-а» и «молоко», размеренно стонало колесо несмазанной тележки. Воскресное утро было испоганено. Внутри у меня всё кипело. Я открыл глаза — на подоконнике в проржавевшей банке из-под венгерского горошка «Глобус» торчал чахлый стебелёк хозяйской герани. «Не жалко», — подумал я и подскочил к окну с полным осознанием дела и решимостью, которыми, видимо, в своё время был преисполнен герой романа Достоевского «Преступление и наказание». Причины на то имелись. На востоке время бежит по-особому. Стремительный ритм мегаполиса, срывающий с тёплой постели, крутит тебя с раннего утра до позднего вечера, и единственный шанс хоть как-то выспаться может выпасть только на воскресный день. И в этот день откуда-то с гор спускаются молочницы. Раньше их в Алма-Ате не было. Распался Советский Союз, Алма-Ата превратилась в Алматы, рубли сменили тенге, а на следующий же день после распада могучей империи в город со всех сторон потянули свои тележки — читай в отдалённом прошлом детские коляски — потомки Темирлана, Чингисхана и Батыя. Для русского человека выглядят все они примерно одинаково — усталое скуластое лицо, почерневшее, обветренное, покрытое морщинами, раскосые глаза, голова повязана ярким платком с обязательной золотой вышивкой, поверх светлой блузки — цветастый жакет с кармашками, а из-под длинной кримпленовой юбки неопределённого цвета, скрывающей кривые кавалеристские ноги, виднеются чёрные хромовые сапоги.

Я выглянул из окна своей съёмной комнатухи на седьмом этаже. Над крышей стоящей напротив девятиэтажки в лучах тёплого весеннего солнца сверкали ледовыми шапками вершины Заилийского Алатау — одного из красивейших урочищ высокого пути Тянь-Шаня. Внизу, в пустынном утреннем дворике со сломанными качелями и сгнившими пеньками, оставшимися от скамеек,

в песочнице радостно рылся чей-то пес. Мимо коробок домов, заглядывающих в глаза друг другу занавешенными сонными окнами, переваливаясь с ноги на ногу, будто старая утка, катила впереди себя тележку с бидонами апа¹.

«Молоко, кумы-ы-ы...» — заезженной пластинкой доносилось снизу.

В это время в доме напротив скрипнула балконная дверь. Из неё выскочил мужик в синих семейных трусах и таких же наколках.

«Пошла на..!» — зычно прорычал он, выражая, как мне показалось, настроение большинства жильцов нашего двора.

Апа смолкла, и лишь по торопливому скрипу колеса можно было судить о темпе, набранном её хозяйкой. Отлегло. Я с благодарностью посмотрел на уже опустевший балкон, с которого только что незнакомец в синем подарил мне прекрасное расположение духа, избавив от мучительных метаний Раскольникова. «Надо бы полить цветок», — подумал я, сладко потянулся и направился в ванную комнату.

Уснуть мне всё равно теперь не удастся, так что лучше заняться делом. Сегодня ко мне должны приехать мои друзья из Новокузнецка — два Юрка и Димарь. К их приезду я решил приготовить экзотическое для россиянина блюдо — бишпармак. Свежая баранина, заблаговременно приобретённая мной на рынке накануне вечером, лежала в холодильнике и ждала своего часа.

С Юрками и Димкой мы познакомились не так давно на квартире у одного моего приятеля и, как это водится у родственных душ, сразу подружились. Раз или два в месяц на «Ниссане» они приезжали в Алматы по своим коммерческим делам и останавливались у меня на день-другой.

В хлопотах день прошёл незаметно. Шёл восьмой час вечера, когда ко мне в дверь постучали. На пороге стояли оба Юрана.

— Здорово, Володкэ! Что у тебя звонок не работает? — без обиняков набросились они на меня.

— Привет, хлопцы! — поздоровался я, высвобождая свою руку из крепких тисков старшего Юры. — Проводка повреждена. А где Димка? — поинтересовался я, заглядывая через плечо Юрки-младшего. — Обещал ведь тоже приехать.

¹ Апа — мама; бабушка; старшая сестра (чаще при обращении) — форма обращения к старшей родственнице или старшей женщине.

— Да здесь он, здесь,— пробасил Юрий Иванович.— Мы его в лавку отправили.

— Обижаетесь,— протянул я,— с самого утра в морозилке остывает, вас дожидается.

— А мы чтобы два раза не бегать,— отшутился Юрок-младший.

Друзья ввалились в квартиру и, наскоро помыв руки, отправились со мной в кухню. На столе (я подгадал время!) нас уже поджидало большое круглое блюдо, доверху наполненное отваренными в мясном бульоне лепёшками, сверху них дымились куски баранины. Тут же в пиалах стояла шурпа с зеленью, рубленным чесноком, репчатым луком и приправами. Готовить бишпармак я научился у своей мамы. Казахи в нашем доме были частыми гостями. Бишпармак берут только руками, отщипывают край лепёшки, кладут на него кусочек мяса и всё это отправляют в рот, запивая жирным ожигающим бульоном — шурпой.

— Вот уважил,— Иваныч, мужчина массивной комплекции, в предвкушении потирал руки.— Но и мы не без подарка приехали,— сказал он с хитрым прищуром.

Пока я доставал из морозилки бутылку местной водки — арака, Юрок что-то искал в своей сумке. Наконец, он достал пакет с какой-то травой.

— На, держи! — вручил он мне его, довольный сам собой.

— Что это? — я недоверчиво с осторожностью стал разворачивать пакет.

— Это — черемша, или колба, как её у нас иногда называют. Дикий чеснок. Растёт он только в тайге. У меня тёща решила на даче его посадить, чтобы лишний раз в тайгу не ходить. Так не принялся — завял! Землица ему нужна таёжная, а иначе ни за что расти не будет.

Откровенно говоря, я не разделял Юриного восторга. Черемша с виду немного походила на листья щавеля, пахла она обычной травой, и что с ней было делать и какую из этого извлечь пользу, я не знал.

— У тебя сметана есть? — с такой же хитровой улыбкой спросил Юрок.

— Где-то была,— отозвался я и полез в холодильник.

В это время и Димон подоспел из магазина и присоединился к нам.

Юрок же взялся за дело. Мелко порезав листья черемши, он смешал их со сметаной и солью.

— Попробуй, — сказал он, протягивая мне полную ложку готового салата. — И, чтобы навсегда избавить меня от сомнений, добавил:

— Закусь мировая!

Вкус был необычный с терпкой приятной горчинкой.

Со второй ложки я полностью распробовал салат и навсегда влюбился в его непередаваемый таёжный букет. Друзья так увлеклись черемшой, что, казалось, совсем забыли о моих восточных изысках.

Заметив на моем лице лёгкое недоумение, Юрок пояснил:

— А ведь черемшу ещё называют у нас «луком победным» или «смерть гаишникам». Сейчас идёт заготовка этого кладезя витаминов. Колбу маринуют и закатывают по банкам. Вонь в городе стоит чудовищная. Если сам колбу не ешь, в подъезд лучше не выходить.

— Это точно, — поддержал его Димка. — У нас некоторые дамочки из электрички выскакивают, на работу опаздывают. Гаишники водил не трогают — колба напрочь запах водки отбивает.

К тому времени дело дошло и до моих угощений.

— Володя, а что у тебя со звонком? — вдруг вспомнил Юрок. — Провода отрезаны, что ли?

— Да, было дело, — замялся я, прикидывая, стоит ли рассказывать моим друзьям историю, выставляющую меня не в лучшем свете.

Но мою руку дразняще покалывала холодом покрытая тонким налётом ледка бутылка водки, а друзья уже приготовились слушать мою очередную весёлую историю.

— Ладно, — сдался я, — расскажу.

Мы выпили, закусили.

— Дело в том, — начал я, — что недавно у меня гостил мой старый приятель из Караганды. Мы вместе с ним ходили в секцию плавания. Так вот выпито было прилично... И надо же было нам пойти в ночной клуб!.. Там ещё добавили, полирнули сверху пивком, потом ещё чего-то выпили. В общем, как добрался домой, я не помню. Приятель мой зацепился с какими-то девчонками и обещал приехать ко мне позже. Так вот просыпаюсь я от невероятной головной боли — такой, что аж в ушах звенит. За окном — ночь, в квартире везде горит свет. Я зову приятеля — не отвечает. А голова вот-вот треснет. Не пойму, в чём дело, отчего такой звон стоит. Когда немного пришёл в себя, догадался, что в голове так шуметь не должно — нечему. А в квартире присутствовал какой-то посторонний звук. Посмотрел по сторонам, сообразил — лампочка. Вот

вы хихикаете, а у меня такой с бодуна кавардак в голове творился! Значит, выключил я свет в спальне, а звон всё больше, я в гостиную — звенит подлюка по нарастающей, тут не выдержал, выбежал в коридор, открыл щиток и вырубил тумблер.

— И чё? — Оба Юрка, откинувшись на спинку стульев, заливались смехом, Димка, склонив голову до самой пиалы, всхлипывал.

— Ничё, — передразнил я Юру, — перестало звенеть.

— Ты бы ещё лампочки выкрутил, — выдавил он, шарахнув в порыве веселья по столу широкой шахтёрской ладонью. Посуда, чуть подпрыгнув на столе, звякнула.

С минуту я колебался рассказывать историю дальше моим не в меру развеселившимся друзьям или нет. Но, успокоившись, они с серьёзными лицами заявили, что готовы выслушать её до конца. Хотя по бесовским искоркам в их глазах я понимал, что они насмешничают, но всё же продолжил, раз уж начал.

— Ты прав, Юра. Для чистоты эксперимента я и впрямь вывернул все лампочки в квартире, сложил их в прихожей и снова включил тумблер, — света нет, а зазвенело так, что казалось, будто по всем этажам этот звон прокатился. И тут до меня дошло, — что-то с входным звонком приключилось. Я — к нему. Точно! Сама пимпа вдавлена, а чтобы звонок не отключался, в зазор какой-то гад спичку воткнул. Я спичку вытащил, но края пимпы от долгой работы оплавилась, тут я ножом провод и резанул.

— И кто же это был? Какой-то такой гад, ты выяснил? — спросил Димка, после очередного приступа смеха.

— Приятель мой, конечно. Он с девчонками позже приехал. Я — в отключке. Он никак попасть не мог в квартиру. Вот и устроил мне этот ночной геморрой. Он-то потом к этим подругам поехал ночевать, говорит кувыркался с ними всю ночь, а я вот — с лампочками... Чуть не убил его потом.

Насмеявшись вдоволь, мы продолжили нашу шумную трапезу.

Наверно, чтобы я, так насмешивший гостей своей историей, не чувствовал себя неловко, ребята рассказали мне, чем отличился сегодня утром Юрок-младший. Да я и вовсе не обиделся на них, ведь за всеми взаимными подтруниваниями стояла настоящая мужская дружба. Но послушать байки друзей я всегда люблю. У Юры Катаева (Иваныча) и Юры Манаенко всегда были в запасе истории весёлые и не очень, так как исколесили они Россию-матушку на своих джипах

вдоль и поперёк, а на дорогах, как вы понимаете, многое может произойти. В Советском Союзе довелось им испробовать нелёгкого шахтёрского хлеба. А сначала девяностых, чтобы прокормить свои семьи, перегоняли они машины из Владивостока а позже, открыв свою фирму, занялись черметом. В общем, были они самые что ни на есть настоящие российские мужики — и тяжёлой работы не гнушались и бандитам отпор дать могли.

В этот раз ничего особенного с ними не приключилось. Дорога была муторной и нудной. От скуки каждый из пассажиров манаенковского «Ниссан Патрола» рвался за баранку, но дотошный и требовательный, когда дело касалось автовождения, Юран каждый раз назидательно повторял:

— Надо ехать так, чтобы, проезжая, и тебя все видели и ты бы всех заметил.

— И кто тебя здесь увидит? — обижался Катаев, демонстративно указывая рукой на прошлогоднее жёлто-коричневое грязное полотно казахской степи.

Едва скинув с себя снежное покрывало, степь ещё не успела взорваться яркими весенними красками, но из-под выжженной прошлогодним солнцем степной травы уже проступали первые ростки нежно-зелёного цвета.

— Разве что эти... — с улыбкой добавил Иваныч.

Вдоль дороги, возле своих нор, словно часовые, замерли на своём посту разнокалиберные по росту и толщине мохнатые надолбы сусликов. Опустив вдоль туловища маленькие сухонькие лапки, поблёскивая в лучах полуденного солнца чёрными бусинками глазок, поворотом одной только головы они внимательно провожали взглядом Юркин джип, словно маленькие гаишники, как будто только и ждали повода достать спрятанный под полой старомодной серой шинели полосатый жезл. Стоило машине проехать мимо, как какая-то неведомая сила тут же забивала их куда-то под землю, а впереди уже стояли новые столбики, будто протягивая между собой невидимые силки, призванные не пускать беспокойных чужестранцев в пробуждающиеся от зимней спячки, ещё не набравшие силу степные травы.

Димка, хорошо знавший своего двоюродного брата, не вмешивался в споры и мирно дремал на заднем сиденье, подложив под голову походную подушку. Катаев же, наоборот, чтобы хоть как-то на-

солить своему строптивому корешу, периодически ввязывался в пустые споры — всё одно веселее в дороге.

— Ну, сразу видно: по Казахстану едем, — сказал Манаенко, сбрасывая скорость.

Уставший от пустой болтовни и было задремавший Катаев сразу проснулся и протёр глаза. Впереди молодой чабан гнал через дорогу на выпас отару баранов. Он ловко щёлкал кнутом и понукал истощённых за зиму животных на своём родном тюркском наречии.

Тот, кто хоть раз слышал, как поют казахские акыны, никогда не забудет этого завораживающего действия. Сначала голос акына мягок и напевен, словно прилетевший с гор лёгкий прохладный ветерок, под которым сгибает свои пушистые кисти степной ковыль. Постепенно в бескрайних казахских просторах ветер набирает силу, и вот он уже играючи кидает на волны степного многотравья перекасти-поле. Голос акына становится резким, не теряя при этом своей напевности, а удары по струнам домбры — сильными и отрывистыми. И кажется тогда, что не акын это поёт — дикий табун летит по степи, не домбра играет — горная река падает с круч Заилийского Алатау.

Юра подъехал совсем близко к отаре — рогатые и безрогие особи не обращали на него ни малейшего внимания.

— Вот уж точно бараны, — хихикнул он.

— Это почему же? — оживился Катаев.

— Только бараны вроде этих ходят за козлами, — ответил он, кивнув в сторону гордо шагающего впереди и ведущего за собой отару бородатого большерогого козла. И, видимо, для того, чтобы раз и навсегда растолковать послушным агнцам, кто здесь царь природы, а кто шашлык, высунув из окна машины голову, он проблеял:

— Тенге-е-е-е!

Шедший мимо баран с впалыми боками, покрытыми клочьями линяющей шерсти, вдруг остановился, повернул в сторону Юрана свою баранью голову, гордо вскинул закрученные рога и приветственно ответил:

— Бе-е-е-е!

Всю оставшуюся дорогу Манаенко ехал, не проронив ни слова, терпеливо снося насмешки в свой адрес и его нового «друга», оставшегося пасть где-то далеко позади.

Насмеялись мы вволю, пока Юра излагал перипетии встречи в пути с той дружной компанией.

— Ты теперь шашлык ни-ни! — издевался Катаев. — Друзей не едят.

Юрка лишь молча улыбался, меня на столе очередную опустевшую бутылку арака. Сколько ни бери — всё равно второй раз бежать придётся.

— А чего мне?.. — смущённо отвечал он. — Такого друга и съесть не жалко.

Как я ни сопротивлялся, но ребята послали гонца ещё за одной. На все мои аргументы, мол, мне с утра за баранку, бывалые сибиряки указывали на оставленный специально для меня салат из чудо-таёжной травы «смерть гаишникам». Утомонились мы далеко за полночь.

Утром, старательно разглаживая холодной водой мешки под глазами, я проклинал себя за вчерашнюю слабость. Конечно же, теперь на трезвую голову я понимал, что, попадись на моём пути сотрудник МАИ¹, мне несдобровать. Положив в карман твёрдую валюту — Восток — дело тонкое! — я для очистки совести всё же доел вчерашний салат. Заглянув напоследок в комнату, оставил на журнальном столике ключи от квартиры. Осмотрелся в полумраке: развалившись в кресле-диване, Иваныч в который раз включал пусковой механизм своего «трелёвочника», сотрясая вокруг себя пропитанный перегаром воздух. Осторожно высунув голову из аквариума, на него испуганно смотрела водная черепашка Машка.

Уж если не везёт, так с самого утра. Обычно в таких случаях говорят: «Я так и знал!» Планируя свой маршрут до места работы, я выбрал, казалось, самый хитрый и непредсказуемый для гаишников, в моём понимании, путь. И всё-таки, вынырнув из арки какого-то дома, увидел поднятый вверх полосатый жезл и сопровождавшую этот для многих водителей роковой взмах самодовольную улыбку блюстителя правопорядка. Я коротко ругнулся и принял к обочине.

Каждый, кому коварная фортуна помогла приобрести новое ли, поддержанное ли авто, моментально оказывается по одну сторону баррикады под названием «Командир, я здесь ни при чём!» Надо ли

¹ МАИ — то же, что ГАИ.

говорить, что по другую её сторону грозно стоит хорошо организованная, дисциплинированная и в меру вежливая армия, встречающая словами: «Гражданин, предъявите ваши документы!»?.. Каждая из сторон откровенно недолюбливает друг друга, а в некоторых случаях для приличия даже ругает матом.

Попробуй какому-нибудь бедолаге, стоящему в душной, клокоцущей страстями очереди в окошко, куда он скоро просунет свои кровные в обмен на клочок бумаги с надписью «штраф», сказать: «А ведь сержант Иванов был прав — пешеход уже начал движение!» или «Ну и что, что снег на дороге. Куда же ты смотрел? Там отродясь сплошная была». В лучшем случае тебе в нецензурной форме объяснят, кто ты, из какой семьи родом и как далеко тебе идти к твоим таким же, как и ты, убогим родственникам. В худшем — можешь отвечатать пролетарского кулака. Но самое странное в этой ситуации то, что под занавес обе стороны активно переползают с одной стороны укреплений на другую, а в узком кругу каждый готов похвастаться ценным знакомством во «вражеском стане». И если на большей территории СНГ правила игры понятны, то на Востоке в неё ещё и вплетены тончайшие, почти невидимые, но архипрочные нити национального вопроса.

Каждый, кто побывал на Востоке, знает, что там с большим почтением относятся к своим родственникам, а в особенности — к старикам. Те, кто моложе, всегда слушают старших. Вы, например, не увидите, чтобы младший брат пил в присутствии старшего. И, понятное дело, окажись кто из родни в городе, да ещё и на прибыльном месте, означает это только одно — несколько юрт в ауле утром недосчитаются, а по следам копыт нетрудно будет понять, куда держит путь родня осевшего недавно в городе джигита.

После волны эмиграции (иначе как «девятым валом» её и не назовёшь!), то есть в конце восьмидесятых — начале девяностых, некогда братские народы Советского Союза, поднимавшие казахстанскую целину, настроившие уйму заводов, шахт и металлургических комбинатов хлынули в город. Городской вакуум начал всасывать в свои опустевшие недра давным-давно всеми позабытых кочевников. Очарованные народным эпосом, в котором бедняк непременно брал вверх над толстым баем, и слухами о лёгкой и богатой жизни дети степей потянулись в города. А там всё по-другому, по-настоящему, как у взрослых! Бай — он и в Африке бай. Хорошо, если родственники

есть. Тогда у тебя хоть какой-то шанс оказаться на перекрёстке двух дорог. Первая, как и в стародавние времена, оставшаяся в наследство ещё от Жибек Жолы — Шёлкового пути, ведёт на рынок, другая — в органы милиции. Небольшие курсы русского языка типа «взлёт — посадка» — и ты, перерождённый, в новенькой форме маленького начальника поджидаешь в кустах водителя-простофилю. Вот я и вышел навстречу сияющему молоденькому сержанту, весь вид которого так и говорил: «Ну что — попался?!» Видимо, моё общее состояние и внешний вид ему предательски подсказывали: «Да, попался!» Документы мои он и смотреть не стал, а сразу перешёл к делу.

— Информаций давай! — на ломаном русском сказал он, наградив меня улыбкой лукавого Хаджи Насреддина.

Понимая, о чём идёт речь, я тем не менее включил, что называется, дурака.

— Так вон вся информация! — я указал на свои документы у него в руках.

Улыбка медленно сползла с его лица, не предвещая ничего хорошего. Он сличил фотографию на документах с моей физиономией. По его лицу угадывался глубокий психологический анализ моей личности. Моя ярко выраженная славянская внешность, наверно, говорила ему о том, что высокопоставленной родни в органах у меня скорее всего нет, а значит, драть с меня можно в три шкуры. Кроме того, купюры с ликом американского президента не были вложены в документы. Добавим к этому мой виноватый вид и отсутствие папки с рельефом крокодиловой кожи как признака власти...

Виновен! Ещё раз пролистав документы (не упустил ли чего?), он посмотрел на меня. Настроение у него явно ухудшилось.

— Я говорю: дыши воздух, нюхать информация арак буду!

Делать мне было нечего. Вся надежда была на волшебную русскую траву черемшу. В крайнем случае — на затаившегося в потайном кармане джинсов американского президента. Я набрал воздух в лёгкие и без утайки какой-либо информации выдохнул всё содержимое в лицо блюстителю порядка. На секунду житель степей остолбенел. Я понял: информация пошла. Было видно, как у него сначала спёрло дыхание, затем раскосые глаза сержанта открылись настолько, что преобразили его скуластое лицо в коренного жителя Рязанской области. Не зная, как дальше быть, и полагаясь лишь на провидение, я тоже

замер. Со стороны, наверное, это выглядело, как если бы остановивший машину гаишник вдруг опешил, признав в водителе своего земляка — такого же, как и он, русского или, может, даже родственника. Вскоре гаишника отпустило, и он, словно Золушка с двенадцатым ударом часов, мгновенно обрёл свой привычный облик. Сержант молча вернул документы, с некоторой боязливостью посмотрел на меня.

— Мужчина! — на чистом русском с неподдельным уважением произнёс он, крепко пожимая мне руку.

«Да... Сколько ещё чудесных трав хранит в своих недрах наша ма-тушка Россия!» — мысленно улыбнулся я, когда понял, что свободен.

Через пару поворотов я заколесил по центральной улице Алматы, раньше она была улицей Ленина, а теперь — великого казахского поэта, писателя и общественного деятеля Абая Кунанбаева. За окошком служебного «Мерседеса» мерно проплывали знакомые здания, некоторые из них сияли чистыми окнами и свежевыкрашенными, будто выставленными напоказ, подновлёнными после грязной городской зимы фасадами.

Вдоль дороги работники коммунальной службы в ярко-оранжевых жилетах с запоздалым усердием срезали ветки карагача и тополя с уже набухшими, дающими новую жизнь почками. «Вот всегда так у нас, — мрачно подумал я, — резать надо по живому...».

Через приоткрытые щели окон в салон машины влетала утреннему свежая прохлада начинающегося дня, неся отовсюду весеннюю музыку пробуждающегося ото сна города. Но даже её весёлый, жизнеутверждающий, долгожданный мотив не мог развеять моих тяжёлых мыслей. И вправду — отчего так у нас: резать надо по живому? И надо ли резать вообще?..

Я наматывал километры по центру города и вспоминал, как в 1986 году с высоты двадцать шестого этажа гостиницы «Казахстан» наблюдал быстро увеличивающееся обкуренное стадо молодчиков, которые громили всё на своём пути заранее кем-то заготовленными обрезками труб.

В памяти всплыл и вчерашний мужской разговор за столом...

— Чего они тогда полезли? Чем недовольны? — спрашивал тогда меня захмелевший Иваныч.

— Бегали там одни... в галстуках, в пальто у памятника Абаю Кунанбаеву... Сначала водку сгружали с машин — спаивали толпу, потом привезли молодёжь на автобусах. Мне знакомый рассказывал: с каких-то общаг их собрали, все обкуренные. Избили его тогда за то, что русский.

— Козлы! — под конец не сдержался я. — Мы с ребятами тогда в Алма-Ате на сборах были по плаванию. — Тогда в кресло ЦК Казахстана русского посадили, вот казахи и взбунтовались. Кому-то «наверху» нужны были эти беспорядки, — мрачно добавил я.

— Теперь там сидят все казахи... Лучше от этого стало жить простому человеку, что ли? — пожал плечами Иваныч.

Долго мы ещё спорили, как так получилось, с каких времён повелось, что русский народ во всём виновен? Ведь всем миром строили города, фабрики, заводы. Один Байконур чего стоит! А теперь русские вроде иностранцев на своей земле...

Ночью, когда друзья уже давно уснули, мне долго не спалось. Я вылез из тёплой постели и тихонько прошёл в кухню. За окном было темно. В доме напротив кое-где ещё горели жёлтым глазицы окон таких же полуночников.

«А чья она теперь, земля эта?» — этот вопрос не давал мне покоя.

Казахов?.. Но ведь всё продано по частям, по кусочкам роздано: немцам, бельгийцам, англичанам, даже индийцы металлургический комбинат отхватили. Простым-то казахам сейчас лучше жить стало?.. Всё-таки не от хорошей жизни ранним воскресным утром на улицах появляются молочницы...

МЕСТЬ

Рассказ

В просторном вестибюле офисного здания было пустынно и тихо — рабочий день давно закончился. Последние посетители и служащие давно покинули здание, и в кабинетах уже не слышно разговоров о процентах, графиках поставок, бизнес-процессах. Теперь до самого утра эти коридоры жили другой жизнью — редкими обходами и неспешными разговорами скучающих охранников. На этажах, в коридорах с рядами одинаковых казённых дверей подрагивал приглушённый свет ламп. Мраморные лестницы безмолвны — ни стука каблучков, ни шарканья подошв. Неслышно тикают настенные часы над стеклянными дверьми в вестибюле, будто они тоже в этом сговоре тишины. Сразу за ними, в отдельном закутке, что перед массивной уличной дверью, приосанился металлический ящик банкомата.

Андрей Печорин, человек средних лет, но уже с объёмным пивным животом и усами-щёткой под мясистым красноватым носом, недвижно, будто истукан, застыл у вертушки проходной. Надписи «Охрана» пестрели на его чёрной униформе. На поясе — спецсредства: наручники, газовый баллончик, полицейская дубинка. Иногда этот «истукан» оживал, тогда, будто неваляшка, чуть отклонялся в сторону, перенося вес с одной ноги на другую, и снова замирал до следующего раза. Прodelывал он это привычно, можно даже сказать, виртуозно, будто всю жизнь был занят на нудной постовой службе. Солдат на часах стоит навытяжку, твёрдо, на обеих ногах, неопытные охранники переминаются с ноги на ногу, поэтому и те и другие быстро устают. Здесь же другое дело: плавно, а главное — выверено, с точностью до градуса перенести центр тяжести на отдохнувшую ногу, не сходя с места и при этом не отрывая от пола другую.

За окошком с табличкой «Предъяви пропуск» сидел subtilный парень с короткой стрижкой и жидкой прядью чёлки, будто оставленной впопыхах забывчивым парикмахером. Обхватив голову

тощими узловатыми пальцами, он склонился над столом и с напряжением человека, только вникающего в новую работу, изучал служебные документы. Перелистывая очередную страницу, он каждый раз тяжело вздыхал.

Вдруг на втором этаже, нарушая гармонию тишины, хлопнула дверь. Сначала послышался уверенный бодрый шаг по коридору, затем лёгкой чечёткой отозвались мраморные ступени под подошвой импортных туфель.

Печорин приосанился и встал на обе ноги, равномерно распределив вес, прислушался.

— Главбух идёт! — шёпотом бросил он в окошко. — Ишь ты, судя по походке, дела идут хорошо, — не то с досадой, не то констатируя, пробубнил он под нос.

Совсем скоро чечётка на лестнице умолкла, а в вестибюль вплыл подтянутый холёный мужчина в возрасте.

— Добрый вечер, Марк Константинович! Что-то вы задержались сегодня. — Печорин расплылся в услужливой улыбке, растягивая щётку усов, маленькие глазки при этом блестели лакейской преданностью. Он весь вытянулся, втягивая живот, и чуть было даже не раскланялся.

— Не говори, Андрюша, — деланно посетовал Марк Константинович. — Квартальный отчёт к завтрашнему заседанию нужно было подготовить. А это кто, новенький? — он кивнул на молодого человека в окошке, на мгновение пытливым взглядом смерил его, будто сфотографировал, и занёс новенького в личную картотеку.

— Да так... Коля — стажёр... После армии, — нехотя, будто безразлично (мол, ничего особенного), отозвался Печорин.

Марк Константинович, утратив интерес к стажёру, что-то насвистывая под нос, смахнул с лацкана пиджака невидимую пыль. Глазки Печорина на мгновение вспыхнули завистливым блеском: костюм на Марке Константиновиче был из дорогих. Это охранник сразу учуял, и увеличенная пивная печень тут же заныла, будто в подтверждение догадки.

— А это тебе, Андрюша, и спасибо за услугу, — главбух достал из кожаного портфеля коробку с бутылкой виски. — Прямо из Шотландии. — На широкой физиономии Печорина промелькнул интерес к подношению. — Хорошей смены, Андрюша. И чтоб без происшествий! — На прощанье главбух в шутку погрозил пальцем,



намекая на бутылку в руках охранника и, довольно пригладив рукой ёжик идеально выстриженных седых волос, прошёл через турникет. У двери отчего-то замешкался.

— Вот уж спасибо, не стоило забот, Марк Константинович, — приторно рассыпался вслед ему Печорин и тут же спросил: — Говорят, сегодня зарплату перечислили?

— Зарплата?.. — спохватился задумавшийся было главбух. — Ах да! Точно. Чуть не забыл — зарплата!

Он вышел в закуток к банкомату. Прodelав манипуляции с панелью управления, Марк Константинович взял чек, вылезший из утробы стального «богача», и изучил баланс. Затем удовлетворённо кивнул, скомкав квиток, запустил бумажкой в сторону урны и скрылся за уличной дверью.

— Ты видел, Колян, как этот гусь... — кивнул Печорин на дверь, закрывшуюся за спиной главбуха.

Стажёр вышел поразмяться из своей крохотной комнатухи, где высиживал смену. А Печорин вдруг неожиданно прытко для своей комплекции засеменил в сторону выхода, насвистывая под нос какой-то весёлый мотивчик — будто бы из «Трёх поросят». «Нам не страшен серый волк... Где ты ходишь, глупый волк?..» Колян от неожиданности даже прыснул со смеху, на мгновение переломившись всей своей долговязой фигурой: Печорин и впрямь напомнил ему беспечного Ниф-Нифа, лихо перебирающего копытцами. Довольный произведённым впечатлением, Андрей остановился у стеклянной двери, обернулся к единственному зрителю и с клоунской интонацией продолжил:

— Ну-ка, что там у нас? — передразнил он писклявым голосом главбуха и тут же скрылся в закутке с банкоматом.

И тут возле урны он заметил одиноко лежащий скомканный чек. Покряхтывая, Печорин тяжело наклонился и подобрал бумажку, а развернув, громко присвистнул. От его клоунского настроения не осталось и следа.

— Ни хрена себе! Коля, у тебя есть миллионы на карте?! И это против нашей зарплаты в двенадцать тысяч! — Печорин ошарашенно глядел на чек, не веря глазам. — Недаром он, еврей этакий, ездил на собрание акционеров в Берлин. Во дела! Я спрашиваю, Коля, где справедливость?! — и, словно призывая стажёра в свидетели социального неравенства, он затряс в воздухе мятым квиточком.

Весь следующий час, сложив руки на поясище и выкатив пивной живот, Печорин расхаживал по выложенному мрамором полу — словно грозовая туча, готовая вот-вот разразиться ненастьем. Иногда он заходил в каморку пропусков, опрокидывал стаканчик крепкой «Охоты» и, промокая тыльной стороной ладони усы, выходил на следующий круг. С каждым стаканом Печорин становился всё мрачнее. Наконец, он подошёл к стойке возле лестницы, утыканной мониторами с картинками от камер слежения. Стажёр всё это время сидел, развалившись в кресле за стойкой, не проронив ни слова, и, будто под гипнозом, невидящим взглядом смотрел в мониторы слежения.

— У нас тоже во дворе прохиндей живёт один, — нарушил тишину поддатый Печорин, голос его прозвучал слишком громко и резко.

Стажёр вздрогнул, выпрямился было в струнку, будто солдат-первогодка, задремавший на посту и застигнутый врасплох офицером. В глазах у него читался вопрос: «Где я?». Наконец, он сориентировался в обстановке и облегчённо моргнул.

— Тоже главбух? — включился Колян в разговор.

— Тоже проходимец! — злобно поправил Андрей. — Раньше, когда я в ГАИ работал, он мне домой таскал фрукты ящиками со своего базара, а теперь и здороваться перестал. Думает, если «мерс» новый взял, так пупом земли стал? Ничего, я ему устрою сюрпризик! — Осоловелые свинячьи глазки его мстительно вспыхнули. Он нагнулся к Коляну, будто боясь, что его услышат посторонние уши, и прошептал полными слюнявыми губами:

— Я уже и «Суперклей» купил, — и в упор посмотрел на Коляна пьяненькими глазками, ища понимания и одобрения.

— «Суперклей»? А зачем он? — стажёр не оправдал его надежд и озадаченно захлопал ресницами.

— Не зачем, а для чего! — назидательно поправил его Печорин. — Я вечером гуляю с Графом, моим бульдогом, как раз мимо стоянки, где этот хмырь машину свою ставит. Вот на лобовое стекло и выдавлю весь тюбик, а может, и напишу что-нибудь! — радостно подмигнув, он вскинул кустистые брови с готовностью злорадно рассмеяться своей идее. Колян, слотнув, с удивлением и непониманием настороженно смотрел на своего наставника.

Андрей догадался, что поддержки ему не видать, и попытался аргументами перетянуть новичка на свою сторону.

— Чудак-человек! Если не уважаешь, то меняй лобовик на машине! — расстроенный туповатостью и неподатливостью напарника, Печорин досадливо махнул рукой. — Думаешь, еврей этот, Марк Константинович, уважает тебя? Вот тебе! — Печорин покрутил мохнатой фигой у Коляна под носом. — Думаешь, он благодарен мне, что я его племяннику водительские права устроил? С его бабками можно было тыщу прав купить и не заметить! — Брызжа слюной, Печорин по-итальянски эмоционально жестикулировал: — Так нет, ему, жиду, надо, чтоб подешевле! А мне в благодарность — всего лишь пузырь вискаря привёз. И то из дьюти-фри! С его бабками можно было и ящик подогнуть. Он думает, так просто сделать корочки, когда тебя из органов попёрли?

Печорин по-прежнему расхаживал по вестибюлю.

— А за что выгнали-то? — спросил Колян, уже догадываясь о причинах увольнения.

Печорин остановился, растерянно посмотрел на напарника, будто размышляя, стоит рассказывать ему или нет.

— Видишь ли, — немного поостыл он и замялся, подбирая слова, — я чётко фиксировал все правонарушения на дежурстве и докладывал начальству. Из-за того с ребятами и повздорил, когда они узнали. А потом меня якобы на взятке поймали. — Толстые щёки Печорина вздрогнули, глазки беспокойно забегали. — В общем, сами напарнички бывшие и подставили меня. Хотели под реальный срок подвести. Начальник помог — отмазал. Хотя мог и на тормозах дело спустить. Тоже ещё тот... — он коротко ругнулся, лицо его налилось краской. — Теперь из-за него здесь околачиваюсь. — Печорин гневно сверкнул глазами. — Миллионы у него! Ишь! — всё распаялся Андрей. — Да они все тут получают в разы больше нас. Что мы, меньше их пашем?! — и без того узкие глазки его от ненависти превратились в щелки. — Ну, ничего, — сквозь зубы процедил он, — я тоже для них придумал «сюрприз» один. — На раскрасневшейся физиономии заиграли желваки.

Он резко развернулся и уверенным шагом человека, принявшего решение, направился к банкомату. Печорин снял с пояса газовый баллончик, задержал дыхание и распылил его на клавиатуру банкомата, а потом заскочил обратно в вестибюль, закрыв за собой дверь, но ядовитому облачку всё же удалось проникнуть внутрь. Печорин зажал нос одной рукой, другой — разгоняя едкие пары.

Колян привстал с кресла и с широко распахнутыми от удивления глазами спросил:

— А это для чего?!

— Завтра работнички придут за своими денежками, а мой «сюрприз» у них на пальчиках и останется! Попляшут они у меня! — Печорин заржал, мысль о том, что ядовитое вещество с рук ни о чём не подозревающих людей может попасть на другие части тела, явно приносила ему удовольствие.

Лицо Коляна помрачнело, скулы будто свело судорогой. Он даже не пытался скрыть своего презрения к новому знакомому.

Уловив это, Печорин оценивающе скользнул глазками по долговязой фигуре стажёра — он-то сразу всё понял.

— Что, не нравится? Тоже, небось, правильный, а? — в пьяных свиных глазах его читалась издёвка. — А самое интересное в том, Николай, что на меня никто не подумает. — Печорин приосанился, скрестил руки на груди, расплылся в мстительной улыбке и злорадно загоготал.

Наутро, дождавшись окончания смены, Печорин вернулся в свою обшарпанную «двушку». Чтобы не разбудить спящих жену и детей, он заперся в кухне, вытащил из холодильника пару котлет и, смакуя, опустошил подаренную накануне бутылку дорогого виски. Ближе к обеду ходил за добавкой в ближайший супермаркет. Так он, Андрей Печорин, протестовал против социальной несправедливости. Это был его ответ миллионам на карте главбуха — его страшная месть, но откликалась на неё только печень.

«ГОУ ХОУМ, МИСТЕР ЩЕРБАКОВ!»

Рассказ

Вадик открыл глаза — на него немигающим взглядом бесцеремонно уставилась жирная морская чайка. Расправив крылья, она зависла в воздухе, чтобы получше разглядеть возможную добычу. Ветерок живописно играл белой каймой оперения, обрамлявшей крылья, сквозь иссиня-белые кучевые облака робко проглядывали солнечные лучи. Но Вадику было не до этих красот — назойливо ныл ушибленный затылок, давала о себе знать рука. Всё ещё пребывая в тупом дурмане, он оторопело пялился на всеядную птицу, будто ждал от неё чего-то.

Что же с ним случилось? Почему он лежит на рифлёной металлической поверхности? Малейшее движение на этом жёстком ложе отзывалось болью. В голове путались мысли, мелькали какие-то несвязные обрывки сцен.

— Хайя-хайя?! — будто вопрошая, раззявила чайка длинный, с хищным крючком на конце клюв цвета спелой моркови.

Вадик припомнил, как поскользнулся на ступеньке трапа верхней палубы, как скатился по нему, как во время падения левая рука, державшая «машку», застряла между поручнями... Хоть тут повезло — правая-то вроде цела! Теперь Вадик отчётливо почувствовал, что боль накатывала именно слева. С усилием повернул голову, пытаясь разглядеть свою неестественно согнутую руку, — ниже локтя она сильно распухла и стала фиолетово-синей. В общем, как будто и не его.

— Хайя-я! — опять раззявила своё морковное гайло пернатая.

И в следующую секунду тело Вадика пронзила острая боль, выгнула его дугой, заставила вздрогнуть каждый мускул.

— Ой-ой-ой! А-а-а-а! — что есть мочи завопил он, скривив мучительную гримасу.

Завалившись на правое крыло, чайка тут же испуганно отвалила в сторону. Голову Вадика затуманило болью. Он услышал беспорядочный топот ног и даже немного успокоился — его услышали,



значит, скоро придёт помощь. Боль не отступала. Перед глазами замелькали лица людей. На палубе кричали, кого-то зычно звали.

На недолгое время, когда боль, тянущаяся по жилам огненной рекой, отступила и с глаз сползла пелена, он заметил, что старпом переломил о колено деревянную ручку «машки» — швабры, приложил два обломка вдоль его руки и начал бинтовать. Перед тем как потерять сознание, Вадик ещё успел испугаться, но жгучая волна снова накрыла его тело...

Когда он снова пришёл в себя, первое что услышал, была английская речь. Вадик поднял отяжелевшие веки: над ним склонились люди в красных касках с белым крестом. Догадался — спасатели. Среди их напряжённых, сосредоточенных лиц мелькало ещё одно — бледное и растерянное лицо старпома.

— Go back, give him the air¹, — начальственным тоном повелел человек, судя по всему, главный в группе спасателей, и показал жестом остальным, что именно надо делать.

Люди вокруг Вадика расступились. Теперь он смог увидеть и ребят из команды, столпившихся чуть поодаль. Возле него присел всё тот же человек в красном, в руке он держал красный чемодан с белым крестом по «бортам».

— Has the sailor got allergy on any medical preparations?² — вопрос был адресован старпому.

— Вася, — старпом тихо позвал из кучки притихших матросов виновато переминающегося с ноги на ногу здорового верзилу в тельняшке, — Щербаков с вами пил?

— Анатолий Ефремович!.. — грудным басом возмутился верзила.

— Ему сейчас обезболивающее колоть будут, а от вас за километр «свежаком» несёт! — на обескровленном лице старпома с плотно сжатыми губами читалась решимость.

Не выдержав взгляда, матрос опустил глаза.

— Да было-то всего чуть-чуть... — буркнул он и густо покраснел, как застуканный с сигаретой школьник.

— The sailor has got allergy³, — сказал старпом спасателю с чемоданом, терпеливо ожидающему ответа. — А с тобой я позже разберусь, — гневно обернулся он на детину.

¹ Расступитесь, дайте ему доступ к воздуху.

² У вашего матроса есть аллергия на какие-нибудь медицинские препараты?

³ У матроса есть аллергия.

— Он уже выпил обезболивающее средство — другое ему ни к чему, — мстительно добавил он, с ухмылкой заглянув в растерянное лицо Вадика, — ему теперь больно не будет.

Пострадавшего уложили на носилки и понесли к трапу, в это время он заметил и капитана. Рядом с ним стоял незнакомец — высокий худощавый мужчина с короткой стрижкой и пушком вытертых на макушке рыжих волос, тёмными веснушками и голубыми глазами.

— Как ты? — с волнением в голосе спросил капитан, стараясь поймать взгляд Вадима.

— Спасибо, Павел Митрофанович, нормально, — вымученно ответил Вадик, сиюсья придать твёрдости своим словам.

— Вот представитель нашего пароходства, здесь, в Великобритании, — Гевин Эдли. Мистер Эдли... Он обо всём позаботится. Сразу после больницы тебя отправят домой. Я договорился с мистером Эдли. Если что, все вопросы решай с ним. Ты хоть английский знаешь? Какой в школе язык учил?

— Мазе-фазе, Москоу, — выдавил из себя Вадик лингвистические познания и кисло улыбнулся.

— Значит, до дома доберёшься, — резюмировал капитан и одобрительно подмигнул. — Вот тебе «Книжка моряка» и сто семьдесят фунтов на первое время, остальное получишь по возвращении домой.

Вадик осторожно сунул в карман тёмно-синюю книжицу и свёрнутые вдвое цветные бумажки с благородным ликом стареющей женщины, а капитан начал прощаться:

— Ну, давай, удачи тебе, — дружески похлопал он раненого по плечу и кивком дал понять спасателям, что можно покинуть корабль.

— Put the oxygen mask on him¹, — раздался у изголовья Вадика всё тот же начальственный тон.

Матросы торопливо разошлись по своим штатным местам. Только Вася, лучший друг и собутыльник Вадика, понуро побрёл за старпомом, виновато опустив глаза. Возле самого трапа он было обернулся на дружбана и махнул на прощание рукой, но тот уже устало прикрыл глаза.

Под лучами непривычно жаркого для Британии августовского солнца плавилась палуба корабля, но морской ветерок не давал

¹ Оденьте ему кислородную маску.

перегреться. С каждым вздохом боль всё больше отступала, а ещё Вадик успел заметить, как Васина физиономия расползлась в стороны и плющилась улыбкой.

Случилось это в Северном море, у восточного побережья Великобритании. На ту пору шло третье плавание Вадика на торговом судне «Блюинграхт». Он уже давно привык к его то ли шведскому, то ли немецкому названию, к беспошлинному «удобному» флагу какого-то островного государства, под которым они ходили, к табличкам на японском языке. «Конечно, японские иероглифы! — заверил его бывалый моряк Вася. — Судно-то построено в Японии. Мадэ ин Джапан!» А потом, раскрасневшийся, он, всякий раз энергично и щедро жестикулируя, в красках расписывал, как по дороге в Шанхай «Блюинграхт» арестовали и почти два месяца они болтались в порту Китакюсю на севере японского острова Кюсю, пока хозяин судна, проживающий на Мальте, улаживал с местными властями все вопросы. «Нам-то какая разница, — деловито заканчивал Вася своё полудетективное повествование, — где судно построено, кто хозяин — лишь бы денежки шли. Главное — экипаж у нас русский. А то, знаешь, как бывает? Поставят старпома или капитана немца... Им русской души не понять!» — о чём-то своём многозначительно хмурился Вася и умолкал. «Ну, хайку мёсака»¹ — частенько добавлял полиглот Вася, поднимая утопающую в огромной ладони свою «фирменную», расписанную под хохлому, деревянную стопку с разбавленным спиртом.

Вадим Щербаков в торговый флот попал, можно сказать, случайно. Родился он и вырос в небольшом северном поселке — в Чалне. Вроде и не самая глухомань, до карельской столицы — Петрозаводска — рукой подать, но с работой там было действительно глухо. Только вальщиком леса в посёлке и можно было устроиться — и то по великому благу. Так что места в бригадах передавали по родственной линии от отца к сыну, за работу держались. А Вадик рос без отца, не от кого было получить такое «наследство».

Жили они вчетвером с двумя младшими сестрёнками на одну мамкину зарплату. Мамка — Люся, как звали её соседи, — с утра

¹ Хайку мёсака (японский) — (Ну) давай, поехали...

до ночи горбатилась в поселковой столовой, славившейся в округе своими пирогами да калитками (даже городские за ними приезжали!), мыла полы в школе, зимой там же и сторожила... В общем, тянула, как могла, на жизнь кое-как хватало. Когда Вадик подросток и на него можно было оставить малышей, Люся вечерами бегала в бывшую библиотеку, где открыли клуб самодеятельности, пела в хоре, валяла валенки в женском кружке, сначала всё для своих, а потом и на продажу. Возвращалась она домой, когда её дети уже спали. Бывало, проверит кровати, укроет одеяльцами до самой макушки, а сама сядет у слепого окна белой ночи, распустит волосы, собранные в дулю на затылке, и, подперев руками голову, долго смотрит куда-то в тёмную стену леса. Осторожно приподняв одеяло, Вадик часто подглядывал за ней в щелку. Тогда он подолгу мог любоваться её лицом — красивым, спокойным, излучающим непонятную тогда для Вадика тихую печаль.

Вадик, конечно, помогал по хозяйству, сколько силёнок хватало, — работы не гнушался. Дров наколоть, огород вскопать, забор поправить, воды родниковой принести, да мало ли чего ещё — деревня не город — дел всегда досыта. В старших классах они с ребятами повадились ходить в лес к Чёрной речке, разбирали невесть откуда взявшуюся там узкоколейку, сдавали в чермет.

Зимой кололи налима на порожистой реке Шуе. Летом на Лебяжьей ламбе ловили плотву, леща, окушат, а на Урозере ходили за щукой. Как-то с ребятами они даже на Шотозеро поехали, что под Эссойлой, — то озерцо побольше, да и путь неблизкий. Но местные рыбаки отправили их обратно. Сказали, чтобы без старших сюда даже носа не совали. Стращали, будто видели там лешего не лешего, а гнома в колпаке и бородой. Пришлёпал он прямо к рыбакам на бивак, к костру подходить не стал, а снасти, что на берегу оставлены были, все порвал, судачка из лодки обратно в озеро выпустил, погрозил мужикам пальчиком и обратно в озеро на островок свой так по воде и ушлёпал. Мужики те так и амештались¹. Местные клялись, что домой те рыбаки седыми воротились. Соврали, наверно, чтобы пришлым их судак не достался. Хотя каждый, кто живёт в Карелии, знает — есть здесь места, куда без приглашения или слова нужного идти не следует. Так и вернулись они ни с чем. Разве что грибов притащили немеряно.

¹ Амештаться (диал.) — удивляться.

Слабое утешение. Этого добра и у них хватает, нечего за сто вёрст ездить?.. Бывало, идёшь к ламбушке — в оба глаза под ноги пялишься. Коряги да палый сухостой перепрыгиваешь, кочки, камни мхом поросшие обходишь, и не надо тебе этих грибов в помине, глядь, а он стоит под осинкой, своей палевой шапкой так и лезет сквозь листья прелые и хвою — смотрит на тебя, будто любопытно стало ему: кто там шумит в лесу, кто шагает? А другой — белой крепкой ножкой стоит на земле, будто, подбоченясь, хвастает силой своей, мол, не сорвать его не в жизнь! Как мимо пройти? Выйдешь к болоту — а на нём морошка жёлтым рафинадом рассыпана! Видимо-невидимо, будто и не болотина это вовсе, а ватрушка мамкина, что по воскресеньям она из печи вынимала. Какая уж там рыбалка?!

Жить матери стало полегче — подрост мужичок в доме, помощник. Да вот беда — Вадик с ребятами начал попивать горькую, потом и первые приводы в милицию пошли за хулиганку... Поэтому, когда пришло время идти в армию, отправила Люся своего сына с лёгким сердцем и надеждой, что уж там-то выбьют из него дурь, может, и научат чему. Вернулся Вадик окрепшим, возмужал — голубой берет, тельняшка... Устроился в пожарку, поработал на карьере, сосед пристроил валить лес. Два года пролетели незаметно. Тесно ему стало отчего-то в деревне, тоскливо. Вроде бы и при деле, а всё чего-то не хватало, всё не так — работа не по душе, сестрёнки подросли, того и гляди замуж пойдут, а он всё один мается. Тут он и вспомнил о своих прошлых друзьях-товарищах.

За Вадиком тогда уже водился грешок: как только выпьет сто грамм — его тут же тянет на приключения. Не сидится ему на месте. Много успел набедокурить. Работу из-за пьянок потерял, спустил старого «жигулёнка», что взяла ему мамка в кредит сразу по возвращении из армии, стал шататься где ни попадя, дома неделями мог не появляться. Намайлась с ним мать.

Да как-то раз в начале лета Люся поехала по делам в город, а вернулась не одна — привезла своего родственника — Петра Алексеевича. Был он майором в отставке. У всей родни Петр Алексеевич пользовался непререкаемым авторитетом. Вадик казалось, слушали его оттого, что служил его дядя в ракетных войсках на Кубе. Важный человек! Помнил он его ещё с детства — всегда подтянутый, чисто выбрит, в форме с колодками наград на груди. Пожил он у них немного, но как только Вадик заявился домой отлежаться да привести себя

в порядок, состоялся у них с дядей долгий и обстоятельный разговор, после которого забрал Пётр Алексеевич его с собой в Петрозаводск. А ещё через месяц по их с дядей уговору Вадик поступил в Речное училище. Потом учеба затянула, время прошло — на корабль попал. Так и оказался чалнинский мальчишка в Англии.

Очнулся Вадик в больнице. Его левая рука покоилась в прочном коконе из синего дутого материала на ярко-оранжевом перехвате, перекинутом через шею. Он осторожно потрогал — действительно, складывалось ощущение, как будто повязку накачали воздухом. Рука его больше не тревожила, а сам Вадик полулежал в удобном кресле. Молодая симпатичная саксонка в стерильном белом халате, впрочем, как и всё здесь вокруг, доброжелательно улыбнулась ему, показав редкие острые зубы.

— How are you feeling, Mr... Scherbakov?¹ — его фамилию она прочитала в карточке больного, с трудом ворочая языком.

— Ага, чего ещё спросишь? — с досадой ошетинился Вадик. — Русский в школе надо было учить, — буркнул он и демонстративно отвернулся, уставившись глазами в угол возле двери в палату.

А там, в углу, рядом с пластиковым контейнером для мусора, лежали «останки» «машки» с острыми шипами-занозами на обломанных концах, забытые в палате. Медсестра проследила за его взглядом.

— The poor Russian², — с сочувствием покачала она головой.

Из больницы Гевин Эдли забрал Вадика уже через пару часов. Они ехали в блестящем синем «Aston Martin» по ухоженным улицам города Ипсвич. Ехали молча. Мистер Эдли не спешил с общением. Ещё на судне он понял, что его клиент не понимает по-английски, чтобы не тратить время на «игру в одни ворота» и не объясняться на пальцах, он уверенно крутил баранку своего авто, но всё же, проезжая мимо очередного храма коротко бросал: «Church of Saints Peter and Paul³» «Church of Saint Margaret⁴».

Иногда, не сдержавшись, исключительно для того, чтобы разбавить повисшее в салоне автомобиля молчание, он пересказывал

¹ Как вы себя чувствуете, мистер... Щербakov?

² Бедный русский.

³ Церковь святых Петра и Павла.

⁴ Церковь святой Маргарет.

когда-то наизусть выученный в школе урок истории: о выдающихся людях, когда-либо проживавших в этом портовом городе, «в силу своего географического положения явившимся связующим звеном между городами Великобритании и странами Европы». Говорил скучно и монотонно, будто учителю на экзамене.

Вадик смотрел в окно, любовался чистотой улиц, пестротой мелькающих витрин, белыми фасадами аккуратных домиков со вскинутыми к небу коричневыми острыми крышами, старинными часами на башенке со шпилем городской ратуши.

Посмотрев на циферблат наручных часов, вытасненных из правого кармана брюк, Вадик задержал взгляд на обтрёпанном, вылинявшем манжете морской робы. Ему вдруг стало неловко за свой изрядно поношенный, задрипанный наряд. Это мгновенно напомнило ему, кто он и откуда. Вадик вдруг остро ощутил собственную чужеродность этому праздничному, холёному городу и свою несовместимость с ним, неуместность в нём. Ему казалось, что все до последнего жителя в этом городке с первого взгляда заметят это. И, уж конечно, не мог этого не заметить агент Гевин Эдли, мистер Эдли, сидящий рядом с ним на кожаном сиденье шикарного «Aston Martin» небесного цвета в отутюженном костюме с иголки. Вадику даже показалось, что весь этот антураж нужен для того, чтобышний раз подчеркнуть убогость, серую нищету простого русского моряка. Ему сделалось невыносимо тоскливо. Он захотел наглухо отгородиться от этого города, его улиц, пешеходов, от тёплого, приятно влажного ветерка с набережной. Нажав на клавишу на двери автомобиля, Вадик поднял стекло. Он почти не пытался понять, о чём говорит ему агент. Смысл? Конечно, Вадик мог покопаться в памяти и в потоке речи Эдли выцепить знакомые со школьной скамьи английские словечки, но задумчивое настроение больше располагало к отрешённой меланхолии и созерцанию. Вот сейчас мимо проплыла городская набережная, усеянная антеннами мачт на яхтах всех мастей. «It's the river Orwell»¹, — ослепил белоснежной улыбкой, под цвет яхт, агент. «Так это и дураку понятно! Яхты какого-то миллионера Оруэлла», — мысленно огрызнулся Вадим.

¹ Река Оруэлл.

Городок был небольшой. Гевин из лучших побуждений катал русского моряка по достопримечательностям одного из старейших и красивейших городов острова бриттов, и русскому, кажется, было интересно. Гевин многое не успел показать: особняк Сперроуи, где хранилась коллекция старинной мебели, книг и самая крупная выставка картин в городе, дом Уиллиса, колокольни церкви святого Варфоломея с колоколами пятнадцатого столетия и зерновые склады. Быстро вечерело, и потом у юноши сегодня явно был не самый лучший день. Как бы в подтверждение его мыслей, моряк закрыл окно — виной тому, наверное, был вечерний ветерок. На очередном перекрестке Гевин свернул на узкую улочку и поехал к гостинице.

Номер был так себе. Вадик видал и получше. Мистер Эдли вручил ему пакет с одеждой, переданной ему ещё на «Блюинграхте». Гевин уже собирался идти к двери, но Вадик вопросительно уставился на него, словно удерживая глазами.

— Are you hungry, Mr. Scherbakov?¹ — догадался Эдли и забавно изобразил пальцем ложку, поднесённую ко рту.

— Конечно, хочу, — обрадовался Вадик, у которого от голода давно сосало под ложечкой, а про себя подумал: «Чего они мою фамилию всё коверкают, как углей в рот набрали?».

Вадик вслед за Гевиним спустился вниз, в холл гостиницы.

— I will come for you tomorrow². — Они расстались у дверей, ведущих в гостиничный ресторан, а ещё на прощанье мистер Эдли широко (не по-английски, а по-американски) улыбнулся своему клиенту.

— Зашибись, — буркнул сквозь зубы Вадик, в глубине души надеясь, что Гевин составит ему компанию. — Хорошо ещё, Митрофаныч фунтёв подкинул.

В ресторане царил, как это часто бывает, уютный полумрак, наполненный легкими дразнящими ароматами еды, доносившимися из кухни. За столиками вдоль больших, как витрины, окон сидели редкие посетители. Напротив, в центре зала, располагался салатбар с прозрачными контейнерами в форме цилиндров с окошечками, которые были уставлены тарелками с едой. Повращав один

¹ Мистер Щербаков голоден?

² Я приеду за вами завтра.

из них, Вадик выбрал тарелку с салатом, на вид похожим на его любимый «исконно русский» оливье. Официантов нигде не было видно. Потоптавшись в нерешительности, он направился к небольшому столику в самом углу зала.

Тарелка была красивая и большая. Посреди неё на листике салата сиротливо лежали утрамбованные в миниатюрную шайбочку, перемешанные с соусом кусочки продуктов. Вадик вытащил из кармана штанов смятые купюры, в уме прикидывая, хватит ли ему расплатиться, затем он снова покосился на салат-бар.

— Ни ценника тебе — ничего... Хватило бы фунтов... — с горечью вырвалось у него.

— Ты чё, платить собрался? — довольно хихикнул за соседним столиком, уставленным пустыми тарелками, мордатый мужик. — Это же шведский стол! — И, заметив недоумение на лице своего соотечественника, добавил, причмокивая мясистыми масляными губами: — Всё — бесплатно!

В первые секунды Вадик обрадовался, что встретил земляка, но то, как снисходительно фыркнула за столиком розовощёкая морда, отбило у него всякое желание продолжить общение. Он натужно улыбнулся вместо ответа и снова направился к вожделенным тарелкам.

Мистер Эдли появился в гостинице только во второй половине следующего дня. Было около четырёх часов вечера, когда в дверь номера изнывающего от скуки и безделья Вадика постучали.

— Ну, наконец-то! — он был даже рад снова видеть агента и впервые за всё время от души во весь рот улыбнулся ему.

Гевин кое-как объяснил Вадиду, что сейчас они поедут в аэропорт Манчестера, в гостиницу «Мюнхен». Нет, не в город Мюнхен, что в Германии, а в гостиницу, оттуда — в Лондон и уже потом самолётом — в Москву.

— А что, поехали, — засияло начищенным медяком лицо Вадика от радости, — в Лондоне я ещё не был.

— Мама ждать тьебя ин Москоу! — еле выговорил Гевин, надеясь осчастливить его ещё больше.

Но Вадик сразу сник и погрустнел:

— Мамке-то зачем сказали?.. У неё и так забот хватает, подумает ещё, что под конвоем лечу...

Гевин объяснил себе такую перемену в настроении русской сентиментальностью, вызванной упоминанием мамы, поэтому он потечески похлопал Вадика по плечу и жестом велел спускаться вниз.

Васильковый «Aston Martin» бодро колесил по автобану. Он даже не ехал — летел! Вжавшись в серое полотно автомагистрали, голубая акула болида отмеряла спидометром мили британской земли с такой скоростью, которая Вадику, привычному к «жигулёнкам», и не снилась. Он чаще молчал, но Гевин замечал, как загорались его глаза при виде мощной зверюги, и ему чрезвычайно льстило это. Вадик всегда блаженно улыбался и прикрывал глаза, когда утопал в дорогом кожаном кресле, будто вдавленный в него мягкой, но сильной звериной лапой.

Вадик и впрямь был очарован скоростью и мощностью автомобиля, а заодно и пронесившимися за окном выграбленными ухоженными пейзажами, как на картинках в «National geographic». Один раз ради развлечения он даже представил эту машину на родных карельских дорогах и в голос засмеялся — это было всё равно что понтовые швейцарские часы на татуированном запястье друга и собутыльника Васьки.

Иногда Вадика раздражала эта ювелирно выточенная, искусственная опрятность местной природы, как после фотошопа. Тогда ему казалось, что каждое деревце, кустик здесь были кем-то ухожены, подстрижены, подсчитаны, учтены, и он, русский моряк Вадим Щербаков, тоже находится под неусыпным наблюдением. Захоти он здесь спрятаться — эта облизанная, «учтённая» растительность вмиг предательски выдаст его как неучтённого нелегала. То ли дело родные карельские дебри?! Кряжистый таёжный лес с гигантскими соснами, трескучий настил из опавшего сушняка и прошлогодней хвои, путанки стволов деревьев корней выступающих из-под земли, мшистые скалы... Любой куст укроет — своих не выдаст!

До аэропорта, а потом и до отеля они добрались лишь к позднему вечеру. Как ни пытался Гевин объяснить русскому правила пользования карточкой от гостиничного номера, он ни в какую не понимал. Пришлось обратиться в администрацию «Мюнхена» за помощью.

— Stay here, I will come back soon¹, — Гевин усадил Вадика за столик в фойе, вручил ему журнал с глянцевой яркой обложкой, а сам,

¹ Располагайтесь здесь, я сейчас приду.

скользнув по коридору, куда-то исчез. Через пару минут он вёл человека в жилетке ярко-зелёного цвета со светоотражающими полосами и бейджем — сотрудника аэропорта.

— Here he is, — он указал в сторону Вадика, — help me, please¹, — он облегчённо вздохнул, как человек, который сделал всё, что от него зависит, и плюхнулся в кресло рядом.

— Русский?

— Да! — расплылся в улыбке Вадик, когда сообразил, что русоволосый человек в жилетке из «братьев-славян».

Был он коренастый, широколицый, с крепким боксёрским подбородком. Любопытные, глубоко посаженные глаза с неподдельным интересом наблюдали за Вадиком.

— Everything will be o'k, Mr. Edley. I will see him off², — скороговоркой пролопотал он англичанину.

Гевин успокоился, когда понял, что этот русский матрос в надёжных руках. Пожелав Вадика приятного полёта и мягкой посадки, попрощавшись, он торопливо зашагал по гулкому коридору гостиницы.

— Как зовут-то, братан? Чего с рукой? — по-простецки спросил русоволосый, слегка похлопав по плечу нового знакомого.

— Вадик. Да так... «Упал, очнулся — гипс», — не стал он вдаваться в детали.

— А меня, значит, Юрком. Приехал с Украины. Здесь уже семь лет тусуюсь, — деловито, с энтузиазмом выложил он, радуясь, что встретил соплеменника.

— А я — из Карелии, — негромко ответил Вадик, присматриваясь к новому знакомому.

— Нашенский, значит! Свой! — почти прокричал Юрок и крепко пожал руку матроса, будто они давно знакомы и вновь встретились после вековой разлуки.

После этой фразы, казалось, Юрок готов ради него распрощаться с последними портками. Он тихонько подтолкнул матроса к дверям и с интонацией радушного хозяина сказал:

— Пойдём, покажу, что тут у нас да как.

¹ Вот, — он указал в сторону Вадика, — помогите, пожалуйста.

² Всё в порядке, мистер Эдли. Я его провожу.

Пока они поднимались на лифте на нужный этаж, Вадик в общих чертах поведал своему новому знакомому невесёлую историю своего пребывания в королевстве.

— Ничего, до свадьбы заживёт, — подбодрил его Юрок.

Двери лифта бесшумно открылись, на этаже, как оказалось, кроме них, никого не было.

Третьего тут не наблюдалось, поэтому Юрок, исстрадавшийся по своим — советским, ещё не испорченным чопорным, размеренным английским бытом, стремительно соображал на двоих:

— Слушай, братан, такую встречу надо отметить! Не поверишь — здесь даже посидеть нормально не с кем. Кто недавно сюда переехал — те пашут с утра до ночи, кто давно околачивается — отвыкли. Да и не принято здесь — чтоб душевно, как грицца, в тёплом кругу, до доньшка... Помню в деревне нашей под Киевом бывало такие свадьбы справляли, такие похороны — даже с дальних хуторов народ приезжал. Неделю гуляли! Поросей забивали, горилку — усю на столы... — Юрок блаженно закинул голову, а в зрачках отразились огоньки точечной подсветки.

Грохот непонятого происхождения в конце коридора вернул его на землю Туманного альбиона. Жареные поросы, бутылки горилки и прочие прелести украинской кулинарии вмиг умчались обратно на историческую родину — в Незалежню.

— Значит, так, — отбросив лирику, по-деловому начал Юрок. — Вылет твой всё равно только в три ночи, в самолёт я тебя посажу. Время есть. Ну что, дёрнем? — спросил он, не сколько спрашивая, сколько утверждая.

Памятуя о своём грешке, из-за которого он завис в чужой стране, Вадик особо-то не был настроен пить. Но и в грязь лицом перед бывшим соотечественником не хотелось ударить. Не по-мужски! Через пару мгновений здравомыслие Вадика обречённо подняло лапки вверх и сдалось на милость честолюбию. Ещё пару секунд поколебавшись, он ответил:

— Только с условием, что ты меня проводишь до самолёта! — и, чтобы оправдать своё минутное сомнение и не обидеть этим земляка, добавил: — А то у меня с английским не очень... И одна рука...

— Какие вопросы?! Замётано! Вот увидишь, брат: всё будет как в лучших домах Лондона! — с особым удовольствием Юрок ввернул коронную фразу великого комбинатора, понятную только

своим — советским гражданам, что придавало его словам особую доверительность.

— Слушай! Твой номер — триста пятнадцатый, — ткнул он пальцем на тёмную полированную дверь с соответствующей цифрой, — и ты в номере. Значит, договорились? Жди меня здесь — я скоро.

Вадик кивнул.

Номер был, что называется, «шик-модерн»! Мягкий толстый ковролин благородного кремового оттенка, дорогушая мягкая мебель с кожаной обивкой, огромная плазма на стене... Вадик здоровой рукой открыл дверцу массивного шкафа-бара и не поверил своим глазам: он весь был заставлен маленькими бутылочками с пёстрыми этикетками — выпивка была на любой вкус! Во вторую комнату он не пошёл, решил посмотреть санузел. Новенькая хромированная сантехника в ванной и белоснежная, внушительных размеров она... Джакузи! Тут-то Вадик припомнил красномордого земляка в ресторане и его надменное: «Ол инклюзив!» Да, мистер Эдли не поспешил — вот тебе, действительно, «ол инклюзив!» Вадик порывался было с вожделием потереть руки, насколько это было возможно с загипсованной левой рукой, а затем недолго покопался в своих вещах и потопал в ванную.

Вот уже целых два часа Вадик нежился в бурлящем кружеве джакузи. Гламур да и только! Прикрыв от удовольствия осоловевые глазки, он с наслаждением попыхивал дорогой сигареллой, которую прихватил с журнального столика. Руку в гипсе пришлось предусмотрительно обмотать полиэтиленовым пакетом. Жутко неудобно, конечно, но, как говаривал Васька: «А кому щаз легко?!» На полу среди разбросанной одежды валялись миниатюрные пробные бутылочки из-под всевозможных ликёров, виски, рома. «Приеду в Чалну, ведь не поверит никто!» — лениво размышлял он, выпуская в потолок кольца дыма. После трёх месяцев плавания Вадик ещё не в полной мере освоился в «земной» жизни, и теперь, отдыхая от вахт, качки и нудного надраивания палубы, он всё-таки опять вспоминал море. Упругие гольфстримные струи джакузи напоминали ему мягкую волну океана.

За что же Вадик так полюбил океан? За распостёртый над ним бездонный купол ночного неба, усеянного яркими звездами, за осо-

бенную горечь экваториальной воды, за стаи игривых дельфинов, приветствовавших суда... За солнце, которое каждый вечер скатывалось с сумеречных небес, разливалось доменным жаром и гасло отблесками в океанской глубине, а наутро, возрождаясь, вновь подкрашивало марганцем перьевые облака и только здесь видимую дугу горизонта бескрайней воды. А ещё он полюбил океан за широкую мягкую волну, за пену и солёные брызги на лице. На его родной Онеге или, скажем, Ладоге волна совсем другая — что ли, кражистая, горбылём таким, как частые жёсткие рёбра старой бабкиной стиральной доски...

Сквозь шум воды до ушей Вадика долетел настойчивый стук в дверь.

— Сейчас открою! — гаркнул он и начал с трудом подниматься из ванны.

Выключил джакузи, затем одним махом он осушил бутылочку текилы, чуть покачнувшись, здоровой правой рукой ловко накинул на себя халат с вензелем гостиницы на груди и нетвёрдой походкой пошёл открывать входную дверь.

А в голове пело:

*И когда на море качка
и бушует океан...*

— Ну чего, ты готов? — Юрок окинул насмешливым взглядом разморённого Вадика и, не дожидаясь приглашения, бодро вошёл в номер.

Кинув взгляд в открытую дверь ванной, Юрок подмигнул:

— Да, как я погляжу, ты освоился!

— Ага, методом тыка.

— А я тут немного винца прихватил, — Юрок вытащил из сумки литровую коробку со спиртным.

Вадик покосился на единолично опустошённый почти наполовину бар, потом на коробку Юрка, но отступать было некуда:

— Что-то в номере не хочется сидеть. Может, сходим куда?

— Давай на воздух. Пойдём для начала на крышу, а там — видно будет.

На том и порешили.

На крыше гостиницы никого не было, обстановка располагала к долгим душевным излияниям, подогретым алкоголем. Внизу, на взлётной, ревели реактивные двигатели, небольшие автобусы перевозили пассажиров, готовящихся к вылету. Сумерки были расцвечены огнями взлётной полосы. Непривычный стремительный ритм аэропорта Вадик разбавлял хмельными волнами, неспешно несущими их с Юрком разговор то в бабкин дом с фруктовым садом под Киевом, то на зимний налиимий лов на реке Шуя. Вадик мог рассказать и о Кейптауне, Майорке, Стамбуле, Рио... Да и Юрок, конечно, много чего повидал, но сейчас это казалось мелким, неважным. Вадик вспомнил своего армейского друга, тоже Юру, как стояли они в наряде вот так же, под чёрным курским небом, мечтая каждый о своём доме...

Правой рукой Вадик приставил к глазу горлышко опустевшей бутылки, прихваченной из бара в его номере, и, как в подзорную трубу, смотрел вслед сигнальным огням только что взлетевшего боинга.

В голове по-прежнему назойливо звучало:

*Приходи ко мне морячка,
Я любовь свою отдам...*

Юрок взял инициативу в свои руки:

— Поправь меня, если я не прав: сейчас самое время есть мясо! Знаю я неподалёку одно местечко... К трём часа управимся!

— А тёлки там есть? — Вадик застыл, как на капитанском мостике, и развернул свою «подзорную трубу» на огни города, словно пытаясь рассмотреть внизу тех самых представительниц противоположного пола.

— А то! — без тени сомнения пообещал Юрок и направился к лестнице.

Место и впрямь находилось поблизости. Друзья вошли в заведение под вывеской на английском языке, украшенной переливающимися разноцветными огоньками, как на новогодней гирлянде. За барной стойкой стоял... кавказец.

— Не понял! — вырвалось у Вадика.

Он даже огляделся, будто хотел убедиться, что находится не в родном Петрозаводске в ресторане кавказской кухни.

— Что, тоже русские? — брякнул он в растерянности бармену.

— Зачем русские? Тоже из России, дорогой! — радушно осклабился тот.

Количество золота в его рту могло поспорить с тем, что было навешено на шее.

— Садись за столик, дорогой, сейчас шашлык-машлык кушать будешь! — ласково увещевал его бармен, показывая на пустующий столик в центре зала.

— Из свинины? — Вадик растерянно посмотрел на Юрка.

— Какой свинина? Сразу видно, здесь мало жил, Зураба не знаешь. Шашлык из баранина, рэд рыба. Чебурек хочишь? Такой чебурек ты Россия не пробоваль! Откуда приехал, дорогой? — лопотал бармен, даже радуясь, что посетители из России и ему не приходится собирать по закоулкам памяти где-то случайно услышанные и запомненные английские слова.

— Из Петрозаводска, — ответил Вадик.

Небритое лицо Зураба с выражением вселенского счастья оскалилось жёлтым металлом, будто встретил школьного товарища из родного аула.

— Брат! У мене там тётке на рынке эйпыл, мандарин-шмандарин всякий торгует.

— Да ну? — Акцент Зураба, теперь уже манера общения, даже английские словечки, проскакивающие в речи, умиляли Вадика. Так это было по-домашнему, будто и не в Англии он вовсе, а дома где-нибудь по проспекту Ленина прогуливается.

— Мамой клянусь! Рынок... — он защёлкал волосатыми пальцами, что-то пытаясь вспомнить: — Бироза! Амэрика! Янки!

— Где? Берёза? — вылупил удивлённые глаза Вадик. — Какая Америка?

— Вижу, you live here long time. Now русский will be tree?¹ — обратился Зураб к Юрку.

— Дерево!

— Рынок — Деревлянки! — радостно почти прокричал Зураб, шагнув кулаком по барной стойке.

— А! Древянка... У меня там дядя живёт! — Вадикову счастью, казалось, не было предела, будто не Зураб, а сам дядя тут перед ним стоит.

¹ Вижу, ты давно здесь живёшь. Как русский будет дерево?

— Брат! Я тебе такой шашлик сделаю! — Обернувшись к двери, ведущей в кухню, он что-то гортанно крикнул на своём родном языке. Из кухни вышел Зураб номер два, то есть его копия, разве что цепочка на шее была чуть тоньше.

— У тебе здэсь каждый дэнь браття ходят, — буркнул он немного обиженно. — А я тогда кто?

— Это мой брат — билизнец! Масхат, — чёрные глаза Зураба искрились неподдельной радостью. — Зачэм такое говоришь, Масхат? Человек у тёти Зуримы сливы покупаль на рынке. Накрой нашим гостям!

Через пару минут к столику, за которым устроились Вадик и Юрок, подошёл безгранично ошастливленный встречей Зураб. В руках он нёс огромное блюдо с шампурами поджаристого сочного мяса, маринованным репчатый луком, припорошенными укропом, кинзой, веточками базилика. Отдельно он поставил на стол две розетки, наполненные ароматным соусом социбели.

— Дарагим гостям! — торжественно произнёс Зураб и добавил: — Этот барашка сиводни утром у Стоун Хедж траву кушаль — космос заряжался!

Вадик открыл глаза и упёрся взглядом в кремовый потолок. Голова гудела с дикого похмелья, давала о себе знать загипсованная рука. Он лежал на мягкой кровати, прямо в одежде. Больно было даже подвигать глазами, когда, пытаясь сориентироваться во времени, он хотел посмотреть в окно. Из щели неплотно зашторенного окна били лучи яркого полуденного солнца.

— Проспал! — Вадик как ошпаренный на удивление легко вскочил с постели. — Ё-маё! — то ли от досады, а может, от разрывающей виски боли вскрикнул он.

Ему под ноги прилетел невесть откуда выпавший листок бумаги с прыгающими неровными строчками корявых букв. «Пиво — в холодильнике. Я — на работе. В посольство без меня не ходи», — прочёл вслух Вадик осипшим голосом, с трудом разбирая буквы.

— Какое ещё, блин, посольство?! Ё-маё! Во дурак-то, а! — Вадик стал вспоминать вчерашнюю вечеринку и в ужасе закрыл лицо рукой. Перед глазами возникла детальная картинка вчерашних посиделок. Что же было вчера?

В очередном значном месте, куда они направились после шашлычной, было полно англичан.

— Чего они всё время «плиз» да «плиз»? — Вадик окинул мутным взглядом питейное заведение.

— Типа вежливые. Джентльмены. А на самом деле это для связки слов. Плевать они хотели на тебя, если в кармане нет фунтов, — Юрок быстро перенял неправильное «морское» ударение Вадика.

— Для связки?

— Угу. Как в русском языке матерщина.

Юрок опрокинул в глотку очередной «дрыньк». Он уже давно потерял счёт этим самым «дрынькам», и то, что это больше не тревожило его, наполняло Юрка особенным чувством свободы, которое он уже успел позабыть здесь, в Великобритании, — свободы от всякого рода обязательств, счетов, английской чопорности и ханжества. Ему нравилось не думать о пустой карте «виза», о завтрашнем дне, несущем неминуемые проблемы. Вот уж это слово — «проблема»! Раньше, когда с родителями жил в СССР, он не слышал чтобы кто-то сказал: «Это твои проблемы». Говорили: «Это не моё дело», «Не мои вопросы» или, например, «Твоя задача». Дела делались, задачи решались, а вот с проблемами... Юрок ещё помнил, как с рыночной экономикой в Россию с запада пришли три «П» — порнография, попкорн и проблемы. Весь этот комплекс, привнесённый западной цивилизацией, по Юркиному твёрдому теперешнему убеждению, был направлен с одной целью — для нравственного и физического геноцида. И если лихomanка порнографии очевидна, то со словом «проблема» всё сложнее. Нельзя на русского человека вешать ярмо с возом проблем. Пропадёт он! Это в английском языке биржевых столбцов и сухих сообщений проблемы решаемы. В сакральном русском — нет! С ними живут, их терпят, увязывают кушаки, наконец, смиряются, но никак не разрешают. Всё, теперь он будет заниматься только вопросами! С сегодняшнего дня ни слова о проблемах! Сегодня Юрок был счастлив, что благодаря своему новому другу вновь обрёл утраченное чувство полёта. Жаль только, что Вадон улетает через... — он посмотрел на ручные часы — через полтора часа. Его вдруг осенило.

— Слушай, Вадон, оставайся здесь! На кой тебе лететь обратно?! Попросишь политического убежища. Язык подучишь — и в море. На первое время я тебя к себе на работу устрою или вон, — он кивнул в сторону барной стойки, — к Зурабу пойдёшь, а?



— Не, к Зурабу не пойду. Пацаны из ВДВ не поймут. Я же пожарный, Юрок! — вспомнил он.

— Пожарные здесь хорошо живут. Вот английского языка ты не знаешь...

— Огонь тоже не знает английского, — Вадик надул щёки и тоненько пискнул, выпустив воздух через сжатые губы. — С огнём, Юрок, надо на его языке разговаривать, здесь одним «плизом» не отделаешься.

Вадик рассказал: как-то восемь часов кряду тушили они с его чалнинским другом Витькой Макаровым старинный карельский дом

в три этажа, а потом, полуживые от усталости, отгребли они от своего начальства по первое число за то, что дом тот был не в их районе. Мол, не наше это дело, туда из другой пожарной части должны были приехать.

— Вот уроды! Там люди с вёдрами, а мы, значит, не туши! — на Вадика нахлынули прошлые обиды, — пошли они! А мне дадут это... политическое убежище?

— Конечно! Березовскому дали, а ты чем хуже?! — заверил Юрок, слегка похлопав друга по гипсу.

— Вот только мамку с сестрёнками жаль, как там они без меня...

— Освоишься — вызовешь их сюда, — выстраивал Юрок возможные перспективы.

— *Хайку мёсака!* — Вадик поднял рюмку.

— А это по-каковски?

— По-японски, — Вадик как мог, соорудил умное выражение на лице — не только, мол, Юрок языками владеет, — по-ихнему это означает — «Ну, понеслась!» или что-то в этом роде.

Пиво помогло Вадика расслабиться. Последнее, что он помнил, было то, как поехали они с Юрком в гостиницу за его вещами («Аэропорт, ван терминал!» — тогда крикнул Юрок таксисту), как, выбрав все остатки спиртного из бара в номере, отмечали трёхчасовой вылет лондонского рейса, потом, словно дикари, отплясывали на крыше гостиницы, размахивая руками на прощание набирающему высоту «боингу»...

— Меня можно поздравить — теперь я нелегал! — подытожил Вадик вслух.

Потом пошёл в ванную и выкинул в мешок для мусора просроченные проездные документы, огромным глотком опустошил зелёную банку «John Smith's Extra Smooth», смял её в руке и со злостью метнул вслед за билетом. Он с лёгкостью приунылся открывать банки с пивом только правой здоровой рукой. Когда пивасик такой вкусный, голь на выдумки хитра! Сидеть дома и ждать Юрка ему было не вмоготу. К тому же пиво кончилось, а в кармане всё ещё лежали не потраченные фунты. В затуманенной голове зрел какой-то план дальнейших действий, но в чётко обрисованную картинку он пока не мог оформить. Виной тому, наверное, была нехватка пива, а может, задорный плясовой мотивчик, всё чаще всплывающий

в голове словами песни вчерашнего шабаша на крыше: «Эх, яблочко, куда ж ты катишься?..»

Вадик увидел себя в зеркале: загорелое лицо, тонкий изгиб губ, широкий лоб, открытый взгляд голубых глаз из-под прямой линии тёмных бровей, одним словом — красавец! Вот только оброс немного — пригладил причёску.

— Пойду подстригусь и куплю пива,— сказал он своему отражению, и оно довольно улыбнулось в ответ.

— «Может, и правда, остаться здесь? Женюсь...» — мелькнуло в голове.

Как ни пытался, Вадик не мог вспомнить, откуда он шёл — вот вроде бы этот переулок и вот та вон улица... А схожесть иноземных уличных сплетений между тем всё дальше уводила его от нужного адреса. Уже больше часа он крутился по улочкам квартала в поисках так легкомысленно оставленного им крова. И сходить-то хотел только туда и обратно, поэтому ни документов не взял, ни квартиру Юркину не закрыл. Кой чёрт дёрнул его выйти на улицу?! Он даже не знает, как будет на английском парикмахерская. Вот так всегда — чуть выпьешь и, как говорится, *хайку мёсака!* А останови его сейчас полиция?! Он же теперь нелегал! Даже отбрехаться поихнему не сможет — языка не знает. Это петрозаводским ментам можно было впаривать всякие баллады, в крайнем случае — откупиться, местные же бобики¹, то бишь полицейские, — лютые, Юрок вчера говорил. Как на грех, ему навстречу откуда-то вынырнула конная полиция. Не долго думая, Вадик нырнул под первую попавшуюся вывеску. «Это судьба!» — обречённо вздохнул он. Перед его носом, сразу за прилавком, лежали упаковки так понравившегося ему лёгкого пива в зелёных жестяных банках, как из Юркиного холодильника.

Жизнь потихоньку налаживалась. Вадик развалился на лавочке, потягивал пиво, изучал витрины магазинов, беззаботно поглядывал по сторонам. В общем, «завидуй мне, Чална!» Он полностью созрел для осуществления своего плана — женитьбы. С чего-то надо было начинать, и Вадик стал приглядываться к прохожим девушкам. Как назло, мимо прохаживались или толпились небольшими ком-

¹ Bobby (англ.) — полисмен.

паниями одни неформалы. То какие-то панки с зелёными гребнями на головах, то во всём чёрном молодые «вдовы». Наконец он увидел симпатичную мулаточку, бойко шагавшую мимо этого, как сказала бы его бабушка, «зверинца». Подхватив здоровой рукой упаковку с пивом, Вадик, не упуская из внимания среди чёрно-зелёных «человечков» коричневую юбку, стройные ножки и высокие каблуки, ринулся выполнять свой план.

— Плиз,— перегородил он дорогу красотке.

— Can I help you, Mr?¹ — приветливо улыбнулась она странно-мужскому незнакомцу.

— Сам-то я... Это... Не местный,— с места в карьер начал Вадик, для пущей выразительности разводя руками и всюю подключая мимику.— Остановился у приятеля... Забыл, где его дом...

— I don't understand you,— с сожалением пожалла девушка загорелыми плечиками и спросила: — Do you speak English, German or French?²

Вадик старательно чеканил каждое слово, как говорится, «диктовал большими буквами», почти переходя на крик, будто это могло сделать русскую речь понятной англичанке:

— Я говорю: живу здесь недалеко. Пошли со мной. Пива попьём,— он, как мог, указал загипсованной рукой в сторону скамейки.

Лицо девушки вдруг стало не на шутку встревоженным, она уставилась на Вадика, взгляд скользнул по траектории: лицо—рука—скамья. Затем ещё раз внимательно посмотрела на его изрядно помятую после всего выпитого физиономию, загипсованную руку, скамейку. Вот тут, кажется, её осенило, она возбуждённо затараторила:

— Oh, my God! I should have guessed! I'll call an ambulance. Sit down on a bench. Right here³.

— Да, здесь! Здесь! — Вадик радостно закивал в надежде, что акт коммуникации состоялся.

Довольный собой, Вадик бодро шёл впереди, указывая дорогу своей спутнице, а она уже с кем-то оживлённо говорила по телефону.

¹ Чем могу вам помочь, мистер?

² Я не понимаю вас — вы говорите на английском, немецком или французском?

³ О, мой бог! Как я не догадалась?! Сейчас вызову вам «скорую». Присядьте пока на скамейку. Вот здесь.

Вадик так и не понял, откуда взялась карета «скорой помощи». Аккуратно подхватив под руки, двое в одежде медиков пытались усадить его в белую машину с красным крестом. Он хотел было объяснить назойливым медбратам, что да как, но впереди, на перекрёстке, замаячила конная полиция.

— Вот непруха! — процедил он сквозь зубы. — Ну, хрен с вами — везите. На месте разберёмся.

Вадика уложили на кушетку, одели на лицо маску. Голову почти сразу застил туман, тело наполнилось райской лёгкостью. Ему показалось, что в искривлённом пространстве «неотложки» он завис, будто в невесомости. Вадика почудилось, что в странно изогнутую, приоткрытую дверь машины заглянуло лицо его несостоявшейся английской невесты. Она ободряюще улыбнулась ему, помахала на прощание рукой и с чувством выполненного долга улетучилась по своим делам...

Вадик находился в больнице — это он понял сразу: по всему его телу были утыканы датчики. В голове дико отбивали тамтамы, рука ныла. Перед ним в синем халате и с подносом в руках стояла необъятная негритянка с лоснящимся лицом.

— Good morning, Mr! Do you want to have breakfast?¹ — участливо спросила она, стараясь говорить медленно, почти по слогам.

— Плохо мне, Изаура, — простонал Вадик. — Пива бы! Где моё бир?.. — для пущей убедительности он сделал губами «пссс» и с мученической гримасой показал, как пьют из банки.

— No, Mr! It's impossible, — негритянка испуганно вытаращила глаза и замахала руками. — Here it's your breakfast².

— Руссиш завтрак — бир! — не сдавался Вадик, с напором втолковывая непонятливой медсестре особенности российского рациона. — Гони пиво, не видишь: мистер с бодуна! — разозлился он не на шутку и даже покраснел. — Я гоу в Москву, дриньк отдай! — и, памятуя их с Юрком разговор, на всякий случай «матюгнулся» на английский манер: — Плиз.

¹ Доброе утро, мистер! Завтракать желаете?

² Мистеру нельзя! Вот для мистера завтрак.

Через пару часов на узкой чистенькой улочке, за углом от госпиталя, Вадик остановил такси. Из больнички удалось удрать без особых проблем — благо, что одежда была при нём, а спящий по коридорам медперсонал не обратил никакого внимания на молодого, но потрёпанного парня с отпечатком знатной попойки на припухшем лице и загипсованной рукой. Здоровой правой рукой он намертво вцепился в вожделенный пластиковый пакет с пивом. Пиво у негритянки он всё-таки выморщил. «Всё — надо лететь домой! А то так и в каталажку загреметь недолго! Двое суток как нелегал — это не шутки», — решил Вадик про себя, в глубине души немного опасаясь очередного искушения английским пивом.

«Аэропорт, ван терминал!» — непоколебимым голосом объявил он таксисту, и, чтобы отвязаться от навязчивой пивной баночки, крепко засевшей в его голове, он решил сыграть с зелёным змием в поддавки — позволил себе проглотить содержимое в надежде, что эта банка станет последней.

Наконец, знакомые места: аэропорт, терминал. Можно сказать, почти родные. Вадика немного отпустило. Стоило только расслабиться — здоровая рука сама собой полезла в пластиковый пакет с пивом, прикупленным у входа на всякий «пожарный». Уже привычно зажал банку между коленями, указательным пальцем правой руки ловко, как заправский скрипач, играя пиццикато, поддел кольцо, дёрнул вверх и потянул на себя. Пиво многообещающе зашипело, сыграв форте, так что Вадика пришлось сдаться. «Теперь точно — по последней», — он благоразумно решил получить удовольствие, а не вступать в схватку в зелёном змием, загнанным коварными англичанами в металлическую банку, предостерегающе выкрашенную в зелёный же цвет.

Вадик неспешно прогуливался мимо стендов, магазинов и рестораников терминала, высматривая своего друга Юрка. Полиции нигде не намечалось. У эстакады, соединяющей первый и второй терминалы и снабжённой эскалатором, Вадик поставил пакет с пивом на пол, достал пачку сигарелл, оставшуюся ещё из «ол инклюзив» — гостиницы, коробку спичек с названием зурабовской забегаловки и, втиснув её между рукой и гипсом, чиркнул спичкой.

— You are breaking the law by smoking, Mr!¹ — внезапно раздалось над самым ухом. От неожиданности Вадик даже вздрогнул. Перед ним, как грузди после дождя в родном чалнинском лесу, выросли двое полицейских. Поначалу-то Вадик опешил, но тут же взял себя в руки — с ментами он умел общаться. Сказывался опыт в родной Чалне.

— А-а! — протянул он, деланно растянув в улыбке рот от уха до уха. — Двое из ларца! Привет, менты!

Вадик картинно задул огонь на спичке. Но вместе с потухшим пламенем ребята в форме почему-то не исчезли. Они всё так же стояли перед ним и даже как назло никуда не торопились.

— Your documents, Mr!² — Судя по металлическим ноткам в голосе, отступить бобики были не намерены.

Вадик сделал большой глоток из банки, словно хотел продемонстрировать, кто здесь хозяин. Полицейские, ошарашенные наглостью русского, удивлённо переглянулись.

— Ол инклюзив, менты! — уже хорошо поддатый Вадик добродушно протянул им пустую банку.

Через мгновение на запястье правой руки защёлкнулось кольцо наручников, вторым браслетом полицейский окольцевал себя.

Юрка отыскали быстро. В помещение, где держали Вадика, он зашёл запыхавшийся и немного испуганный.

— Вадька, братан, ты куда пропал?! — Юрок хотел обнять своего друга, но бдительный полицейский отстранил его.

— Вот... Мусорá повязали, — Вадик криво улыбнулся и погромел наручниками. Правая рука его была прикована к столу, — они и впрямь у вас лютые. Пиво вон отобрали, — с обидой добавил он.

— Тут такой кипиш был! Тебя искали, меня задёргали. Этот... Представитель твой тоже был здесь. Уже три самолёта без тебя улетело. Ты уж прости, с посольством теперь не выйдет, — Юрок виновато уставился в пол.

— Это ты извини, — как мог, развёл руками Вадик. — Полечу домой. Что я здесь забыл?..

— Я сейчас тебе вещи принесу и документы.

Объяснив что-то полицейским, Юрок убежал.

¹ Мистер, вы нарушаете закон о курении!

² Ваши документы, мистер!

На посадку Вадика вели под конвоем. Рядом торопливо семенил Юрок, волоча за собой внушительных размеров чемодан на колесах. Они молчали. Да и о чём было говорить?.. Всё понятно без слов. Вадик улетал. Юрок — оставался.

Наступил момент расставания. Надо было прощаться.

— Я тебе тут гостинцев собрал...— Юрок выкатил из-за спины огромный клетчатый чемодан. — Там ещё духи для твоей мамы, очень хорошие...

— Спасибо, дружище, — Вадик был очень растроган таким сюрпризом.

— На вот ещё... На память, — Юрок снял с себя жилетку и что-то написал на ней фломастером, — это мой электронный адрес. Пиши.

Они крепко, по-мужски, обнялись.

Полицейские негромко переговаривались между собой.

— I don't understand these Russians. This guy got a fine because of the Russian sailor, but he has got gifts for the sailor, — удивлённо пожал плечами один из них. — My advice to you, Mr Scherbakov, — обратился он к Вадиду, — go home!¹

Лондонский аэропорт Хитроу был тоже не маленький. Вадик бесцельно бродил по его сверкающим, выхоленным залам, когда понял, что снова заблудился. С потолка, перемешивая речь с «плизами», кто-то очаровательным женским голосом коверкал его фамилию. История повторилась. В самолёт Вадика посадили полицейские.

Не, ну бывает же такое — если не повезёт, то по полной! В самолёте Вадиду досталось место рядом с какой-то русской бабкой. Старушка, едва заняв свое кресло, начала болтать без умолку. Не то чтобы она о чём-то спрашивала, нет. Она просто выплёскивала на сидящего рядом Вадика потоки сознания. Складывалось впечатление, что она вообще не могла молчать.

— ...И жил он на Васильевском, рядом с нами. А уже в тридцать седьмом его забрали, — говорила она, даже не глядя в сторону соседа. — Капитолина пробыла там всю блокаду... Ой, иду за лейтенантом тем, а от него та-ак хлебом пахнет! — старушка, прикрыв глаза, с наслаждением втянула облагороженный каким-то тропическим освежителем воздух в салоне самолёта, казалось, она и не подозревает, что

¹ Не пойму я этих русских. Этому малому и так штраф выписали из-за русского моряка, а он ему подарки. Мой вам совет, мистер Щербаков, — уезжайте домой!

говорит в голос. — Я и рассказываю маме: он — на Кировский, а я — за ним, как приклеил кто. Мама-то ходить уже не могла, вот и переживала... ..Адвокат сразу сказала мне: ваше дело проигрышное. Откуда было мне знать, что та справка из ЖКХ у нашей Любы? — она театрально развела сухонькими руками. — А вы теперь попробуйте-ка — купите! Таких квартир уже не строят!

— А вы москвич или, может быть, из Ленинграда? — не меняя тональность, спросила Вадика говорливая соседка.

— Из Мюнхена, — брякнул Вадик первое, что пришло на ум.

Она отвернулась, казалось, утратив к нему всякий интерес.

—... Симпатичный был немец, только худой. Они у нашего дома завалы разбирали...

Вадик, устроившийся было подремать, подскочил в кресле.

— Наш лайнер ещё не набрал необходимую высоту. Пожалуйста, в целях безопасности не покидайте своих мест! — Красивая, в форменной юбке с газовым красно-синим шарфом на длинной шее, ослепительно улыбаясь, но одновременно сохраняя при этом строгость в глазах, по салону шла стюардесса, по-русски она говорила с лёгким акцентом.

— Девушка, у вас есть свободные места? — окликнул красотку Вадик.

Всё так же ослепительно улыбаясь, как в буклетах «Аэрофлота» или в рекламе зубной пасты, она отрицательно, но с сочувствием в глазах покачала головой.

— Нет, ну не хотел же пить, а! — тихонько укорил Вадик, бормоча себе под нос. — Тогда ван дриньк, девушка, ван дриньк! — крикнул вслед стюардессе.

Вадик тогда из Москвы не сразу домой поехал. Мамка, конечно, не дождалась его в аэропорту. Двое суток кто в Домодедово высидит, когда у тебя дома хозяйство? Если бы не эта бабка в самолёте... В общем, напился он тогда. Из Москвы напрямик в Рязань поехал к Юрке — тому самому армейскому другу. Там все оставшиеся фунты и прогуляли. Сплошное *хайку мёсака* получилось. Вернулся он в Карелию только через пару недель. Сунулся в контору, где работал, там сказали, что все его кровно заработанные в аккурат покрыли штрафы за его куролесы с полицией да опозданиями на рейсы. В гостинице ковролин сигареллой прожёт. Когда успел? Ведь и не сидел там почти, даже стоимость спиртного в баре в гостинице прилепили

к счёту, жмоты. Ладно хоть, чемодан английского Юрка оставили, так что мамке позвонил, сказал, будто всё на гостинцы спустил — стыдно было правду говорить.

В Петрозаводске в республиканской больнице уже дали отопление. Где-то в свинцовой выси осеннего карельского неба пророкотал самолёт. «В Бесовецкий аэропорт спешит, — подумал Вадик с грустью, — там и Чална рядышком». Он вспомнил о новом друге. Наверное, сидит сейчас Юрок один на крыше, провожает и встречает самолёты. Надо бы ему написать... «А мамка сейчас, наверное, печку топит. А может, и баньку. Эх, вот выпишут из больницы — первым делом в баньку!» — мечтал Вадик, глядя в окно на осеннюю хмарь, недавно поселившуюся в больничном парке. Шёл мелкий дождь, прибывая в лужах жёлтые листья. По пустынной асфальтовой дорожке бесцельно плелась чёрная дворняга. Свалывшаяся промокшая шерсть её повисла, облепив тощие бока. Вадик невольно поёжился, представив, каково сейчас быть на улице. «Может, потерялась или выгнал кто?» — Вадику стало жаль пса. Плохо всё-таки быть одному — это он понял совсем недавно, когда встретил свою Иру. Сперва она даже не посмотрела на него. Вернее посмотрела, но как на больного, в смысле её тогда интересовала рука сломанная, а не он сам. Кость левой руки срасталась неправильно. Привезли его в операционную. Спрашивают про аллергию на лекарства, а Вадик будто не слышит ничего — всё смотрит на неё. Во попал! В белом чепце с марлевой повязкой, только одни глаза и светятся — серые, необычайно красивые и внимательные. Ему — маску на лицо, а он: «Девушка, а как вас зовут?» Познакомились они позже, когда она пришла в палату с обходом. Тут Вадик и оживился — всё обаяние приложил, лишь бы понравиться. Накувыркался по кораблям да по чужим странам по самое не хочу — надоело. И Ира не оттолкнула. Так и закрутилось у них... Любовь-морковь... И, кстати, калитки у неё не хуже мамкиных оказались.

Одним словом, не было бы счастья, да несчастье помогло. А так, всё — со спиртным завязывать надо. Стыдно ведь, совестно перед людьми, а перед мамкой родной, которая ради него здоровье гробила, стыднее во сто крат. В последнее время Вадик много думал об этом... О маме, о дяде, который его в Петрозаводск вытащил, о Юрке английском... А ещё понял Вадик, за что человека уважают.

И дядю-то уважают не за военную выправку и уж точно не за Кубу. Вадька сам где только ни побывал — и что с того? Много ли с него почёта? Пётр Алексеевич человеком надёжным был. И Юрка в беде в чужой стране его не бросил. И мамка вроде птица не высокого полёта, а в поселке её ой как уважают, потому что всю жизнь для детей одна-одинёшенька лямку тянет. А на кого ж ещё Вадьке маленькому было надеяться, как не на мамку?.. С водкой этой какая надёга? На кого его дети надеяться будут?..

Всё, хватит! Он скоро семейным человеком станет. Да и с морем, наверное, придётся расстаться — от семьи не дело на полгода уходить. Находился уже по морям. Ничего, Карелия — водный край. Соскучится — поедет к бабке в Беломорск. Белое море не хуже остальных. А ещё чалнинский Витька Макаров звонил недавно. Он пошёл на повышение по службе, звал обратно в пожарку. В общем, не пропадёт. «Была бы шея, а ярмо найдётся», — говаривала его бабка.

В ГОРНИЛЕ СЕВЕРНЫХ ВЕТРОВ

Повесть

1

Вагон просыпался. Снизу доносилось шуршание сумок и полиэтиленовых пакетов, позвякивание бутылок, клацанье стопорных замков полок. Сергей Батько открыл глаза. Он уже давно не спал — надоело. С пересыпу состояние было такое, будто в голове кусок свалявшейся ваты. Плюс к этому духота и спёртый воздух замкнутого пространства тоже сделали своё дело. Сергей не любил себя таким — вялым, разбитым, пустым. Не в его правилах валяться в постели от делать нечего. А, с другой стороны, чем ещё заниматься в поезде? Ешь да спи. Ну, разве ещё поболтать с попутчиками о том да о сём.

Сергей осторожно перевернулся лицом к окну и огляделся. Соседа по верхней полке, майора ракетных войск в отставке, на месте не оказалось. Идеально ровная простынь, подушка — наполеоновской треуголкой, в ногах — одеяло, свёрнутое походной скаткой шинели, в кармане-сетке выстроены рядком мыльница, тюбик зубной пасты «Поморин», чехол от зубной щётки. Скукота да и только от таких порядков, одно занудство.

Поезд сначала постепенно сбавлял обороты, потом заскрежетал, резко дёрнулся и совсем встал. За окном показалось приземистое облезлое здание вокзала с названием станции — «Ак-Куль». Милицейская обшарпанная конура, когда-то выкрашенная по чьему-то загадочному умыслу в нелепый розовый цвет, ярким пятном цепляла глаз, лишний раз напоминая, что милиция тут кого-то всё-таки бережёт. Неоновые огни вывески «АЗЫК, ТУЛИК, ПРОДУКТЫ», оставленной включённой среди бела дня, призывали навеститься в привокзальный магазинчик.

На перроне — толкотня, сутолока, ругань. Милиционеры с отрешённым видом прогуливались вдоль вагонов, сонно постукивая о кирзу «индикаторами Перестройки», как в шутку говорили в народе о демократии резиновых дубинок, недавно появившихся в милиции. Увесистыми баулами, допотопными чемоданами, выставленными

перед собой, чтобы ни на секунду не потерять из виду свое барахло, будто тракторными отвалами, торопливые пассажиры расчищали перед собой перрон от торговцев и их тележек, заставленных пластиковыми бутылками с кумысом, копчёным жерехом, пакетиками с куртом, варёной картошкой, пирожками. Торговцы наперебой предлагали взмыленным пассажирам товар — трясли перед раскрасневшимися лицами пакетами, успевая при этом поругаться между собой. Одним словом, ничего нового.

Батько свесил голову глянуть, кого подселили к ним в плацкартное купе. Молодой казах с рыхлым, одутловатым лицом в джинсах «варёнках» и лёгкой кожаной куртке, наконец, уложил клеёнчатые клетчатые баулы, опустил полку. Вслед за ним в проёме показалась пожилая казашка с мальчиком.

— *Барлық, апа, дүние-мүліктер теңде. Бақытты сізге жолдар. Сәлемді Еркенге, Бауыржанға жұқтыр. На келесі жылды сөзсіз сізді арада қонақтар күтеміз. Еркен сізді ша кел — кездестіреді*¹, — тяжело дыша после такой ноши, сказал парень.

— *Рақмет, внучок. Бар уже Шыңғыз — енді мен өзі тойлаймын. Да және Сакен егер не көмектеседі. Ол уже жігітпен стал*², — успокоила его женщина.

Ещё раз попрощавшись, требовательно прикрикнув «Жол! Жол!»³, Шингыс нырнул против растянувшегося по вагону нескончаемого потока всё прибывающих пассажиров. Толпа недовольно роптала.

Апа еле слышно выдохнула: «Ой, бай!», села рядом с мальчиком лет семи с пухлыми щеками, расцвеченными диатезным румянцем, а потом, чуть поправив на голове зелёный платок, махнула кому-то рукой за окном. Тихо, надеясь не потревожить соседей, женщина затынула заунывный мотив. Вдруг прервалась, словно о чём-то вспомнила, повернулась к мальчику.

— *Жеу боласың, Сакен?*⁴ — спросила она и, не дождавшись ответа, полезла в сумку, стоящую у ног в проходе.

¹ Всё, апа, вещи уложены. Счастливой вам дороги. Передавайте привет Еркену, Бауржану. На следующий год ждём непременно вас в гости. Еркен встретит вас по приезду.

² Спасибо, внучок. Иди уже, Шингыс, теперь я сама справлюсь. Да и Сакен поможет, если что. Он уже джигитом стал.

³ Дорогу! Дорогу!

⁴ Кушать будешь, Сакен?

Запахло кáзами¹. Женщина огляделась по сторонам, будто ища знакомые лица. Рядом в проходе бойко раскладывали вещи, закидывали наверх сумки, заполняли багажные полки, вниз спускали свёрнутые в рулон пыльные матрацы. Галдёж, суета — вроде все заняты. Тут, взглянув на верхнюю полку, апа заметила Сергея. Её подкопчённое, покрытое паутиной морщин лицо расплылось в гостеприимной улыбке.

— *Үстелге деген бар, жігіт, қарамастан*²! Айда, ешь! — она махнула Сергею, приглашая его к столу.

Батько немного колебался. Ответно проставиться он не мог — зачерствелыми пирожками с картошкой, купленными ещё в Караганде, угощать было стыдно, но и отказывать соседке нельзя — можно обидеть. А тут ещё этот запах его любимой домашней конской колбасы!.. Он легко соскочил с верхней полки и сел за столик напротив новой соседки.

— Айда, давай ешь! — женщина заботливо подвинула ближе к гостю нарезанные кáзы и бутылку с кумысом.

Поезд резко дёрнулся, замер и плавно поплыл, постепенно набирая ход. Несколько мгновений — и вот позади остался перрон и попритихших у своих товаров продавцов.

Апа внимательно разглядывала попутчика.

— Как зовут? — её раскосые глаза лучились искренним любопытством и участием.

— Сергей, — ответил он и, немного смущаясь, отломил кусок от лепёшки.

— Этот поезд что — думает? Три минуты стоит! Када успеть сесть?! — возмущалась она, попутно подсовывая Сергею кусочки колбасы. Вернулся немного запыхавшийся майор, он положил на стол копчёную рыбину в засаленной бумаге.

— Уф, — выдохнул он, тяжело дыша, — еле успел. Всё, теперь только в Кокчетаве выйду, там хоть стоянка — двадцать минут.

— Вот я и говорю, — оживилась апа, — куда поезд думает? — Айда, садись к достархану³, — она благодушно улыбнулась и майору.

С приходом соседа разговор оживился. Оказалось, апа ехала домой, до станции «Щучинск», в Боровое.

¹ Кáзы — конская колбаса.

² Иди к столу, парень!

³ Достархан — праздничный стол.

— Повезло мне, — лопотала она, — Аллах дал пятерых детей, и в таком месте красивом живу — вах! Моя сестра в Аксае живёт, брат — в бывшей Алексеевке, теперь — Ак-куль. Везде степь. Степь — красиво. Боровое, — она задумалась, будто подбирая русские слова, — очень красиво! — и рассыпалась счастливым молодым смехом.

Сергей вполуха слушал её, а отрешённый взгляд его плыл по степи, что лентой тянулась за окном.

— Почему загрустил, джигит? — Морщинки у внимательных раскосых глаз залегли в глубокие складочки. — *Туралы қызда ойлайсың?*¹ — догадалась она.

Апа была права — и про девушку, и про Боровое. Только вспомнилось ему Боровое десять лет назад.

2

С Аней они познакомились там же, в санатории Борового, известного в Казахстане курорта. Он подающий надежды пловец, она уже с именем, мастер спорта по лёгкой атлетике. Оба приехали в составе своих сборных на короткий отдых восстановиться после утомительного летнего сезона соревнований. Это был их последний вечер отдыха перед сборами.

Красное рассерженное солнце клонилось к горизонту, наполняя ярко-розовым светом чашу Голубого залива, окаймлённого зелёной бахромой елового леса. На входе в залив, у самой кромки воды, вздыбилась вверх свою драконью голову скала Окжетпес и дальше, вспарывая зелёное покрывало крон деревьев позвонками-скалами, тянулось его могучее драконье тело хребтом Жеке-Батыра.

Сергей с Аней сидели на тёплой лысине скального выступа, ещё хранившего энергию палящего южного светила.

— А ты слышал, как появилось Боровое? — внезапно спросила девушка, нарушив гармонию тишины.

Её голос отчего-то показался ему строгим, раньше он не знал его таким. Аня эффектно откинула прядь волос со лба, удивлённо, с вызовом посмотрела на Сергея. Насмешливые морщинки в уголках рта не шли этому красивому нежному лицу. Стройная, легкая, она мало походила на своих степных сородичей, лишь чуть выпирающие высокие скулы и чёрные густые волосы были напоминанием о её предках.

¹ О девушке думаешь?

Сергей безразлично пожал плечами в ответ. Ему не хотелось сейчас разговаривать. Здесь, на скале, с высоты птичьего полёта он любовался открывшимся видом, от такой красоты захватывало дух. Сергей наслаждался летним вечерним ветерком, приятно обдувающим тело. После тяжёлого подъёма на скалу по такой жаре тело просило покоя.

Он поудобнее расположился, с удовольствием вытянув ноги, и загляделся на подругу. Её миндалевидные зелёные глаза жадно всматривались вдаль, словно пытаясь что-то разглядеть в тёмных контурах крон деревьев на другой стороне, маленький упрямый носик по-детски подрагивал. Девичий, почти родной уже голос звенел ручейком.

— Легенда гласит, — строго, по-учительски взглянув на него, торжественно начала Аня, — что когда Аллах обделил казахов природой и по скупости не захотел расстаться с теми красотами, что ещё остались у него, на помощь народу пришёл сказочный герой, балагур и весельчак, безбородый насмешник Алдар-Косе. Предложил он Всемогущему поиграть с ним в прятки, а чтобы было, где прятаться в голой степи, попросил у Аллаха маленькую горку. Тот, шутя, насыпал на голом месте холм, который и поныне называется «Букпа», что означает — «прятаться». В разгар игры Алдар-Косе незаметно проделал в коржуне Аллаха дырку, и по степи из мешка рассыпались остатки гор, лесов и родников. Кстати, этот хребет, — она указала на «драконье» тело напротив них, — так и называется Спящий Богатырь.

— Думаешь, это и есть Алдар-Косе? — с сомнением спросил Сергей.

— Почему нет? Очень красивая легенда. Вдруг он сейчас очнётся ото сна?! — она театрально скривила гримасу, должно быть, выражавшую страх.

— А по мне — это дракон или динозавр какой-нибудь. Смотри: вот там — туловище, а это у самой воды — голова. Прилёг он воды испить, да так козлёночком и остался, окаменел то есть. — Вспомнив про воду, Сергей потянул к себе рюкзак и вытащил из него бутылку минералки.

— И вовсе это не голова, — Аня обиженно надула губки и скрестила руки на груди, — ничего-то ты не понимаешь! Здесь девушка одна погибла, очень давно...

— Как же её звали? — глотнув воды, с иронией в голосе перебил её Сергей. — Случайно не твоим именем? У тебя очень красивое имя —

королевское, — он не хотел, чтобы она сейчас вот так просто обиделась, и, набрав полные лёгкие воздухом, приложив ко рту ладони, протяжно выкрикнул: «Анна!!!»

Они оба прислушались к ускользающему в скалах эху, что пытались спрятать в разломах каменных пород уже ставшее дорогим его сердцу имя.

— Дурачок, вот услышат тренеры — влетит нам обоим. У нас уже отбой давно, — и, не удержавшись, она поспешно поцеловала Сергея в щёку. Отворачиваясь от ветра, она повернулась к нему спиной, он обнял её за плечи.

— Видишь, у подножия скалы из воды возвышается ещё одна скала, похожая на сфинкса? — шёпотом спросила девушка.

— Конечно, вижу! С берега она выглядит как голова старухи, — по доброму подтрунивал Сергей над романтической барышней.

— Слушай, а то не скажу, — поджав губы, Аня легонько ущипнула его за бедро. — В этих местах давным-давно кочевал средний жуз, — таинственно начала она, будто сказку рассказывала. — Покою не было казахам от набегов калмыков, монголов и джунгар. Угоняли скот, людей обращали в рабство. Во время одного из набегов казахскому хану со своими батырами удалось одержать победу над войском калмыков. В плен, кроме богатых трофеев, попала красавица калмычка. Всё войско его будто с ума посходило. Каждый джигит мечтал взять её в жены, но она ни за кого не хотела идти. Тогда, чтобы прекратить распри между воинами, хан приказал ей самой выбрать достойного батыра. Калмычка взобралась на ту скалу, что напротив нас, и сказала воинам: чья стрела долетит до вершины, тот и будет обладать её сердцем. Ни одна стрела так и не долетела до цели. Красавица знала, что хан не простит её за эту хитрость, и, чтобы остаться свободной, сбросилась с вершины в озеро. Как раз на месте её гибели и появился этот сфинкс, — Аня многозначительно замолчала.

— Откуда ты это всё знаешь, все эти байки? — Сергей развернул её к себе лицом.

— Секрет! — вкрадчиво прошептала Аня, кокетливо прищурилась глазами. — А сейчас нам пора в санаторий, — внезапно скороговоркой выпалила она, — не хочу получить нагоняя от своего тренера. Когда он узнал, что заселяются пловцы, то взял от дверей ключи и ближе к полуночи будет проверять, все ли на месте.

Она улыбнулась и снова поцеловала Сергея.

Всю обратную дорогу они молчали, каждый думал о своём. Уже в санатории, в приглушённом свете коридора, чмокнув его в щёку, девушка сказала ему на ухо:

— И, между прочим, на старуху тот сфинкс похож только с восточной стороны, а если немного пройти по берегу, то на красавицу-калмычку.

— И, между прочим, — шутя, передразнил он её, — не свобода ей была нужна. Просто калмычка не хотела превращаться в дряхлую старуху.

На прощание Аня погрозила ему кулачком и пошла в свою комнату, а утром спортсменов развезли по своим тренировочным базам...

Дальше в памяти скорым поездом промолотили по рельсам времени десять лет, сбивчиво выстукивая рваный ритм беспокойных девятых. Грянула Перестройка, развал Союза... Новое время, новые условия ломали человека, как щепку. Дороги, километры, границы, города... Аэропорты, вокзалы, карты дорог перелётами, переездами разметили жизнь. Новые места, новые люди проходили стеной, как поток пассажиров по перрону, они совсем рядом — протяни лишь руку: «Привет, человек!», но он, даже случайно задев рукавом, лишь удивлённо и опасливо отпрянет от чужака и вольётся в привычную массу знакомых лиц. Само время порой выживало из тесного пространства жизни близких людей, ставя перед человеком одну задачу — выжить.

И в один момент то, ради чего он, Сергей Батько, жил, рухнуло бесповоротно. Как-то после утомительного дня тренировок тренер, дрожащей ладонью потирая лысину и опуская глаза, смущённо выдал:

— Всё, Серёга, у нас с тобой последние сборы в этом году. У казахской федерации нет денег и, наверное, уже не будет. Понимаешь, сейчас у всех такая ситуация, во всех видах спорта. Я с борцами говорил — у них то же самое. Перестройка, мать её! — ругнулся свозь зубы он. — С нас... С тебя снимают питание, — он виновато отвёл взгляд в сторону.

Сергей сразу толком и не понял. В бассейне было шумно — у кролистов вовсю шли «прикидки» после изнурительных нагрузок — плыли на время «полтинник».

— Как, Геннадий Николаевич?! — почти прокричал Сергей.

— Вот так! — тренер досадливо махнул рукой. — Всё прахом, все твои рекорды теперь до лампочки!

— А как же чемпионат? — только и смог выговорить ошарашенный этой новостью Сергей. Он ещё не верил в случившееся. — Вы же говорили...

— Что я говорил?! — сорвался на крик тренер, перекрывая шум стартов, но сразу осёкся: — Извини, ты здесь ни при чём, — он потечески обнял его за плечи. — Хочешь — оставайся у Кузьмича в бригаде с «кролистами», — он кивнул на длинную, сутулую фигуру в костюме с надписью «СССР» на спине. Кузьмич носился с секундомером вдоль бортика бассейна, подгонял плывущего по дорожке Мишку — Серёгинаго друга. — Кузьмич не против — я говорил с ним о тебе... Конечно, до тех пор, пока их не вызовут в Москву. Мишка отобрался в сборную СССР, а вот нам с тобой чутка не хватило, — он, наконец, обречённо взглянул Сергею в глаза. — Мне семью кормить надо, понимаешь?.. — его голос дрогнул.

Лишь теперь Батько осознал всю серьёзность ситуации. Всё, к чему он стремился всю жизнь, оказалось вдруг растёртым об асфальт, как плевков. Что же теперь делать?! С чем он остался? Без профессии, с образованием — десять классов, без надежды на спортивное будущее... Сергей оторопело стоял у бортика бассейна, рассеянно глядя на солнечные блики, озорно прыгающие по прозрачным голубоватым волнам, набегавшим и гаснувшим в хитросплетениях пластика поплавок плавательной дорожки. Все его планы, надежды вдруг в одночасье лопнули, разбились о череду обстоятельств, перед которыми он оказался бессилён. Воспитанный в спорте полностью отдавать себя для достижения поставленной цели, он осознавал: что бы он сейчас ни предпринял — изменить ситуацию ему не удастся. Обстоятельства сковывали по рукам и ногам — теперь сама жизнь другая, такая, которую он не знал.

— Ничего, Серёга, прорвёмся, — тренер потряс его за плечо и вывел из оцепенения.

Он подмигнул:

— Я тут вышел на канал один — кассеты, винилы, видео... На вот на память, мастер, — он протянул небольшой бумажный конверт с пластинкой. На его лицевой стороне, на ленте из фотокадров, гримасничала четвёрка молодых людей. Сергей безразлично посмотрел на винил, поначалу даже не узнал своих кумиров. — Я знаю: твой любимый битловский альбом — «Вечер трудного дня».

Тренер ещё раз похлопал его по плечу и ушёл в тренерскую.

В бассейне Батько больше не появлялся. Попробовал торговать на рынке. Со временем он тоже «вышел на канал один» — то были итальянские кухонные комбайны. Составляющие комбайнов шли по бартеру на КМК (Карагандинский металлургический комбинат), там в одном неприметном здании они обретали форму мечты всех хозяек — упаковывались в цветастые коробки с магической надписью «Made in Italy». Часть их уходила «налево» и таким образом попадала к Сергею. К тому времени методом проб и ошибок он уже понял, что не всё и не везде можно продать. Это в совдепе с тотальным дефицитом на полках по всякому поводу стояли очереди. Рынок начала девяностых — дело стихийное. И, как во всяком рисковом деле, без чутья и определённой доли везения в нём не обойтись. И того, и другого у Сергея было поровну и всегда чего-то не хватало. Но потом вроде «попёрло» — кухонные комбайны были в цене. Накопив солидную сумму денег, он привёз приличную партию из тридцати штук в Алма-Ату.

Центральный рынок в городе «Яблоко» — растревоженный пчелиный улей. Какого добра там только не было! Кого за прилавком только не встретишь! Толпы людей, взбудораженных лихорадкой, именуемой «купля-продажа», снуют от блестящих иномарок к скотному двору с притихшими, сбившимися в испуганную стайку агнцами, затем — к коврам на любой вкус, полкам с книгами, радиотоварами, видеоаппаратурой, наконец — к турецким шмоткам. Бредёт гуськом растерянный народ между рядами невиданного, недоступного раньше изобилия.

Сверху, соревнуясь в громкости, из динамиков льются на головы огушённого малахольного люда хит-парады попсы, шансона, иногда разбавляет эту истерию звука напевная домбра, совсем редко, как диковина, звучит классика. Отовсюду — разноязычный гомон. Китайцы, чеченцы, русские, казахи, азербайджанцы, корейцы, уйгуры, цыгане... В этой клокочущей страстями массе людей между маститыми торгашами, покупателями и просто зеваками снуют карманники, продавцы мумиё, чебуреков, «гербалайфа», порножурналов, баллончиков со слезоточивым газом и ещё бог весть чего.

Сергей давно изучил рынок. Знал, по каким правилам здесь живут. Исправно платил администрации рынка за место, бандитам — за то, чтобы не лишиться своего товара. Одному не выстоять, а жаловаться было некому. Менты, как Моцарт или Чайковский из динамиков, появлялись здесь крайне редко. Видимо, чтобы тоже

не раздражать граждан. Да и вообще, бесполезное это дело — менты же и «крышевали» бандитов.

В один из привычных базарных дней, как обычно, работая на точке, Сергей услышал:

— Серёга, салам! — по ту сторону прилавка щерилась золотом зубов краснощёкая рожа со сломанными ушами и перебитым носом.

— Салам-попалам, Нурлан, — Сергей натянуто улыбнулся казаху, пожал небрежно сунутую руку.

— Какими судьбами, братишкэ? — играя мышцами под тесной футболкой, тот уселся на прилавок, бесцеремонно сдвинув соседский товар с видеоаппаратурой. — Падвинся, э! — начальственно бросил он корейцу — хозяину товара.

— Слушай, ни один собака на рынок нет. Ты Серёга, к корейцам не ходи, у казахов шашлык-машлык кушай, — говорил он громко, словно стараясь задеть своими словами корейца-продавца видео. — Казах шашлык из настоящий баранина делает, — он с издёвкой посмотрел на корейца, — собак не едим.

Кореец и на это промолчал.

Нурлан ещё с полминуты цеплялся раскосыми глазами за соседа с видиками, потом презрительно хмыкнул и развернулся к Сергею:

— Твой комбайн?

Сергей кивнул. Он и раньше видел на рынке своих давних знакомых по службе в СКА. Обходил их стороной — знал, чем теперь занимаются. Слышал, что держат рынок бывшие борцы, а бригадиром у них — небезызвестный в криминальном мире Касым.

— Э, Андрей, помнишь Серёгу Батько? — Нурлан обратился к качку, внезапно появившемуся у прилавка, как из-под земли.

Тот, ловко перебирая пальцами, отсчитывал деньги, только что полученные от корейца.

— Конечно, помню, — не поднимая глаз от разноцветных купюр, хмуро отозвался качок. — Он ещё Ербола отметелил в казарме — не хотел стирать его ПШ¹. Тьфу, сбился! Не отвлекай меня!

— У тебя хорош удар, Серёга! — Нурлан по-приятельски обнял его за плечи. — Хорош быть барыга. Э, семешек дай, пожалуйста, — он ухватил за рукав проходившего мимо паренька-казаха с кулками подсолнечника, грубо притянул его к себе, выхватил кулёк из лотка.

¹ ПШ — зимнее полушерстяное армейское обмундирование советского образца.

— *Рақмет*, братка, — чо стаишь? Иди работай, — расплылся он в наглой улыбке, давая понять, что денег продавцу не видать.

— Иди к нам, к братве, в бригаду, — сплёвывая кожуру прямо на прилавок, доверительно говорил Нурлан Сергею. — Эти мамбеты совсем обнаглел. Вчера к наш ларёк один подошёл. Говорит продавцу: «Мен — рекет, денег давай!» Хорошо, мы рядом был, — он потер ладонью бритый затылок. — «Откуда ты, братишкё? — спрашиваю. — С какого аула? Где ишак твой спрятал?» — Сальная морда покраснелась, покрылась капельками пота. — Говорю ему: «Рекет — плохо, мен — судья Дредд наказывать тебе буду!» Поссорились мы с ним. — Как доказательство этому, он сунул в лицо Сергею сбитый кулак.

— Э, «Судья Дредд» видео-шмидио сматрел? — он повернулся к корейцу. Тот изо всех сил делал вид, что не услышал вопрос, было лишь заметно, как на его вспыхнувшем румянцем лице заходили желваки.

— Секес есть? — бандит, выхватив из стопки видеокассету, покрутил её в руках и небрежно шмякнул на прилавок.

Кореец хранил молчание.

— Э, — досадливо махнул рукой Нурлан, — не понимает русский — индеец, наверно, Гойко Митич, — он довольно заржал.

Казах приобнял Сергея за плечи:

— Мы из тебе, Серёга, человек сделаем! У нас бригадир Касым — слышал?! — не без гордости заявил Нурлан. — Айда к нам в бригаду! — он хлопнул его по плечу.

— Слышал, — сдавленно отозвался Сергей, — такое слово хорошее испоганено — «бригада», — как бы между прочим сказал он.

Борец замолчал, смерил Сергея взглядом, потом стопку из комбайнов, словно что-то прикидывая в уме.

— Умный, да? — Нурлан спрыгнул с прилавка, отряхнул спортивные штаны.

— Андрюха, сколько у нас умные платят?

— Двойную ставку, гы-гы-гы, — довольно отозвался Андрюха и заржал.

— Камбайн хорошо идёт — отобьёшь пока тенге. Я тебе предложил к нам, Серёга. Время ещё есть, потом поздна будет, — он глянул на наручные часы с усыпанным блестяшками золотистым корпусом, театрально покачал головой, зацокал языком, недобро глянул на Сергея. — Не-а, не успеешь, — и пошёл дальше вдоль прилавков.

— Как договаривались, двойная такса! — на Сергея выжидающе уставилась рожа Андрея со свинными недобрыми глазками и сломанным носом. Пришлось отсчитать двойную таксу.

После их разговора с Нурланом прошло полчаса. Комбайны, действительно, шли неплохо, и всё же Сергей подумывал свернуть торговлю — бандиты просто так словами не разбрасываются. С другой стороны, жаль деньги, что уплатил, и потом торчать в Алма-Ате почти неделю, до следующего базарного дня, не было резона — у него была договорённость на следующую партию комбайнов, не хотел потерять с таким трудом приобретённые связи.

У Сергея на душе было тревожно — дурные предчувствия, неприятно ныло в груди, но он гнал эти мысли подальше. Потому не придавал значения нескольким глухим выбухам, прозвучавшим где-то в северной части рынка, которые сразу поглотил шум базара, будто и не было их вовсе. В следующие минуты всё изменилось. Сергей не сразу разобрал, что за шум доносится издали. Приближаясь, гул стремительно нарастал.словно выпущенный в кегельбане шар, катил на него страх, сметая всё на своём пути волной всепоглощающего животного ужаса. В этом наполненном хаосом жутком форте были различимы вопли женщин, стоны раненых, крики о помощи, скрежет метала, беспощадный, слепой топот тысяч ног. На Сергея неслась огромная толпа с обезумевшими, потерявшими человеческий облик лицами. Всё происходило как в замедленном кино. Мимо него уже мелькали первые «ласточки» погрома. Бросив товар, бежали продавцы с соседнего ряда. Высоко задрав одной рукой юбку, обнажив белые целлюлитные ляжки, с воплем пронеслась смертельным бolidом толстая баба. В другой руке она волокла весомых размеров баул. По-спортивному, с отягощением, с удивительной для её комплекции лёгкостью она брала один барьер за другим. Вот, вскакивая на прилавок, она зацепилась сумкой за стойку, рухнула на асфальт и, кинув изорванный баул с вываливающимися из зияющей дыры джинсами, помчалась дальше. Пребывая в каком-то ступоре, Батько наблюдал, как на него надвигается серая человеческая масса. Кто-то толкнул его, перепрыгивая прилавок. Сергей будто пришёл в себя. Невидимая звериная лапа страха, дотянувшись, больно стиснула сердце, стихли все чувства, помыслы, его опустевшее нутро наполнилось безотчётным, ослепляющим страхом. Позабыв обо всём на свете, Сергей несся бок о бок с другими людьми, охваченными,

как и он, паникой. Подгоняя толпу вперёд, гудело человеческое стадо, дыша в спину. Кажется, Сергей тоже что-то кричал...

Как только милиция сняла оцепление с места происшествия, пришедшие в себя люди кинулись к своим лоткам. Сергей шёл мимо всхлипывающих женщин, плачущих детей, потрёпанных мужчин. Кое-где были видны следы крови, повсюду валялся опрокинутый товар. Продавцы, вернувшиеся к своим местам, спасали оставшиеся пожитки после погрома. Скулила толстая баба, ползая под прилавком в поисках своих джинсов.

Когда волна паники стихла, выяснилось, что в северной части рынка кто-то перекинул через забор на территорию шумовые гранаты. Потом, когда схлынул со своих мест перепуганный народ, менты выставили оцепление. А дальше до банального просто: бандиты прошлись по опустевшим лоткам, собрали самый ценный товар.

Сергей стоял возле своего разорённого торгового места. Рядом прямо в пыли, в изодранной футболке сидел кореец, его сосед. Он закрывал лицо руками. Его худые плечи мелко тряслись.

Этот случай надолго отбил у Сергея желание торговать, но делать было нечего — нужно было как-то зарабатывать на жизнь, и он снова начал с нуля: жвачки, сухие напитки «Юпи», зубная паста...

Позже он скооперировался с ребятами-пловцами, как и он, оставшимися не у дел. На долевого основе закупали в Москве или Питере масло, нанимали фуру, и Сергей сопровождал товар в Алматы. И снова дорога, гаишники с протянутой рукой, записки-маявы, которыми снабжали его братки после платы за проезд для своих дружков-бандитов, что стерегли трассу. Таможня, снова взятки, теперь уже на казахской стороне. Однажды Сергей едва не замёрз в степи — лютая зима выпала, заглохла машина посреди белой казахской стыни. В другой раз их фура еле ушла из-под обстрела бандитов... Насмотрелся он тогда в эти годы, узнал, почём фунт лиха.

С Аней все эти годы встречались редко, урывками, в промежутках между поездками за товаром. Пригнав как-то из Москвы очередную фуру с «Воймиксом», Сергей сразу заметил — что-то не так. Аня всё время оказывалась загруженной «неотложными делами», куда-то вечно спешила, с кем-то встречалась, домой возвращалась поздно, неохотно говорила по телефону и, как могла, долго оттягивала их

встречу. Но стоило позвать её в тьянь-шаньские горы, на Хан-Тенгри, так сразу согласилась, узнав, что Димка Семёнов тоже едет на пару дней. Друзья собирались обмыть новенький, только что пригнанный из Шаржи Димкин «Крузер» — отец-фирмач старался сыну ни в чем не отказывать. Димка был счастлив, к тому же уже всерьёз подумывал о переезде на ПМЖ в Германию.

— Я так давно не была на Хан-Тенгри! — сказала тогда Аня даже как будто с радостью.

Согретый надеждой, что между ними всё налаживается, Сергей паковал рюкзак.

Под утро с искрящейся вечным льдом пирамидальной вершушки Хан-Тенгри беспощадное солнце теснило к подножию Небесных гор Тянь-Шаня клубы тумана. Он стекал молочной кисеей в зелёную долину с раскиданными по ней зелёными тряпицами озёр.

«Мы живём на облаке!» — прокричала Аня, высунувшись из палатки. Распустив густые иссиня-чёрные волосы, вскинув руки к небу, должно быть, как и тысячу лет назад её тюркские предки, вприпрыжку, будто вольная кобылица, она побежала в морось тумана на шум горной реки — умываться.

Ближе к полудню туман рассеялся. В долине, радуясь солнечному дню, искрились голубовато-зелёным донным светом глазницы озёр. Когда вся компания, наконец, за завтраком собралась у костра, Аня протянула Димке плошку с овсяной кашей. Наигранно оставившись на сверкающий белый опаловым блеском пик, с дурашливым пафосом она нараспев произнесла:

— О, Тенгри, верховное божество верхней зоны мира, устроитель мира вместе с богиней Умай и Эрликом! Представители судеб людей, распределители срока жизни, примите этот дар от недостойных! — И ложка овсянки шлёпнулась в костёр.

Аня, довольная собой, звонко рассмеялась, озорно поглядывая на Сергея. Её тёмно-зелёные глаза кокетливо вспыхивали светом радости, и, как ему показалось, любовью, будто и не было между ними той прохладной недосказанности.

Ближе к вечеру Сергей, наконец, набрался храбрости. Димка уже ушёл спать в палатку. Тёмное небо бархатным покровом опустилось на Хан-Тенгри. Аня и Сергей лежали у костра и смотрели, как искры взлетали в небо и, на мгновение застыв, таяли среди звёзд, огромных и ярких — таких на равнине не увидишь. Шепотом, словно эти под-

глядывающие за ними звёзды могли подслушать, стараясь скрыть лёгкое волнение, Сергей спросил у девушки:

— Ты выйдешь за меня?

Аня промолчала, будто не услышала вопрос. Потом она приподнялась на предплечье, как-то наигранно закинула голову набок, тряхнув копной волос и начала:

— Знаешь, мне кажется, что если долго вглядываться в одну точку на небе, можно увидеть стратосферу, — её голос был печальным и таинственным, будто она собралась рассказывать очередную легенду.

Сергей закрыл лицо ладонями, будто прикрываясь от света пламени костра.

— Ты не ответила мне, — резко на выдохе вырвалось у него.

— Я не отвечу! — выпалила Аня, вскочила и, подхватив с земли войлочную подстилку, на которой лежала, побежала в палатку.

Сергею показалось, что это небо вместе со звёздами удушливым ватным одеялом накрыло его, придавив к земле. Ему стало тяжело дышать, его всего потряхивало в такт биению сердца. Он чувствовал себя одним большим сердцем, которое только что оказалось ненужным. В голове было пусто, он не мог ни думать, ни уснуть. Неподвижно пролежав всю ночь у костра на скале, Сергей так и не сомкнул глаз, он слушал стук своего сердца, иногда ему казалось, что до него доносится шум реки и чей-то тихий плач — то ли человека, то ли ночного зверя.

Утром начался затяжной мелкий дождь, ребята по-быстрому собрались и уехали в город. Замутнённые райки озёр слезливым взглядом смотрели им вслед, будто провожали навсегда.

Скоро Сергей узнал, что Аня вышла замуж за его друга Димку Семёнова. Ему казалось, что он хорошо знал Аню, и почему-то у него была уверенность, что она его любит. А может, всё-таки нет?.. Десять лет встреч и разлук, десять лет попыток встать на ноги ради их будущего стали ничем, будто кто-то скомкал отрезок жизни Сергея, закатав его в маленький бумажный шарик, и швырнул в мусорницу. Больше его уже ничто не держало в Республике Казахстан...

3

В вагоне было по-прежнему душно. Проводник в голубой форменной рубашке, плотно облегающей солидных размеров живот, синих спортивных тапочках на босу ногу внимательно, как гаишник, проверяющий документы нерадивого водителя, вчитывался

в проездной билет. Иногда он вскидывал голову, подозрительно изучая лисьими глазами лицо пассажира, будто сличал фотографию на паспорте с оригиналом. Наконец, чуть разочарованно вздохнул, надорвал край, свернул билет до размеров маленького прямоугольника, раскрыл брезентовый планшет и сунул в кармашек с номером места в вагоне. Проводник поднялся с диванчика, по-хозяйски на всякий случай огляделся в купе.

— К вам ещё один сосед будет, — сказал он и высунул круглое скуластое лицо в проход вагона. Там, переминаясь с ноги на ногу, стояла группа молодых парней — казахов.

— Э, иди сюда! — подозвал проводник одного из кучки джигитов. — Нет, не ты! Сказал, падайди ка мне! Что, ни бельмеса ни панимаишь? Я тебе по-русски говорю. Да, ты!

Выглядело это комично, так как говорил он с акцентом, ломая язык. К нему подошёл высокий худошавый казах с кривоватыми, по-кавалеристски выгнутыми ногами.

— Вон место, — проводник указал на свободную от багажа третью полку.

— Почему на третий полка? Я полный билет платил! — парень с возмущением кивнул на оттопыренный карман рубашки проводника.

— Э, молодой ещё указывать тут! — проводник недобрым взглядом смерил джигита. — Вон сухой, как сайгак, — допрыгнешь!

— *Мейлі осы орыс үш сөреге деген барады, ал мен — оның жеріне жатамын*¹, — понизив голос, сменил тактику длинный, одними глазами указав на Сергея.

— *Бас оның билет дейін Мәскеудің*², — в тон ему ответил проводник.

— *Не ана? Ол қазір біздің жерімізде! Мен тағы теңгені алып беремін*³, — настаивал парень.

Майор, видимо, уловив суть разговора, скинул туфли, юркнул к себе на полку и, накрывшись простынёй, повернулся к стенке. Неизвестно, чем бы закончились для Сергея эти переговоры, если бы не вмешалась апа.

¹ Пусть этот русский идёт на третью полку, а я на его место лягу.

² У него билет до Москвы.

³ Что с того? Он сейчас на нашей земле! Я дам ещё тенге.

— Кім сені — қасқыр асыралды? Қайда сенің қонақжайлылығыңның? Қайда сенің бетіңнің? Базарда сатты, шайтан?¹ — пожилая женщина говорила горячо, в её голосе звучали гневные нотки, словно в такт словам она постукивала маленьким сухоньким кулачком по столу.

От этих слов молодой казах ссутулился, как-то даже наклонился, став похожим на согнутый под ударом молотка в бетонную стену гвоздь. Без разговоров он полез на указанную ему полку под самой крышей вагона.

— Кейін² поговорим, — шепнул ему в спину проводник.

Когда тот собрался было уже выйти из купе, апа окликнула:

— Я знаю тебя. Ты Кадыр сын Султанбека из Аксая. Сен ғой из кіші жуза? Рудан — Кетеден?³

Проводник вздрогнул, обернулся и вцепился глазами в старушку.

— Бас сенің абадан отбасы. Как әкенің денсаулығыңның? Как инженердің Барсукованың денсаулығы? Ол мәртебелі қонақпен соң достарханом сенің апалы-сіңліліңнің тойында Гузель болды. Оны ұмытпайсың? Ал Курмановых ұмытпайсың?⁴ — сказала женщина властно, даже чуть высокомерно, как говорит старший чин с младшим, её скуластое лицо при этом стало жёстким, как высохший в степи саксаул.

— Все живы, все здоровы, слава аллаху, — физиономия проводника светилась баурсаком⁵, смазанным мёдом, как для застолья на весенний праздник Рамадан. — Мен сендерге шайды әкелемін, абадан⁶. Индийский — «Три слона».

— Матрас принеси! — недовольно донеслось с третьей полки.

— Э, лежи там! Позвоночник крепилай. Программа «Здоровье» смотришь? А то оштрафую как безбилетника, — он хихикнул, довольный своей шуткой.

— Всё харашо, спи на свой полка, я из старшего жуза⁷, — с особой уверенностью и даже гордостью в голосе сказала женщина ничего

¹ Кто тебя воспитывал? Волчица? Где твоё гостеприимство? Где твоя совесть? На рынке продал, шайтан?

² Потом поговорим.

³ Ты ведь из младшего жуза? Из рода Кете?

⁴ У тебя уважаемая семья. Как здоровье отца? Как здоровье инженера Барсукова? Он был почётным гостем за достарханом на свадьбе твоей сестры Гузель. Помнишь его? А Курмановых помнишь?

⁵ Баурсак — традиционное блюдо кочевников, типа пончиков.

⁶ Я вам чай принесу, уважаемая.

⁷ Жуз — исторически сложившееся объединение казахов.

не понявшему из разговора Сергею. — Что этот Перестройка думает? Какой люди стал! — она зацокала языком. — Скоря молодёжь совсем уважать не будет стариков. Все уезжают Казахстан: русский, чечен, немец... Что, степь стала короче? — она повысила голос, сердито глянув на третью полку. — Раньше гордились знакомствам русским, теперь... — апа с досадой махнула худенькой ладонью и, блеснув глазами, виновато улыбнулась Сергею: — Айда, ешь давай.

Чай «заботливый» проводник принёс всем, включая Сергея. После «Трёх слонов» стало ещё жарче. Сергей вышел в тамбур глотнуть свежего воздуха. По счастью, там не было накурено. Он встал у двери. Сквозь грязные разводы на стекле он смотрел на нерадостный пейзаж размытых весенним половодьем дорог, заброшенных скотников с выбитыми окнами. Сергей Батько уезжал в Россию, в Карелию. Уезжал навсегда.

«Тудух-тудух» отстукивали колёса вагона, пролетали мимо столбы электропередач. Станция осталась далеко позади. За окном теперь расстилалась жёлто-зелёным ковром бескрайняя степь. Цвел ковыль, кое-где под лучами жаркого майского солнца вспыхивали сопки алым пламенем маков. Иногда вдоль дороги виднелись полуразрушенные мазанки с двумя-тремя верблюдами на привязи, безучастно взирающими вокруг, или вдруг пролетит на своём скакуне джигит в малахае, поднимет коня на дыбы, махнёт на прощанье поезду камчой¹ и снова растворится в степи.

Странное чувство давно мешало Сергею жить спокойно. Вокруг вроде всё своё — родное, к чему прирос и прикипел всей душой, а он здесь — чужак. Вот живёшь тут, дышишь этим воздухом, ходишь по земле, а всё будто не для тебя, будто авансом дали. Чувствуешь себя эмигрантом на земле, где родился, вырос. К чему эта независимость, от кого, когда все в Россию на заработок едут, чтобы хоть как-нибудь прокормиться? Сергею припомнилось, с какой гордостью апа сказала про принадлежность старшему жузу. Доходные рабочие места поделили между собой вот такие вот жузы — родовой блат, взятки. Так просто работу не найти. К чёрту эти жузы!

Мимо стремительно пролетала казахская степь, а в голове одна за другой проскальзывали картинки из теперь уже прошлого, буд-

¹ Камча — плеть.

то кто-то поставил видеокассету на перемотку. Заводы стоят — только что не в руинах. Начало девяностых, периферийные казахстанские городки — без света, воды, газа, жители варят пищу на кострах во дворах многоэтажек. Перелетные птицы — «Сникерсы», рейсами «Москва–Алма-Ата» летят в спортивных сумках, полная сумка «чудобатончиков» — гарант того, что окупится вся поездка вместе с билетами на самолет. Родители — их переезд в Украину. Продажа квартиры родителей — казахи-покупатели угрожали расправой и заставили продать им всё за дарма. У Сергея там нет ничего — только славянское лицо как отметина чужака.

Под вагоном что-то громко щелкнуло, заскрежетало, залязгало. Стоп! Плёнка кончилась. Он едет к своим. Сергей улыбнулся этой мысли. На душе стало легко и спокойно. Прощай, прошлое. Прощай, степь. Прощай, Казахстан. Прощай, Аня.

4

Карелия приветствовала хмурым небом и мелким дождичком. Вроде и не уставший от долгих переездов Сергей Батько легко соскочил с подножки поезда «Москва–Петрозаводск» и, подхватив спортивную сумку, направился к выходу в город. Маленький типовой вокзал, «сталинские» пятиэтажки, замыкающие небольшую привокзальную площадь, одним словом, провинциальный городок — никак не столица республики. Не сравнить с хорошо знакомыми Сергею Минском, Тбилиси, Ташкентом или той же Алма-Атой.

Пока мотался по СНГ с забитыми товаром фурами, Батько впервые занесло в эти места, задружил с одним фирмачом из Карелии, который занимался лесом, — Олегом Вениаминовичем. Как водится, застолья, откровения под водочку... Тот вроде и к себе работать Сергея позвал, обещал взять. Так что с вокзала он напрямик поехал в офис Олега Вениаминовича устраиваться. Тот не обманул — принял. Сергей и работал, и жил там первые дни, пока не снял квартиру недалеко от офиса. Впрочем, ему казалось, что в Петрозаводске всё рядом. Это в мегаполисе от задворок к центру города надо добираться часами, а здесь за меньшее время можно исколесить город вдоль и поперёк.

Северная земля приняла Сергея, как ласковая мачеха: вроде и сердечно обняла, но не приглубила. Он всего месяц как обосновался на новом месте и, понятное дело, пока не привык — не сроднился

с ней, не прикипел всей душой. Теплый июнь в Петрозаводске нежил лёгким ветерком от озера, щекотал глаза солнечными зайчиками от витрин магазинов. Белые ночи манили на длинную набережную — зазывали умиротворенно, без спешки пройтись из одного конца в другой мимо чудных скульптур, весёлых компаний, встретить огнём полыхающий закат, перегляднуться с улыбчивыми девчонками, прогуливающимися парочками, помечтать о будущем, глядя на отблескивающие сталью тёмные, холодные воды загадочного Онега. Полюбил Сергей бывать у фонтана напротив здания университета — послушать брэнчание гитар неугомонных студентов, заразительный девичий смех, порадоваться вместе с ними солнечным денькам, молодости или белым ночам, что прибавляют влюблённым светлое время суток. Всё вроде и хорошо, и правильно, жить хочется: каждый день, затерявшись в толпе сосредоточенных на своих делах петрозаводчан, спешить по широкому проспекту домой, в выходные — неторопливо отмерять шагами каменные плиты набережной и обязательно загадывать одно желание на ухо волшебному дереву. Вот только корня своего Сергей Батько здесь ещё не чувствовал: не было у него тут своего дома, не было своих «петрозаводских» дел, кроме работы, не было тут близких. Он смотрел на июньский, почти уже расслабленно-отпускной город глазами беззаботного курортника, который готов радоваться всему, что для него в новинку.

Удивительное дело — ощущение своей сопричастности. Можно ходить по городу одними улицами с горожанами, дышать одним воздухом с ними, встречаться глазами, придерживать для кого-то дверь или пропускать вперед в автобусе и даже уловить едва слышное «спасибо» в благодарность, но не быть причастным к их привычному ежедневному быту. Вроде как железнодорожные составы: мелькнули ночью мимо друг друга, сверкнув огнями хвостовых сигнальных фонарей на последних вагонах, и канули в непроглядную темень.

В Казахстане, на казахской земле Сергей не был казахом. Когда в день своего совершеннолетия он получал паспорт, в графе «национальность» он указал «украинец». Написал он это, скорее, в память о своих предках — выходцах из казачьей Украины. Родители его — украинцы, родились там, но разговаривали только на русском, а жили в Казахстане. А Сергей не чувствовал себя никем: ни казахом, ни украинцем, да и не жил он в Украине. Как-то после очередной изматывающей тренировки в бассейне он спросил у друга Женьки,

кем он себя считает. «Дурацкий вопрос! Конечно, русским! А родина моя — Казахстан», — не задумываясь, ответил тогда Женька. Иногда Батько казалось, что его национальность — «человек Советского Союза», вроде как «родства не помнящий», но волею судьбы приписанный к азиатскому куску земли почти в три миллиона квадратных километров площадью по соседству с Китаем.

На новом месте, в Карелии, Сергею хотелось если уж не переродиться в кровного карела, то хотя бы стать частью жизни маленького города на берегу озера, прирасти к этой северной земле, как случайно занесённое ветром семя пускает корни в чужих краях.

На непривычно низком небе над привокзальным шпилем с большими круглыми часами ярко светило скупое на тепло северное солнце. Сергей, уместившись на сиденье возле окна, ехал в переполненном троллейбусе. В салоне было душно и не в пример восточному многоголосью — тихо. Бросая нетерпеливые взгляды в прохладу улицы за окном, в ожидании своей остановки люди жались друг к другу горячими телами — расплата за час пик. Слышалось клацанье электронного реле в кабине водителя, вой двигателя да рассерженный треск «усов» — штанг токоприёмников, скользящих по электропроводам. Шпиль вокзала в окне троллейбуса напомнил Батько о первых впечатлениях, когда месяц назад вместе с другими приезжими он вышел из вагона на петрозаводский перрон. Протиснувшись меж разомлелого люда, Сергей выскочил на остановке и побегал через пешеходный переход, чтобы сделать пересадку, — ему повезло — впрыгнул в полупустую «маршрутку».

Нырнув под мост, «газель» выехала на его улицу — Чапаева. Отрешённо улыбаясь, Сергей погладил шероховатую поверхность объёмной пластиковой папки, лежащей на коленях. Раскрыл, глянул содержимое, ещё раз проверяя, всё ли на месте. В папке хранилась солидная стопка документов — всё, что понадобится в его первой командировке: декларации, порубочный билет, договоры, накладные, доверенность. И, хотя ехать надо было завтра, Сергей решил взять документы домой, чтобы ещё раз хорошенько изучить. Он закрыл папку.

За окном проплывали неприметные дома, проезжали блестящие иномарки, неказистые «Жигули», машины всех мастей. Не замечая друг друга, торопливо шагали по-летнему раздетые пешеходы — сарафаны, шорты, футболки... На остановке толпилась шумная

компашка: девчонки в мини, парни в шортах. В пакетах видны свёртки, бутылки с лимонадом, полотенца — наверное, на пляж едут. Сергей с завистью посмотрел на беззаботную толкотню молодых людей. Хорошо бы сейчас скинуть липкую одежду с разгорячённого усталого тела, окунуться в холодное, ещё не прогретое солнцем Онего! Он закрыл глаза, представил, как, должно быть, приятно в такую погоду — да разом в холодную волну. Сергей обречённо вздохнул, отгоняя мысли об отдыхе. Хватит с него пока и холодного душа. Сунув папку под мышку, он стал готовиться к выходу. Командировка — дело ответственное. Кого ни попадя не пошлют. Он снова довольно улыбнулся своим мыслям. Значит ли это, что Олег Вениаминович доверяет ему, уверен в Серёгиных деловых качествах?.. В его положении мигранта это дорогого стоит. А уж он — будьте покойны — дело своё выполнит.

5

В «буханке» Василия Лукьяновича было душно, несмотря на открытые окна. В блестящем, выкрашенном в защитный цвет узике пахло новенькой обшивкой, на креслах кое-где ещё сохранился заводской целлофан. К тому же Сергей никак не мог отделаться от привкуса краски, пластика и клея во рту — в офисе Олега Вениаминовича только что закончили ремонт.

— Прыгай вперёд, — махнул Василий Лукьянович Сергею, показывая на кабину.

Несмотря на свой возраст, Лукьяныч был в отличной форме — подвижный, живой. Он лихо вскочил на водительское место, вставил ключ в замок зажигания — где-то под капотом машина заскрежетала стартером, вздрогнула и, урча, мелко задрожала.

— Ласточка! — Лукьяныч нежно провел ладонью по новенькой панели управления. — Даже обкатку ещё не прошла. Чувешь, как двигатель работает? Поёт!

Сергей участливо кивнул и даже, чтобы прикоснуться к «высокому», вслед за Василием Лукьянычем погладил разгорячённый на солнце пластик.

Познакомились они недавно. «Лукьяныч», — коротко представился тогда коренастый мужчина, потрянул седой головой на короткой шее и, будто тисками, сдавил руку Сергея. Лукьяныч работал в «ООО» Олега Вениаминовича давно, чуть ли не с самого его основания —

уже восемь лет. Приезжал он из посёлка в город за новыми цепями и шинами для бензопил, а теперь с оказией вёз Сергея на место его первой командировки.

— Как только устроишься на месте — проверь штабеля с пиловочником. По-хорошему — их бы точкануть надо. Посчитать, значит. Там, на месте, думаю, разберёшься, — он оценивающе глянул на Батько. — Может, с местными договоришься, с леспромхозовскими. Сообразишь, — деловито подытожил он.

Помолчали.

— Олег Вениаминович говорит, ты раньше в лесу не был? — вновь подал голос Лукьяныч.

— В таком, как тут у вас, нет. В Казахстане другой лес. Кстати, там тоже, как в Карелии, есть своё Боровое — мы в спортивном лагере летом были. Вот там — лес. А здесь — тайга.

Лукьяныч ещё раз посмотрел на спутника, но не ответил. Они уже выехали из города и колесили по бетонке. За окном без конца древние золотоствольные сосны тянулись макушками в небо, иногда мимо проносились однообразные деревеньки, отмеченные замершими на пьедесталах пушками да танками — следами давно прошедшей войны. В лучах полуденного солнца поблескивали платиной порожистые речушки с шиверами, перекатами да осередками.

Всю дорогу из Петрозаводска Василий Лукьяныч, как обычно бывает в компании малознакомых людей, развлекал себя сам — рассказывал попутчику о своей жизни. Родители его, оказывается, приехали в Карелию из Белоруссии ещё до войны. Его отец Лукьян Устинович поставил дом в Муезерском, устроился вальщиком в леспромхоз. В этом доме и родился у них с Марьей Петровной первенец — Василий. С фронта отец не вернулся. Что и осталось в памяти об отце — как у многих в то время: запах пота от гимнастёрки, тёплые, грубоватые от мозолей руки, похоронка да орден Славы в маленькой материной шкатулке с облупленным от времени лаком. Про войну Лукьяныч Сергею говорил мало. Сказал лишь, как финны пришли, погнали их с мамкой в концлагерь в Петрозаводск, рядом с теперешним автовокзалом и сидели они. Потом, заметно повеселев, Лукьяныч заливисто и с огоньком балаболит, как студентом жил в Петрозаводске, как после университета вернулся в Муезерку да до главы леспромхоза поднялся. И всё бы хорошо — семья, детишки... Да Перестройка танком проехала — леспромхоз развалился.

Стал было Лукьяныч с сыновьями хлеб печь на продажу, но потом и это дело пришлось закрыть — хуже бандитов государство родное оказалось со своими поборами. Вот так и случилось работать в фирме Олега Вениаминовича.

Места эти лесные ему с детства знакомы — где пиловочник в два обхвата, сухостой или баланс, какого года посадки и где делянки в первую очередь брать надо, но — главное — связи прежние остались — уважали его в местной районной администрации. Знался и с директорами разного пошиба, военные техникой выручали, лесники больше положенного леса под спил давали, и в мэрии Петрозаводска Лукьяныча помнили — всюду было доверие к его пухлым конвертам. Благодаря ему не один куб ценной промысловой породы карельской берёзы фирма вывезла... Вот и Олег Вениаминович, хоть и фирмач, а с ним на «вы» разговаривает, советуется. Ссуду дал на эту «буханку».

Ехать ещё было порядочно. Надо было разговор поддерживать. Сергею особо хвастать было нечем: ну, вырос в Казахстане, родился в Караганде, позже всем семейством перебрались в Алма-Ату, долго занимался спортом, с Перестройкой пришлось челночить, как многим в ту пору. Когда в республике национальный вопрос обострился, родители перебрались на Украину, он вот сюда, в Карелию. А так, конечно, Серёга повидал, поездил, поколесил по стране вдоль и поперёк. И со сборной по плаванию, и с челноками, а потом возил из Питера в Алма-Ату импортное масло — «Воймикс» да «Раму», из Мурманска — сельдь... Так и выбрал Карелию — понравилось здесь. Приглянулись ему красотой своей эти озёра и тайга, взяли за душу да так и не отпустили. И люди здесь особенные: отличные от шумных южан — неспешные северяне, степенные в суждениях, хоть долго присматриваются к приезжим, зато, если примут за своего, лучше друзей не сыскать.

— Это ты верно подметил, — задумчиво ответил Лукьяныч.

До этого улыбочивый, он сделался серьёзным, нахмурился. Дорога стелилась на удивление ровная, машина шла спокойно, а вокруг стеной наступал таежный лес.

— Так-то оно так, да мест таких всё меньше остаётся. Сами ведь и вырубаем... — с грустью сокрушался Лукьяныч. — Финны, ты погляди, берегут свой лес, не дают под спил. От нас вывозят. А человеку что? Плати да забирай. Детям-то нашим что останется? — возмущен-

но повысил он голос, а потом поутих: — Да что я разошёлся? Сам кругом виноват. Семью кормить надо — куда денешься? Вот вроде все грамотные в правительстве, на трибунах говорят, говорят — сплошная говорильня, а понятия не имеют, что в деревне творится, как умирает она, не видят или не хотят видеть, — он тяжело вздохнул, кинул быстрый взгляд на Сергея, словно ища у него понимания.

— В Казахстане то же: куда ни глянь — разруха. От аулов мало что осталось. Молодёжь в город бежит: «мен — рекет!», — Сергея вспомнился случай на рынке.

— Вот-вот, — приободрился Лукьяныч, особо не вникая в восточный колорит. — Одним словом, ограниченные власти наши и люди такими становятся. Зашоренными, значит. До власти нашей, народом выбранной, теперь не достучаться, чувствуют чиновники свою безнаказанность, а отсюда и ответственности никакой.

Машина свернула с трассы на просёлок, запыхала по ухабам. Помолчали каждый о своём.

— И я хорош, — Лукьяныч досадливо махнул рукой, — туда же. Одно время барахтался — всё чего-то доказать хотел, до первого инфаркта и хватило меня... Эх, чего тут говорить — жить как-то надо! Вот и подстраиваешься! — оторвав левую руку от баранки, он показал плавный ход рыбьего хвоста: — Как говорится, рыба ищет — где поглубже, а человек — где получше.

Лукьяныч ещё долго рассказывал, как они с мужиками да бабами встречались с высоким начальством из Петрозаводска, нагрянувшим к ним в Муезерский с предвыборным визитом. Как говорили о произволе финнов, что в открытую воруют лес и вывозят, о забытых поросших бурьяном колхозных и совхозных полях, о повсеместной безработице.

— Как жить-то дальше? — спрашиваем начальство. — Рабочих мест, — говорим, — дай бог на четверть от всего населения! Своим делом заняться — так если не воровать, то вылетишь в трубу! Что делать?! — Лукьяныч всё больше распалялся, говорил громко, резко. — Про чухонцев этот «умник» ничего не сказал, а вот про места рабочие посоветовал, но прежде задал вопрос: «Чем, — спрашивает, — раньше карелы занимались, ещё до Советской власти?». Наши возьми да и ответь ему: «Охотой жили, ягоды, грибы собирали». — «Вот и занимайтесь тем, чем ваши прадеды завещали!». Во как! — Лукьяныч выразительно поднял кверху указательный палец. — Не знаю, оно,

может, здесь, в Карелии, и лучше жить, но, я думаю, людей везде всяких поровну встречается, — закончил он задумчиво.

Между тем новый уазик тёмно-зелёным кирпичом пылил по дорогам Муезерского.

— Сейчас, Серёга, ко мне домой заедем — пообедаем, а там и до Борового чуток останется, к вечеру на месте будем, — отбросив нелёгкие раздумья, Лукьяныч радовался скорому отдыху.

Нырнув между «хрущёвками», попутно обдав пылью местных звонкоголосых дворняг, уазик остановился у подъезда трёхэтажного панельного дома.

— Проходи. Не стесняйся, — Лукьяныч легонько подтолкнул Батько из прихожей в направлении кухни, — мои все по делам разъехали. Присаживайся. Чай пить будем. У нас в Карелии много чаю пьют. — Он достал из холодильника большую тарелку. Сверху вместо крышки кверху дном лежала ещё одна.

— У нас, в Казахстане, тоже много пьют чаю, — Сергей был голоден и, не стесняясь, в предвкушении разглядывал угощение, а на столе появились помидоры, огурцы, зелень, с плиты на стол перековала сковорода с жаренной на сале, нарезанной шпалками картошкой. Она ещё не остыла, и её аромат дразняще щекотал его ноздри.

— Олюшка недавно обедала, — заключил Лукьянович, приложив ладонь к чугуну сковороды, — греть или как?

Он открыл тарелку, достанную из холодильника, а там — продолговатые, умелой рукой вылепленные котлеты. Аккуратные, манящие, все — как одна! Сергей давно не ел домашних котлет. Впрочем, здесь, в Карелии, домашней едой он вообще не был избалован. На собственной шкуре, точнее на желудке, убедился, насколько был прав физиолог Павлов в своей теории условного рефлекса. В ответ на условный раздражитель, божественно пахнущую домашнюю котлету, рот его мгновенно наполнился слюной, а желудок с недовольным урчанием начал митинговать, требуя немедленного удовлетворения.

— Ну его! — вырвалось у Сергея, он и сам не заметил, как в его руке оказалась вилка. — Пока ещё разогреется, — и виновато улыбнулся за свою нетерпеливость.

— Правильно! В нашем командировочном деле главное — шансовый инструмент, — Лукьяныч одобрительно подмигнул, кивая на вилку в руке Сергея. — Ешь. Котлеты из лосятины. В этом году охо-

та хорошая. В Казахстане, поди, тоже такие готовят? — лукаво поддел его Лукьяныч, довольный впечатлением, произведённым на гостя, и сел к столу.

— Не-а. Там разве что бараны да верблюды.

Больше ждать не было силы. Сергей разломил котлету. Зацепил кусочек вилок. Котлеты с настоящей под крышкой пропаренной картошкой, с помидорами, с зелёным луком и ещё малосольными огурчиками показались ему пищей богов!

— Вот контора леспромхоза, тебе — туда. Хотя постой, — Лукьяныч суетился, торопился домой, но и бросить Сергея, не устроив на ночлег, не мог — не так был воспитан, — сегодня суббота, значит, все на болотах ягоду собирают. Он глянул поверх сосен на низкое, прихваченное хмарью небо. — Скоро дождь пойдёт. К вечеру возвратятся местные отцы-командиры. Пойдём со мной. Там у них кабак, — он махнул рукой на кирпичное строение неподалёку, — раньше, до Перестройки, столовка была, а теперь с одной стороны — магазин, с другой — бар.

Они остановились на поселковой площади перед зданием леспромхоза. Посёлок был небольшим. Главная улица — она же дорога, идущая от трассы на Костомукшу, раскидывала по обе стороны от себя бревенчатые домики и двухэтажные бараки из бруса. При въезде, рядом с пустующей заправкой, стояло несколько коробок четырёхэтажных панельных домов. Проехав этот уголок цивилизации, узик свернул влево — на площадь.

Хлопнув дверцей машины, Лукьяныч поспешил в нужном направлении. Шёл быстро, иногда переходя на бег. Сергей, на ходу закидывая за плечи рюкзак, еле попевал за ним, дивясь его резвости. Лукьяныч ворвался в питейное заведение, быстро огляделся. Все семь или восемь столиков здесь пустовали. За барной стойкой, опустив голову на руки, дремала блондинка.

— Люся! Никак ты?! — голос Лукьяныча, чистый, звонкий, лился легко и свободно и, казалось, наполнил каждый уголок прокуренного помещения, влетел за стойку, растревожил хозяйку заведения.

— Я Ира, — над стойкой показалось полусонное раскрашенное женское лицо. Тяжёлые ресницы, увешанные комочками туши, недоуменно подрагивали, даже казались немного напуганными напором шептунного посетителя, — у нас никакой Люси нет.

— Вы правы, Ирочка, по сравнению с вами Люся — никакая! — ничуть не смутившись, Лукьяныч, не сбавляя оборотов, сел за стойку. — Эх, давненько я у вас не был! А где все штабные?

— Какие штабные? — Ирочка поднялась из-за прилавка, хлопая ресницами. Лукьяныч своими вопросами в конец запутал её. Видимо, ещё слабо представляя, что, собственно, от неё требуется, она, в надежде ухватить суть дела, переводила свой взгляд с Лукьяныча на молчаливого Сергея и снова на Лукьяныча.

— Может, вы хотите чего? — Её нарумяненное лицо озарилось догадкой.

— Ирочка, разве такой старик, как я, может чего-то хотеть? Вот он хочет! — Лукьяныч указал на притихшего Сергея. Зардевшаяся Ирочка опустила глаза. — Хочет он поселиться здесь у вас в Боровом на некоторое время, а вы, Ирочка, не говорите, где ваше начальство леспромхозовское. Парня поселить надо. Командировочный он.

— Так бы и сказали сразу, — Ирочка обиженно поджала губки, изящно поправила задубевшую от лака причёску, — так они все на болотах, к вечеру будут. Думаю, через пару часов вернутся, — говорила она только с Сергеем, смотря прямо ему в глаза, кокетливо играла наманикюренными пальчиками с залакированным локоном, — а вы оставайтесь, вечером я сменюсь, покажу вам, где гостиница, здесь недалеко.

— Теперь я спокоен за своего коллегу, Ирочка, — Лукьяныч соскочил с высокого табурета у стойки, — присмотрись к Ирочке, может, и гостиница не понадобится, — шепнул он на прощанье Сергею и, подмигнув, вышел на улицу.

— Люсе — привет! — успел он крикнуть с порога.

— Да нет здесь Люси! — лужёной глоткой гаркнула Ирочка, широко раскрывая рот, так, что, казалось, можно было разглядеть гланды. Она уже окончательно проснулась, и напористость седовласого спутника, этого командировочного симпатяги с рюкзаком, явно раздражала её. Но Лукьяныч этого уже не слышал.

— А вы присаживайтесь, — почти ласково, на правах гостеприимной хозяйки, она жестом пригласила Сергея к стойке. — Тут за целый день так устанешь от этих «весельчаков», — будто оправдывая свой резкий тон в адрес Лукьяныча, прощбетала она, — вроде и не молодой уже, а всё туда же, — она обиженно надула пухлые губки.

Сергей с сожалением вздохнул. Одному, без поддержки Лукьяныча, в незнакомой местности ему стало немного не по себе. Он подсел к стойке.

— Может, холодного пива? — с готовностью пришла на помощь Ирочка. — Свежее, только вчера завезли.

— Можно бокальчик, — без энтузиазма согласился Сергей.

Надо было занять себя чем-то, если верить Ирочке, ещё на пару часов. В плохо проветриваемом помещении бара стояла духота, и холодное пиво с солёными орешками было бы как нельзя кстати.

Бутылка «Балтики» «троечки» живо перекочевала из холодильника на стойку, а оттуда, надуваясь пенной шапкой, хлынуло в высокий бокал с надписью «Amstel».

— А вы откуда приехали? Из Костомукши или Петрозаводска? — Ирочка, сложив кренделем руки на барной стойке, навалилась на них богатой грудью в глубоком декольте так, что жемчужные бусики утонули в ложбинке.

Невозможно было не уловить кокетство в голосе, не заметить аппетитные, многообещающие женские прелести с тремя родинками-заманушками. Уж кому-кому, а Сергею этот язык флирта был отлично знаком. Все его любви остались в далёком прошлом, подраненное сердце давно зарубцевалось и было открыто для отношений вновь, тем более для мимолётного приключения. Нет пилюли от прежних пассий слаще и проверенней, чем лёгкая интрижка — ни к чему не обязывающее любовное похождение.

— Вообще-то я приехал из Алма-Аты, — Сергей решил сразу обрушить величие мегаполиса на утлость провинциального посёлка. С деланной небрежностью он шмякнул свой выдавший виды рюкзак под ножки стула. По глазам напротив, удивлённо и восторженно распахнутым, он понял, что ответ глубокому декольте показался более чем достойным.

— Это же так далеко?! — только и выдохнула Ирочка, подперев ладошкой нарумяненную щеку.

— По сравнению с моей последней командировкой, Ирочка, — почувствовав к себе неподдельный интерес со стороны новой знакомой, Сергей перешёл в наступление, — это совсем рядом, на одном, можно сказать, материке, — он хмыкнул, как должен хмыкать в его понимании человек, проведший половину своей жизни чёрт знает где.

— Ой, как интересно! А расскажете, где это? — Ирочка, ища удобного положения, приподнялась на стуле. Её грудь опустилась вниз — между выпуклостями, возле созвездия из родинок, словно из створок морской раковины, показались недостающие перламутровые звенья. Затем она снова навалилась на руки — объёмная грудь подскочила вверх, пряча жемчужины, налилась, словно пытаюсь вырваться из тугого плена декольте. Сергею сделалось жарко. Не дав отстояться пиву, утопая губами в пенной шапке, он жадно сделал три больших глотка.

В детстве Сергей Батько много и увлечённо «путешествовал» в чёрно-белом пространстве старой «Берёзки» вместе с телепередачей «Клуб путешественников» и Юрием Сенкевичем. В его компании алматинский паренёк поднимался в горы Тибета, продирался сквозь джунгли Амазонии, участвовал в африканском сафари и даже боролся за живучесть бальсового плота «Кон-Тики» с их «общим» другом и соратником Туром Хейердалом. Когда стал старше, при случае Сергей без труда мог раскрасить чёрно-белые истории из его телевизионного детства тонкими, яркими штрихами выдуманных подробностей, с лёгкостью занимая место главного героя. К чести Батько, прибегал он к этому крайне редко, с обязательным саморазоблачением в конце этого импровизированного шоу. Делал он это самозабвенно, но только тогда, когда хотелось позабавить себя и окружающих. Кажется, такой случай настал. Ирочка вдохновила его на «правдивый» рассказ о ловле жемчуга около островов Индонезии — так «легальнее» он мог бросать свои взгляды на декольте. Она слегка краснела, поправляла бусики, когда Сергей восхищался неповторимостью природных форм жемчужин, говорила, что купила бусы в галантерейке через четыре дома по улице. Сергей «не верил» — трогал их руками, как бы случайно прикасаясь к открытой шее, потом сокрушённо резюмировал, что даже такого профи в ювелирном деле, как он, можно с лёгкостью обмануть, а виной всему — совершенство женских линий, скрадывающих галантерейную халтуру.

— Просто на тебе, Ирочка, выглядит всё прекрасно, — он не заметил, как они перешли на «ты».

— Да ладно, — она довольно гоготнула.

— Ирэн! Там что, посетители?! — раздался недовольный мужской голос из приоткрытой двери за спиной, судя по запаху, ведущей в кухню.

— Да! — в таком же тоне кинула она за дверь.

Из кухни вышли двое: один — худой в очках, джинсах, мятой футболке и клетчатом пиджаке. Другой — с брюшком, свисающим из-под короткой полы рубашки, спортивных брюках и кроссовках. На лицах обоих — следы недавнего спиртного возлияния. С кухни влажно пахнуло теплом спёртого воздуха, пропитанного ядерной смесью из отварных макарон, жареных соевых котлет и старой половой тряпки.

— Предложи пиццу, — сказал тот, что был в очках и пиджаке, придававших ему налёт интеллигентности.

— Они не хотят, — почему-то во множественном числе ответила Ирочка таким тоном, как отвечают упрямые всезнающие дети своим родителям.

— Тогда предложи бальзама, — не унимался очкарик.

— Они пьют пиво! Борислав Владиславович, я сама как-нибудь разберусь, — она капризно скривила губы, картинно закатила глаза и зыркнула на Сергея. Тот и ухом не повёл.

— Да ну её, пойдём. Завтра с ранья в Питер ехать, нам надо ещё выспаться. — Потянул за рукав пиджака своего приятеля толстяк, прикрывая дверь.

— Именно вот так — «как-нибудь», все в этой деревне и работают! — слышался недовольный голос очкарика из-за двери.

— Нача-альство! — с издёвкой протянула Ирочка. — Тот, что в очках, — питерский, а жирдяй — наш, из Костомукши. Ну их! Как работать неделями без подмены — так «Ирэн, выручи», а как зарплату выдать — так у них всё в деле, подождать надо. Вот им, а не выручка! — Ирочка свернула кукиш и пихнула им по направлению к кухне. Но тут же, спохватившись, шустро засемила к двери, прислушалась и плотнее прикрыла.

Когда вернулась обратно за барную стойку, Ира нагнулась к Сергею так близко, что он уловил сладковато-душный запах её тела, и с жаром зашептала:

— А ведь Борька-то идею подал. Через стенку, в магазине, всё то же самое продаётся, что и у нас. Только в три раза дешевле. Это магазин тоже их. Они вчера продукты завезли. Ты возьми себе что-нибудь покушать, а я разогрею. Можешь бутылочку «Карельского бальзама» взять. Если с коллой размешать, коктейль получится.

Два раза намекать на коктейль Сергею не понадобилось — уже через пять минут они с Ирочкой сидели за столом, потягивали

соломинками тёмную пузыристую жидкость из пузатых стаканов, а в микроволновке за стойкой разогревалась пицца с грибами и сыром.

На улице давно начался обещанный Лукьянычем дождь. По шуму за окном было ясно, что сейчас он потихоньку стихает, но, когда Сергей бегал в магазин из одной двери здания в другую, дождь таранил что есть мочи.

От выпитого в голове захмелело. Было уютно сидеть вот так, отключившись от предстоящих ему забот, командировки, номера в гостинице, точкования штабелей и прочего... Сергей заливисто травил байки, а в ответ получал восхищённые возгласы блондинки, вздохи и кокетливые взгляды.

Эту идиллию нарушили первые посетители — в бар ввалились пятеро молодых парней. Раньше Сергей не понимал, отчего все деревенские, одетые по сути в те же тряпки, что и городские, всё равно выделяются — выглядят по-другому? Деревенские, они всегда вроде разные, но неуловимо чем-то похожи друг на друга. Смотришь: лейблы, строчки, змейки, карманы — всё по уму. А потом дошло: всю иноземщину «Montana», скажем, или «Rifle» разбавляют наши расейские сапоги — широкие, разлапистые говнодавы, которые по десять лет сносу не знают, видимо, на местные дороги рассчитанные.

— Ирка, чё там с пивом? «Балтику» завезли? — гаркнул один из пацанов.

— Завезли, Колька! — сквозь зубы ответила она, даже не взглянув на клиента, злясь на неожиданных посетителей.

— Так дай одно нефильтованное! Чё сидишь?

Не скрывая своего недовольства, Ирочка демонстративно встала из-за стола и звякнула по стойке пивным стаканом.

— Так чё, одно на пятерых?

— Ну да. Гы-гы-гы! — заржали пацаны.

— Не отпущу. Вам дай одно пиво, а потом вы всю дорогу в магазин будете бегать таскать сюда спиртное. Магазин выполняет план, а я — нет. Со своим спиртным нельзя. Мне потом по шее получать от начальства не хочется. Договаривайтесь с Бориславом, мне надоело отвечать за всех.

— Ты, Ирка, чё-то распонтилась! Перед этим, что ли?! — Колька недобро зыркнул на Сергея.

— Не твоего ума дело! — огрызнулась она, уткнув руки в боки. — Сказала же: к Бориславу! И вообще, меня сегодня Наташка сменяет. Вот с ней и договаривайтесь.

Отвернувшись от нежеланных гостей, Ира шепнула тихонько Сергею:

— Ты иди пока, подожди меня в магазине, а я скоро — смену сдам и приду. Только не связывайся с этими козлами.

Сергей расплатился за пиво и под пристальными вызывающими взглядами местных «козлов» вышел на улицу.

Вне стен бара было свежо, пахло озоном. Птичье разноголосье радовало слух звонкими перепевами. Воздух был настолько чист, что, казалось, стоит поднапрячь зрение, как через увеличительную линзу, можно будет разглядеть видневшиеся дальние окраины поселка. Дождь почти кончился и сбрасывал с неба последние редкие капли — тёплые и тяжёлые. Сергей любил летний дождь — такой, чтобы стеной. Сильный, неистовый с грозами, чтобы небо пополам, чтобы душа в пятки. Запрокинув голову, он постоял ещё недолго, подставляя каплям лицо.

В магазине купил бутылку карельского бальзама, хлеб, палку сырокопчёной колбасы, какие-то рыбные консервы, что-то ещё. Покидал всё в пакет. В магазине было тихо и пусто. Батько в ожидании встал у окна.

Освободившись от небесной влаги, небо прояснилось. Зацепившись за макушки медных сосен, застыли распотрошенные сизоватые облака. Перед баром Колька и сотоварищи заорали матом. Умиротворенный и разомлевший было Сергей поморщился — ему показалось кощунством осквернять чистоту, наполнившую воздух после дождя, грязной бранью. Горланили о заезде хмыре, Колька выкрикивал имя Борислава, материл Ирку — «гадину», потом вся компания куда-то двинулась.

— Ещё что будете брать? — вдруг послышалось за его спиной.

Батько вздрогнул, обернулся. За прилавком продавщица снимала белый фартук.

— Мы закрываемся, — сказала она, взглядом выпроваживая его на улицу.

Забегала из бара Ирочка. Вся раскрасневшаяся, с капельками дождя на лице, манящая.

— Пошли, — она взяла под руку кавалера и потащила на улицу.

— Куда? — брякнул Батько.

— Как куда — в гостиницу! Это за поворотом, в четырёхэтажке. У леспромхоза две квартиры для командировочных имеются. Слыхал — там Колька разорался, идиот. Вот ему всегда больше всех надо, — она пытливо глянула на Сергея, будто стараясь выяснить, не испугался ли. Тот безразлично пожал плечами.

— Пошли здесь, на всякий случай — через кусты. — Легонько подтолкнула она его в сторону густых зарослей какого-то кустарника.

Сергей не спросил, о каком-таком случае говорит его спутница, но кожей чувствовал недоброе. Он огляделся по сторонам, но ничего — вроде спокойно. Посмотрел на свои размокшие, облипшие песком и глиной кроссовки, тихо ругнулся. Ирочка хихикнула.

— К завтраму обсохнет. Обобьёшь грязь, — шёпотом сказала она и подошла так близко, что можно было слышать её частое дыхание, чувствовать тепло её тела. Сергей обнял её за плечи, притянул к себе.

— Подожди, пойдём хоть в квартиру, — она вырвалась и, озорно смеясь, потащила за собой по тропинке, прикрытой кустами от предательского свечения белой ночи.

Остановились возле обшарпанной панельной четырёхэтажки.

— Здесь, — сказала Ира, немного запыхавшись.

Они зашли в подъезд, вокруг стало темно.

— Комнаты на первом этаже. Там сейчас живёт... — она не успела договорить. Сергей резко притянул к себе Ирочку, она запустила пальцы в его волосы...

В подъезде стало шумно, пьяными голосами горланила поддатая компания, поднимающаяся по ступенькам на этаж.

— Да здесь они, Борислав! Отвечаю! Ирка-стерва сюда его потащила. Наташка врать не будет! Ей-то какой понт врать?! — орал Колька.

Батько сразу узнал его надломленный сиплый голос. Разгорячённые алкоголем, в предвкушении драки, будто ещё наэлектризованные «небесным гневом» грозы, они, тяжело дыша, пронесли мимо парочки стоящей в коридоре под лестницей, в темноте даже не заметив их. Сердце Сергея стукнуло в грудь, обмерло.

Пацаны остановились возле оббитой потрескавшимся дерматином двери на первом этаже.

— Давай звони. Руслан свой пацан, он их выгораживать не станет, — рвался в бой сиплый. Длинно пропела птичка дверного звонка.

— Руслан, брат, это мы — Колян, Стёпик и этот... С нами Борислав, в общем. Ирка с хмырём у тебя? — не дождавшись, пока откроют, крикнул Колян, долбанув пару раз для уверенности кулаком по обивке.

Щёлкнул дверной замок. Этаж залился домашним жёлтым светом, отбрасывая на лестничную площадку длинные тени.

— Почему Ира с каким-то хмырём должна быть у меня? — голос был негромкий и спокойный, но за хладнокровностью ощущались уверенность и сила. Это подействовало — Колька замолчал. Говорить стал Борислав:

— Ты это... Извини, что разбудили...

— Да не будили вы меня, — теряя терпение, резко и зло перебил Руслан. — Ты скажи, почему твоя Ира должна прийти ко мне!

— Да нет, братуха... Я понял... — подал голос Колька. Что-то произошло между Русланом и пьяной компашкой, так как Колька, не договорив, умолк.

Сергей, протянув руку, нащупал в темноте входную дверь в подъезд, легонько толкнул её. Она поддалась без шума, с улицы прокрадлась полоса света. Стала видна часть обшарпанной зелёной стены, разбитая лампочка при входе над выкрашенной мастикой дверью. Осторожно, чтобы не были слышны шаги, он вытолкнул на улицу Ирочку и сам вышел следом. Забежали в соседний подъезд.

— Что ж ты не сказала, что с Бориславом?! — обрушился Сергей на неё, стараясь говорить тихо.

— Как будто у тебя никого нет?! — по-гроссмейстерски, переходя от защиты в нападение, парировала она, неприятно взвизгнув.

— Представь себе: нет! — Сергей говорил правду, в его голосе она услышала упрёк, и это ударило по самолюбию.

— И не будет! Подумаешь, правильный какой нашёлся, — Ирочка выскочила на улицу. Пружина, жалобно скрипнув, с силой захлопнула дверь. Стало снова темно.

Сергей лихорадочно соображал, что ему, собственно, теперь делать с местной шпаной и как вести себя с таинственным местным авторитетом по имени Руслан. План созрел молниеносно. Батько приоткрыл дверь, пустив полоску света в подъезд, полез в рюкзак, достал папку с деловыми бумагами — договорами, соглашениями и прочими юридическими документами, рабочими записями. Нашёл нужный лист с перечнем, быстро пробежался по списку имён местного начальства, моментально всё сложил обратно и вышел. Ирочки

на улице уже и след простыл. Перед дверью в подъезд, из которого десять минут назад пришлось ретироваться, потоптался полминуты. Внутри уже горел тусклый свет. Сергей коротко выдохнул и вошёл внутрь. Он настроился — надо было решить вопрос на месте, пока компания не разбежалась.

— Ну, ты это... Не сердчай на нас... Мало ли чего... — слышался голос Кольки сиплого, всё ещё рассыпавшегося в извинениях.

Сергей не спеша стал подниматься по лестнице с долгим нескончаемым пролётом.

— Оп-па! — Колька натужно растянул рожу в щербатой улыбке, когда увидел, какая рыба сама плывет в сети. Пацаны перегородили проход. Сергей остановился и с деланным удивлением уставился на компанию, с грозным видом струдившуюся на площадке. Четверо с ухмылками на лицах, выжидаяще переминались с ноги на ногу у электрического щита, Колька — чуть впереди. В дверном проёме в дверях по-хозяйски непринуждённо стоял высокий, жилистый парень с холодными серыми глазами, короткой стрижкой в шортах и тапочках на босу ногу.

— Ты чё к нашей Ирке хвосты подбиваешь?! — Колька цыкнул слюной на пол.

Батько, наигранно подняв бровь, выдержал короткую паузу, обернулся в пустоту за спиной.

— К какой Ирке?! Я вас не знаю.

— Ты дуру не включай, а! К барменше нашей. О чём ты с ней тёр?! — Колька, набычившись, сделал шаг вперёд к Сергею.

— В следующий раз в баре подойду к тебе — ты нальёшь мне пиво! — медленно, с нажимом ответил Сергей, копируя подслушанную манеру говорить Руслана.

Судя по сомнению, скользнувшему в глазах у Кольки, Сергей был близок к идеалу произношения. Тот оглянулся, ища поддержки в товарищах, а они ждали, чем всё закончится.

— Ты чё, попутал?! — сиплый двинулся на Сергея, а тот, угрожаяще прищурившись, с вызовом вперился в Кольку глазами, предусмотрительно опустив на пол пакет с вещами и сжав в кулак руку в кармане.

— Подожди, Сиплый, разобраться надо! — Руслан шагнул из квартиры в коридор подъезда. — Меня зовут Руслан, — лёгкая, ничего не выражающая улыбка на лице, прямой взгляд. За таким взгля-

дом всегда сила, грубая, разрушающая, беспринципная. Сергей сразу почувствовал опасность, невидимо исходящую от Руслана, — такой и ножом владеет и пулю всадит за завтраком, не поперхнётся. Сергей встречал таких, знал — с ними надо держать ухо востро! Вежливость для таких, как он, лишь предлог всадить в тебя нож.

— Сергей, — представился коротко, сухо, без лишнего заискивания, такие, как Руслан, уважают силу. Весь напряжился, аж взмок.

— Какими судьбами к нам? — Руслан умел вызвать дрожь учливой речью.

— Должен отчёт держать? — во рту у Батько пересохло.

— Должен! — было сказано так, чтобы всем стало понятно, кто здесь хозяин и перегибать палку приедем не стоит. Колька Сиплый самодовольно хмыкнул, чувствуя у себя за спиной силу.

— В командировке я здесь. Лес возить будем.

— Так это ваши штабеля в лесу сложены?

— Наши, — Сергей старался говорить ровным спокойным голосом в тон Руслану. Что ж, ему пришлось признать силу, но и он не льком шит: лишнего не приплетал — не за чашкой чая встретились.

— А сюда, в гостиницу, кто отправил?

— У нас договорённость с директором вашего леспромхоза Степаном Львовичем.

— А с Иркочкой чего тёр?

— Спросил, где находится гостиница и как в неё вселиться, начальство же на болотах. У кого мне ещё спросить, у этого, что ли?! — Сергей ткнул взглядом в Кольку, он не на шутку завёлся, допрос затянулся, и становилось нелегко. Тот хотел было вспылить, но Руслан похлопал его по плечу, остынь, мол.

— Ладно, пойдём за знакомство по стопочке, — он кивнул Сергею, приглашая пройти за ним внутрь квартиры. Как-то сразу пропал интерес к Батько, расслабилась и загомонил шебутная компания, обсуждая, куда им направиться дальше.

Они сели с Русланом на кухне. На столе стояла початая бутылка водки. Сергей добавил к ней свой бальзам. Далеко за полночь выяснилось, что он из Грозного, что работа у него связана с риском, а здесь переждать ему надо некоторое время. «Прячется от кого-то», — мысленно сделал вывод Сергей. Уточнить он, конечно, не стал, да и Руслан не был охоч на лишнее слово, это Сергей сразу понял. Сказано — переждать, значит, переждать.

— Здесь тебя никто не тронет. Это я говорю! — сказал Руслан напоследок.

У обочины, напротив дверей конторы, красовались три блестящих чёрных «Крузера». В самой конторе леспромхоза стоял гвалт, сутолока, неразбериха. Скрипели половицы, тревожно мигали лампочки в цоколях под потолком. По коридорам с деревянными стенами, выкрашенными синей краской, бегали люди, потрясали в воздухе какими-то бумажками, суетились, волновались, из открытых настежь дверей кабинетов в коридор вылетало треньканье телефонов, ругань, неслись угрозы. К директору Батько не пустили двое крепких ребят, стоявших охраной перед дверью. Оказывается, утром, ещё до прихода служащих, в контору ворвалась дюжина молодчиков, силой заняли кабинет директора, и что теперь будет, никто из взбудораженных офисных работников не знал. Сергей остановил в коридоре взвинченную, раскрасневшуюся дамочку в юбке и белой блузке, с глубоким вырезом, в рюшках, кратко изложил суть вопроса.

— Сейчас не до вас, молодой человек, — взвизгнула она, вскинув руками. — Разве не видите — у нас рейдеры?! Степан Львович! Надо что-то делать! — кинулась она к пузатому дядьке в пиджаке, буквально влетевшему в коридор конторы.

Тяжело сопя, он решительно направился к своему кабинету, который уже был занят. Молодчики даже не шелохнулись, позволив ему свободно войти в «предбанник». Для взмыленного Степана Львовича, готового насмерть биться за своё место, это стало полной неожиданностью. На мгновение он растерялся, теряя градус боевого духа. Догадываясь, что ничего хорошего это ему не сулит, он, немного потоптавшись, вошёл в кабинет. Дамочку, следовавшую за директором по пятам, охрана не пустила. «Руслан! Что это всё значит?!» — послышалось из-за дверей.

Сергей бегал из кабинета в кабинет — везде шум, суматоха. Отовсюду его «просили» нервные служащие, указывая на двери. «Идите уже, не до вашего леса — власть меняется, самим бы без работы не остаться!» — кричали ему. Контора пустела, крепкие ребята в костюмах вежливо просили всех разойтись по домам, закрывали кабинеты. Вышел пунцовый Степан Львович, рассеянно глянул, как с двери его кабинета срывают табличку с его фамилией, потом посмотрел на дамочку с покрасневшими влажными глазами и дрожа-

щим подбородком, и, не сказав ни слова, побрёл к выходу. В коридоре Сергей столкнулся с Русланом.

— Гостиница закрывается на неопределённое время, — сказал он Серёге так, будто и не знакомы они вовсе. — Дайте ему ключ от сторожки на площадке, — начальственно кинул он охране позади себя, — пусть вывозит свой пиловочник.

Как по волшебству, перед Сергеем вырос главный инженер, что пять минут назад даже слушать не желал о финнах, сроках вывоза пиловочника и штрафных санкциях.

— Сейчас всё сделаем, Руслан... Кхе... Кхе... .. авич, — неловко замялся он, попытавшись выговорить заковыристое, не привычное русскому уху отчество и опрометью пустился в свой кабинет.

Развернув план-схему, выданную ему главным инженером, Сергей сориентировался на местности и направился по просёлку в лес, туда, где на площадке должны лежать штабеля с их пиловочником. Он шёл вдоль поросшей высокой травой и кустарником узкоколейки с выдранными с «мясом», покорёженными пролётами рельсов, будто здесь недавно прошла партизанская война. «Партизаны» потрудились на совесть — чтоб наверняка не восстановить. Скоро, вильнув в сторону, редкие выбитые шпалы и вовсе трусливо спрятались в подлесок доживать свой век. «Что за народ?! — тяжело вздыхал Сергей. — На своей земле, а живём как чужаки! Финны-то уж точно берегут свою землю». Ему вспомнился разговор с Лукьянычем.

По натопанной кем-то тропке Сергей вышел к площадке с пиловочником. Наскоро оглядев штабеля, он направился к покосившейся сторожке. Она находилась в стороне от площадки на маленьком пригорке. Будто покинутая всеми, забытая богом старуха, кланялась она в ноги путнику сползающей, косо нахлобученной кровлей, приглашая всякого заезжего разделить её одиночество. Выглядела сторожка плачевно и мало походила на пригодную для жилья. Сергей осмотрел окрестности, но, кроме этой рухляди, кругом ничего, маломальски годного, не было видно. Полез в карман за ключом, выданным в конторе леспромхоза, примерил к амбарному замку на потемневшей двери — вроде должен подойти. С трудом провернул сердечник навесного замка. Сергей с усилием потянул вниз — и дужка выскочила из тесного плена чугуна. Внутри было сыро, пахло плесенью, чем-то протухшим. Зарешеченное, покрытое слоем пыли единственное окно пропускало тусклые солнечные лучи. В углу — буржуйка,

рядом — топчан, у окна — покосившийся столик. «Жить можно», — решил про себя Сергей, и сторожка-старушка приветливо скрипнула половицей под его шагом.

Из-за перебоя с электричеством на местном почтамте (леспромхоз был закрыт) Сергей лишь на следующий день дозвонился до своего начальства в Петрозаводске. Сообщил новости, сказал, что готов к отгрузке, отправил факс с планом площадки, куда должны были приехать финские лесовозы. В местном сельпо купил котелок, миску, кое-какие продукты. Так что в посёлке он больше не появлялся — нужды особой не было.

К концу следующего дня приехала первая «SISU». Дело пошло. Всю неделю Сергей занимался отгрузкой леса. Утром он точковал оставшийся после отгрузки лес, в обед приезжала машина. Толстый финн Мартин в отутюженном комбинезоне, подняв в приветствии руку, кричал ему: «Терве», — прыгал на сиденье фискаrsa, позади кабины, и, железной лапой манипулятора ловко цепляя брёвна, укладывал их между стальными клыками в прицеп. Затем стягивал уложенный пиловочник широкими ремнями реперов и, махнув на прощанье, уезжал.

Вечерами Сергей варил себе похлёбку или запекал на углях картошку. Подолгу смотрел на танцующий огонь, полнокровную луну, иногда ловя себя на мысли, что, может, вот так же, сидя у костра, где-то в южных широтах Казахстана, смотрит сейчас на луну Аня...

С последней машиной леса Сергей уехал в Костомукшу, потом на поезде — в Петрозаводск. Олег Вениаминович поздравил его с «боевым крещением», выдал премию. Сергея приняли в команду. И всё хорошо, если бы вскоре не произошёл этот случай с декларациями на границе...

Не всем ко двору в офисе Олега Вениаминовича пришёлся Сергей Батько. Вливался в новый коллектив — для него это привычное дело. Знал — везде свои правила, законы, выстроенные в условиях жёсткой конкуренции, устоявшиеся рабочие связи. И теперь Сергей, по сути чужой пока для коллектива человек, должен был «вписаться» в жизнь конторы Олега Вениаминовича — стать своим. Легко сказать! Вместе с возложенными на него обязанностями он получил и ряд полномочий, одним словом — некоторую власть наравне с офисными сотрудниками. Да кто же её, родимую, за просто так тебе отдаст, даже если

начальник велел?! И если кто-то с облегчением вздохнул: баба — с возу, кобыле — легче, то Боря Шалаев, старший менеджер, ревностно оберегал от чужаков когда-то так «обременявшую» его «бумажную работу» с таможенными декларациями. Первые дни Сергей деликатничал, присматривался, анализировал, искал подход к коллеге. Он быстро освоился, вошёл в «тему», стал принимать самостоятельные решения. А Боря всё не мог смириться с конкурентом, вторгшимся по воле директора в его сферу. Дня не проходило, чтобы он не вмешивался в дела Сергея, не лез с советами. Чуть отойдя от дел с таможенной, уже не владея в полной мере всеми вопросами, путал Сергея, подсовывал быстро устаревающие указы, распоряжения, давно отмененные бланки. Когда «опека» встала, что говорится, поперёк горла, Серёга дал понять Боре, что вполне справляется сам. Получилось это резковато, зато теперь ему никто не мешал. Во время одной из командировок их босса Олега Вениаминовича Боря подошёл к Сергею.

— Сергей, через неделю из Украины хохлы приезжают. Надо оформить на них документы, потом покажешь им наши дялянки в Ругозеро, — Боря шустро подсунул ему папку с документами.

— Постой! Я же с декларациями работаю, — Сергей придержал за локоть заторопившегося куда-то Борю.

— Этим вопросом займусь я, — с нотками раздражения начальственно заявил он, недобро уставившись на Сергея в упор.

— Но у меня уже всё готово почти, — уверенно ответил тот, приняв вызов и глядя Боре в глаза.

— «Почти!» — усмехнулся он, растянув толстые влажные губы в ехидной улыбке.

— И потом Олег Вениаминович... — начал Сергей, снова пытаясь придержать Борю за локоть.

— Пока Олега нет на работе, — Боря затянул паузу, чтобы нерадивый новичок смог оценить заслуженную им за многие годы службы в офисе преференцию — называть их босса только по имени, — я здесь главный! — вырвав локоть, он победно скрестил руки на груди.

Сергею оставалось лишь пожать плечами и передать Боре свои дела. Даже не взглянув, он сунул документы в выдвижной ящик своего стола.

Бывает же так! Ведь знаешь, что прав, а доказать не можешь! И в конторе все помалкивали, против Шалаева не хотели идти,

видимо, не одного Серёгу подставил он. Правду говорят: своя рубашка ближе к телу. И — что самое обидное — всем известно, что не по его вине случилась эта задержка лесовозов на финской границе. Боря таки проваландал «почти» готовые декларации — с опозданием подал. Только как об этом директору сказать: «не виноватая я — он сам пришёл?!» — виновных успеется найти. Да и не привык Батько наушничать, оправдываться — делом надо заниматься, спасти положение.

— Ну, что Сергей, — сказал тогда генеральный, — судьба твоя решается! Если через полчаса машины не пойдут...

И это после трёхдневных утомительных, подчас виртуозных переговоров с таможенниками, декларантами, местными чинушами и бизнесменами разного пошиба! Ведь нашёл и взятку кому дать, и того, кто её передал, и кто заново декларации составил, и на финскую границу документы отвёз! Обидно тогда стало Батько. До слёз обидно. А ещё Боря тогда затихарился, пропал из офиса, срочно ему куда-то понадобилось. Вот и ответил Сергей тогда:

— А я считаю, Олег Вениаминович, что небесная канцелярия на этаж повыше будет.

Через полчаса машины пересекли границу, а Сергею велели написать заявление... По собственному...

6

Иномарка с номерами десятого региона скоро колесила по пыльной просёлочной дороге. Мачтовые сосны с раскидистыми ёршиками ветвей взмывали в нахмуренное октябрьское небо, образуя нескончаемый частокол вокруг трассы, будто древнейшая северная земля, насторожившись, пыталась скрыть свои многовековые тайны от случайных гостей. Тысячи лет этот край хранит память о предках саамов, вепсов, карелов, живших там и промышлявших в дремучей тайге, о пришлых псковичах, новгородцах, сам Никон до церковного раскола игуменствовал в здешнем монастыре, Марфа-посадница владела местной деревней. Заповедное Водлозерье — в стороне от шумных больших городов, нынче только и осталось от четырёх десятков поселений одно село Куганаволок — и это на несколько сотен жителей.

— Что-то не то... Разворачивайся, едем обратно, — рядом с водителем на «штурманском» месте сидел крепкого сложения парень.

— Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Скажи точно: назад или всё же вперёд! — водитель за баранкой «Фольксваген-Пассат» нервно заёрзал в кресле.



— Теперь точно, Игорёк! Видишь — дорога просёлочная сужается, дальше — болота. Я вспомнил эту дорогу — мы не там свернули.

— Вспомнил он! — ворчал шуплый парень на водительском месте. — Что я вам, железный? Уже не одну сотню вёрст отмахал за баранкой!

— Хочешь, я поведу или вон? — крепыш кивнул на заднее сиденье, где дремал, насколько, конечно, можно дремать на карельских ухабах, их приятель. — Серёга сядет за баранку.

— Ла-адно, сам поведу, — недовольно протянул водитель. — Как же... Посади вас за руль! — Он включил передачу и резко развернулся.

Пассажиры сзади зашевелились. Тряхнув тяжёлой, будто с похмелья головой, он высунулся в проём между передними сиденьями. Глаза его помутнели со сна, длинноватые волосы сбились вправо, левую щеку расплосовали красные отлежанные бороздки.

— Где мы? — сдавливая зевоту, спросила косматая голова.

— Почти на месте, — бодрячком ответил Вадик, парень со «штурманского» места, — Водлозерский парк. Скоро Куганаволок.

— Давно бы приехали, если бы не этот «Сусанин»! — с досадой до-
бавил Игорь, включая третью скорость. — По этим ухабам не скоро
доедем.

— Что поделать? Давно я не был в этих местах. Лет семь уже, как
бабку не навещал. Вот и уехали в никуда! — подпрыгивая на очеред-
ной кочке, примирительно сообщил «штурман».

— Как это — «в никуда»? — наморщив лоб, пыталась понять голо-
ва. — Ты, Вадик, толком объясни.

Тот вцепился в передние кресла руками, чтобы не удариться
о крышу автомобиля.

— Дорога эта так называется — «В никуда», прозвали её так мест-
ные. Здесь, Серёга, строили что-то или хотели построить. Вели до-
рогу, потом строительство забросили, а дорога осталась. Тише ты,
Игорёк, — обратился он к водителю, держась за ушибленную макуш-
ку, — а то подвеску всю оставим здесь, в деревне на твоего «немца»
запчастей не найдёшь.

— К ночи надо успеть. Увезёшь ещё опять «в никуда» нас. Где но-
чью дорогу искать будем? Да и холодина уже по ночам, — огрызнул-
ся тот.

— Ты природой наслаждайся, Игорёк! Чуешь, какой воздух? —
Он приоткрыл окно и шумно вдохнул прохладного, напоённого аро-
матами едва подмёрзших прелых листьев и хвоей грибного возду-
ха. — А-а-а! — выдохнул он. — Хорошо! — у вас в Казахстане, поди, та-
кого нет? — вопрос был адресован Сергею.

— Такой тайги нет, — уклончиво, без долгих объяснений ответил он.

Дорога вильнула в сторону болот. Вадик развернулся к Сергею,
многозначительно поднял бровь:

— А такое есть?

В километре от дороги на торчащем из болотины сухостое сидела
огромная птица. Не успел Сергей ответить, как машина, сбавив ход,
остановилась у придорожных кустов с редкими зелёно-багряными,
будто забрызганными подсохшей кровью листьями рябины, ещё
не успевшими полностью опасть. Осторожно прикрыв за собой дверь
машины, пригнув спину, Игорь метнулся к багажнику, достал кожан-
ный чехол, начал лихорадочно расстёгивать его.

— Бесполезно, Игорёк, — прокомментировал его действия
Вадик, — он нашу машину давно приметил. Только сунешься в боло-
та — улетит.

— Думаешь? — глаза Игоря азартно блестели. — Я галсами пойду!

— Это тебе не гуси у нас под Олонцом — глухарь! Мошник! — усмехнулся Вадик. — Пойдём весной в самый ток — там и набьём. Поехали, Игорёк, а то и впрямь допоздна не управимся. Завтра с самого ранья судака рыбачить будем — надо выспаться.

— Серёга, дык, тебя точно уволили? — Игорь, разочарованно бросив зачехлённое ружьё на сиденье рядом с Сергеем, сел на своё водительское место.

— Точнее не бывает, — Сергей нахмурился, вспомнив неприятный разговор с бывшим патроном.

Его напрягали эти расспросы — и так тошно. Да и приятелям его не понять, как оно — без гражданства и работы одному оказаться. Хорошо ещё жильё есть, и с хозяйкой квартиры повезло — приветливая. Может, в долг пустит жить, пока с работой туго.

Их машина уже снова катила по просёлку.

— Не переживай, Олег, он такой — крут на поворотах, у нас тоже работы хватает. Пойдёшь к нам?

— Пойду, если позовёте.

— Вот чудак-человек, говорим же: работы хватает. Тем более что заниматься лесом будешь, как и в фирме Олега. — Игорь лихо выкручивал баранку автомобиля, объезжая ухабы.

— Так я и не «против». Я только — «за»! — Сергей, заломив руки за голову, откинулся на заднее сидение. Игорь бросил короткий взгляд на зеркало заднего вида в салоне авто. На лице у Сергея мелькнула счастливая улыбка. В который раз Фортуна берёт его под своё крыло. Интересная штука — жизнь! Ещё полгода назад он жил в Казахстане. Думал ли тогда, что судьба занесёт его в эти северные края, сведёт с замечательными людьми? Вот и вчера неожиданно-негаданно пригласили его новые друзья на рыбалку в этот удивительный заповедный край — Водлозерье! Прав, конечно, Вадик: в Казахстане таких мест не найти, так и здесь степей нет! А кумыс, айран, кáзы... Всякое место хорошо по-своему, но надо быть честным — Карелия очаровала Сергея с первого взгляда, ещё когда за товаром сюда ездил из Казахстана.

Он глянул в окно. Кругом ели, сосны-гиганты, между ними — тоненькие стволы робких осин и берёз с остатками пожелтевшей листвы. Налетел сильный ветер, властной рукой своей вычесал пожухлую листву с придорожной берёзки, подкинул вверх, закрутил осенний

хоровод, бросил под колёса автомобиля и дальше — на камни и бу-
релом.

А места здесь дремучие, до Карелии не доводилось Сергею в тай-
ге бывать.

— Слушай, Вадик, а волки здесь есть? — Сергей не знал, для чего
задал такой вопрос.

Глядя на непролазные места вокруг, ответ был очевиден. Может,
для поддержания разговора? Или чтобы лишний раз подчеркнуть
своё казахстанское экзотическое происхождение?..

— Шутишь?! — откликнулся Вадик. Он даже на мгновение вывер-
нул шею назад взглянуть на Сергея, чтобы убедиться, не шутят ли
с ним. — Каждую зиму в чьём-нибудь дворе от собаки одна цепь
и остаётся! Вообще, бабка на ночь свою собаку в дом пускает.

— А деревня эта, — Сергей запнулся перед непривычным для него
словом, — Ку-га-на-во-лок, — выговорил с трудом, — давно стоит?

— Лет пятьсот — не меньше!

— Фить-фу! — присвистнул Сергей.

— Здесь раньше были земли Обонежской пятины — Новгородские,
значит, вплоть до Пудожа эта пятина была, — Вадик оживился, чувствуя
в Сергее благодарного слушателя, — много тоней рыболовных было. Оно
и сейчас рыбы хватает, вопреки рыбхозьяствам. А бабка моя так до сих
пор по-новгородски трёкает. Даже я не всегда понимаю её. Помню, ма-
ленький был, меня с сестрой на лето привезли сюда в деревню, а бабка
и говорит моей матери: «Гопа гляне, что я одна с робятами...»

— Слушай, гопа, куда ехать? — перебил его Игорь, останавливая
машину у перекрёстка.

— Налево, — и, перехватив брошенный в свою сторону сомневаю-
щийся взгляд, Вадик чётко повторил: — Точно — налево!

— Гляди у меня, штурман, — буркнул Игорь, в шутку погрозив ку-
лаком.

— Слушай, Серёга, всё спросить тебя хотел: чего тебе
в Казахстане не сиделось? — Игорь снова глянул в зеркало в салоне.

— А то и не сиделось — надоело всё, — Сергей откинулся на сиде-
нье, давая понять, что не хочет говорить об этом. Что толку? Пока
на своей шкуре не почувствуешь — не поймёшь, говорить не о чем!

В ранних сумерках, спустившихся на Судачий полуостров, раствори-
лись купола храма Диодора Юрьевского чудотворца. Над остроконеч-

ной башенкой Петропавловской часовни с маленькой луковкой и православным крестом, догорающим в скупых закатных лучах холодным серебряным светом, в вышине приземистого тёмно-синего неба, подёрнутого чуть розовой кисеей перьевых облаков, плыл птичий клин. Сергей сидел на просмолённом киле перевёрнутой вверх дном кижанки, всматривался в узкую полосу горизонта, сдавленного сверху сизой с тёмно-фиолетовым отливом полосой. Шурша, накатывали на каменистый берег волны Водлозера. У кромки воды, уже прихваченной вечерними заморозками, на жердях со старой оглобли сохла плетённая ячеей простынь невода. Рядом — оставленная кем-то, уже основательно проржавевшая ось телеги. Иногда, укорачивая железный век, её облизывала холодная волна, будто в отместку жердям, чьи сети тащат из глубин озера золотистую рыбу — клыкастого судака с царственной короной — костистым плавником на спине.

— Серёга, в баню-то идёшь? — раздался сзади голос Вадика. Серёга обернулся. Тот стоял на пороге маленькой баньки на берегу. В облаке пара, идущего от его разгорячённого тренированного тела с испачканными сажей плечами, Вадик казался ещё больше. Вверху что-то произошло. Отвлёкшись, Сергей пропустил тот момент, когда солнце, уходящее за горизонт, прорвав последним своим лучом тёмно-сизую полосу, коснулось безупречно выстроенного клина, осветило его розовой позолотой. Вспыхнул розовым крест на куполе Петропавловской. Закурлыкал вожак, и подхватил его песню лебединый клин. В фиолетовом октябрьском небе, за горизонт, стрелой летела стая, а сверху неслась над землёй прощальная песнь. Не в силах оторваться, мужчины смотрели вслед покидающим насиженные места царь-птицам.

— Прощаются с родиной. Поздновато чего-то на юга летят — до ноября рукой подать. Вон уже белые мухи полетели... Всё, теперь до весны, — нарушил тишину Вадик. — Скоро совсем снегом засыплет, — задумался он, глядя на подкрашенный малиновым цветом горизонт. — Пошли и мы, а то я продрог совсем!

— Вот и мне, наверное, придётся уехать к родителям на Украину. А ведь я думал, что Карелия станет моей второй родиной! — с какой-то тихой грустью сказал Батько.

От этих случайно оброненных слов стало ему тошно и больно, будто ком в горло вбили. В темноте Вадик не видел блеснувшие невольной слезой глаза.

— Сказано же: возьми к себе. Будешь у нас коммерческим директором, — Вадик дружески коснулся его плеча. — Пошли в парилку. Как тебе банька по-чёрному?

Сергей пожал плечами:

— Так себе.

— Ещё один заходик, и пойдём есть судачка по-карельски в молоке. Пробовал когда-нибудь? А ещё моя бабка рыбник с налимом спекла! Горячий — только из печи! Э-э-х!

8

О том, что его выселяют из съёмной однокомнатной квартиры, Сергей узнал сразу по возвращении с рыбалки из Куганаволока. Ивановна, соседка по лестничной площадке, вопреки его ожиданиям, ключ от квартиры не отдала.

— Там тебя Клавдия дожидается, — неприветливо бросила она в открытую дверь, сверкнув из полумрака прихожей окулярами очков.

В квартире его встретила хозяйка — женщина в годах, с отпечатком усталости на лице и потухшим взглядом. Прошли в кухню. Скинув пальто, она присела к столу, Сергей, как был в испачканной на рыбалке куртке, так и остался стоять в дверном проёме. «Опять денег будет просить. Надо потянуть с оплатой. Какое сегодня число?» — пытался припомнить он.

— Не думала, Сергей, что вы так надолго квартиру без присмотра оставите, — её голос непривычно с первых слов дрожал нервными нотками, на кухонном столике натруженные, загрубевшие руки суетливо поправляли выцветшую клеенку со следами давних порезов. Обычно доброжелательная, теперь она была напряжена и явно старалась себя сдерживать.

— Ивановна говорит, уже неделю как не видела вас, — сказала она, упершись взглядом в пол.

Оставив в покое клеенку, решительно сплела изрубленные морщинами огрубевшие пальцы, строго посмотрела на Сергея, затем сложила руки у себя на коленях — тёмные с бронзовым налётом загара и толстыми синими венами под калькой глянцевої кожи. Именно такими помнил Сергей руки своей мамы.

— Так я и оставил ей ключи! — начал защищаться Сергей.

Он сразу уловил, что его «долгое» отсутствие было всего лишь предлогом для чего-то другого, о чём Клавдия Николаевна, хо-

заяка квартиры, скажет чуть позже, и, похоже, квартплата здесь ни при чём.

— Она обещала мне и за квартирой присмотреть, и за цветами ухаживать. И потом, я предупреждал вас, что, по роду своей деятельности, часто бываю в командировках, — с обидой в голосе возразил он, сунув руки в карманы куртки защитного цвета.

— Да я и не против, — вздохнув, обронила Клавдия Николаевна. Голос её смягчился, и сама она будто вся обмякла, привалившись на стол. Она рассеяно, виновато взглянула на Сергея, а потом уставилась в вытертый узор линолеума. Помолчали.

Не поднимая глаз, Клавдия Николаевна призналась, почему-то чуть покраснев и опустив глаза:

— Дочка у меня из Москвы приехала с внучатами. Уже неделю как гостит. Чего-то у них там с зятем не заладилось. У нас с мужем хоть и двухкомнатная, а на всех места маловато. Решили, что дочь с детьми пока здесь поживёт...

— Поня-ятно, — протянул Батько и устало опустил на стул рядом с хозяйкой.

И в правду: беда одна не приходит. Ещё неделю назад у него была работа, теперь вот ещё из квартиры выселяют. Разом забылась радость поездки. Дав кредитом краткосрочную передышку, на него опять навалилась судьба-злодейка — платить по счетам за право в своей безопасности быть счастливым ещё никто не отменял. Казалось, минуту назад он был полон сил, строил новые планы, а теперь...

Вот так всегда с хозяевами квартир — сначала выискивают что-то, придираются к мелочам, раздувают до размеров слона ничего не значащие пустяки, высасывают из пальца проблему, а потом бац! — и будьте любезны — освободите занимаемую жилплощадь. Хорошо если истинную причину укажут, а то могут и просто за порог выставить без каких-либо объяснений. Уж он навидался всякого. Не одну съёмную квартиру сменил, не первый город...

— Когда съезжать-то? — обречённо спросил Сергей. Из опыта он знал: спорить и доказывать своё бесполезно — договор о найме квартиры был устным, но выцыганить ещё недельку к сроку платежа попробовать стоило. Сергей мысленно собирал аргументы в свою пользу. «Какое сегодня число?» — Сергей взглянул на отрывной календарь на стене — високосный 2000-й год на дворе. На нём значились давно ушедшие солнечные майские деньки, напомнившие о вселении в квартиру.

— Сегодня вечером надо освободить... — убила ответом хозяйка, словно обухом по голове.

— Как сегодня?! — ошарашенный Сергей вскочил со стула. — По договору оплата двадцать пятого каждого месяца! Сегодня только девятнадцатое.

Хозяйка была готова к такому повороту и выложила на стол пять примятых в кармане новых сторублёвок.

— Долго вы по своим командировкам мотаетесь — вот времени и не осталось, — тон её изменился, она говорила запальчиво и нервозно, будто нарочно накручивала себя, опасаясь, что может поддаться доводам, — вещи можете пока у нас поддержать. Что же мы, не понимаем, что ли? Будете уходить — стукните соседке, она закроет.

Скоро накинув на плечи не по погоде лёгкий драп заношенного пальто, она стала торопливо просовывать узловатыми пальцами непослушные пуговицы, большие и выпуклые, не в тон ткани, они не желали пролезать в маленькие петли. Когда хозяйка справилась — пуговицы тарасили новенькие блестящие глазки, словно удивляясь занятому не своему месту. Клавдия Николаевна прикрыла за собой входную дверь. После её ухода в квартире стало тихо, напряжение повисло в воздухе, будто стены сами изгоняли его. А ведь за три месяца, что прожил здесь, Сергей уже начал мысленно называть это место домом... Угрюмой и чужой стала мебель — хромой на одну ножку обеденный стол, старинный сервант, выкрашенный когда-то давно пожелтевшей уже, местами облупившейся белой краской. За грязноватым стеклом — пыльные стопки надтреснутых тарелок и фарфоровых кружек с потемневшими от времени сколами, на стене — три шкафчика с полагающейся кухонной утварью... В углу вздрогнула, забухтела старая «Бирюза» и вывела Сергея из охватившего его ступора. Отсутствующим взглядом он обвёл кухню, задержался на затарахтевшем холодильнике, потом выше — на настенных часах. Под пыльной крышей с маленьким окошком, за которым отродясь не было кукушки, резные стрелки, вздрогнув на мгновение, выложили на циферблате без четверти семь.

Мозг отказывался соображать, что теперь делать, куда ему идти, тем более что идти ему было всё равно некуда. Машина с его друзьями сейчас колесила, наверно, по трассе в сторону Питкяранты. В Петрозаводск Сергей переехал из Казахстана меньше полугода назад и ещё не успел обзавестись приятелями, настолько близки-

ми, когда можно было без стеснения напроситься на ночлег. По-прежнему пребывая в каком-то тумане, он запихал в карман оставленные хозяйкой в качестве компенсации коричневатые бумажки. На автопилоте вытащил из кладовой огромную спортивную сумку, долго и бесцельно смотрел на сложенную в неё стопку одежды, перебирал в голове, что ему взять. Побросал в рюкзак кое-какое барахло, затем вытряхнул. Снова перебрал. Остальное задвинул обратно в кладовку. Оглушённый новостью, он делал это на автомате — выполнял простые механические движения: щётка, зубная паста — в рюкзак; рубашка, футболка — в рюкзак; дневник, книга — в рюкзак... Идти было некуда, поговорить не с кем. Одно ясно — надо уходить.

На улице в одночасье нагрязнула зима, к концу дня город основательно присыпало снежком и слегка подморозило, а вечером всё стало подтаивать. Под ногами с лёгким, приятным уху хрустом колотся тонкий, чуть размякший ледок тёмных луж. На непокрытую голову опускались редкие снежинки, таяли и влажным холодком щекотали лицо, словно непогода догоняла их с самого Куганаволока, принеся в ещё не остывший от октябрьского солнца город первые симптомы зимнего озноба. В вечернем свете уличных фонарей серебрился тонкой наледью тротуар, кутаясь от зябкого гиперборейского ветра, спешили прохожие, опасливо ступая по скользким островкам. Сумрачный город оживал редкими однотипными витринами круглосуточных магазинчиков, светом фар проносящихся мимо машин, шумом колёс по разбитым дорогам. В здании бывшего кинотеатра «Искра», а нынче — в увеселительном заведении с предостерегающей вывеской «Flash», словно служившей предупреждением, что «из искры может возгореться пламя», грохотала музыка. На крыльце, ёжась, призывно отстукивая на морозце каблучками, выставляя напоказ ножки в мини, озорно смеялись девицы, игриво выпуская изо рта тоненькие струйки дыма вперемешку с паром. Из приоткрытой двери плыла «Flash In The Night» — их любимая с Аней песня «Secret Service».

Сергея с головой накрыли эмоции. Он не сразу обнаружил на осеннем морозце две жгучие бороздки на щеках — не сразу поверил, что с ним может случиться такое. Да и не было этого с ним раньше, разве что в детстве, и то от обиды. Он вспомнил, как заливался

горючими слезами от бессилия что-либо сделать, когда в садике мальчишки из старшей группы рвали у него на глазах отобранную любимую открытку с изображением крейсера «Аврора». Так то было в садике. Даже смешно стало от этих воспоминаний. Сейчас-то чего?! Руки, ноги целы, и голова на месте. Да и чёрт с ней, с этой квартирой, конторой, тем более, что друзья-коллеги по лесному бизнесу обещали его пристроить по профилю. Будет работа — найдётся и жильё. Украдкой, чтобы никто из прохожих не заподозрил его в секундной слабости, он смахнул невольные слёзы. «Думать нужно, где работу искать, — выругал он себя, — а не нюни распускать!». Он вспомнил о новых друзьях. Где они его найдут? Где теперь их искать? В Питкяранте? На бывшей съёмной квартире? Знать бы, где он теперь остановится, — так передал для них через Ивановну записку с адресом. Звонить тоже было некуда. «Наша машина — офис. Проверим делянки и через пару дней вернёмся за тобой», — сказали ему на прощание ребята. Из его нынешних знакомых мобильный мог себе позволить только Олег Вениаминович — связь не из дешёвых удовольствий. В общем полная... как говорится, фрустрация. Сергей вычитал это слово в одном из словарей по психологии. Оно нравилось ему своей научной беспристрастностью, даже отстранённостью. Оно не кричит и не ругается, а всего лишь нарочито спокойно, культурно констатирует факт. Однако за этой напускной интеллигентностью безошибочно читается, что вы находитесь в глубокой...

Ноги сами шагали по подмёрзшему асфальту, навстречу чужим, восковым от холодного света фонарей лицам. Внутри пусто. Словно ни души вокруг, будто, как раньше, оказался на другом конце земли, на другой параллели — в далёкой неприветливой казахской степи, посреди заснеженной стыни. Из темноты улицы вдруг вынырнул знакомый силуэт. Высокий, атлетическое сложение, уверенная и чуть пританцовывающая походка... Сергей даже от неожиданно оторопело остановился. Сердце бешено ухало: откуда он здесь?! Вот ещё совсем чуть-чуть, буквально десять шагов... Семь, шесть, пять... Сейчас он ступит в ореол уличного фонаря, и... Нет, вроде не он. Почудилось?.. Хотя очень похож. Сергей ещё некоторое время с ускользающей надеждой всматривался в лицо приближающегося человека. И впрямь, откуда ему здесь взяться?! Женька, лучший друг... Иногда хоть волком вой, хоть в чудеса верь — до жути нуж-

но увидеть родное лицо. Но нет. Сергей разочарованно выдохнул. Он вспомнил их последнюю встречу тёплым майским вечером...

— Похоже, Серёга, мы больше никогда не увидимся,— сказал это Женька непривычно серьёзно и печально.

— Да нет! Не может этого быть! Не на разные же планеты разъезжаемся,— попытался отмахнуться кореш.

— Ты вон в Россию едешь, а я через месяц — в Германию,— возразил Женька с грустью в голосе.

— Эка дело! Всё равно 9 мая будем праздновать вместе, только в разных странах,— Сергей хихикнул, легонько хлопнул по плечу своего старинного друга.

Женька выдавил подобие улыбки.

— Ты не понимаешь. Мы разъедемся и забудем друг друга. Я ведь не знаю, куда тебе писать, я даже своего адреса пока не могу тебе оставить! — обречённо развёл он руками.

— Ну, во-первых, у тебя есть номер украинского телефона моих родителей. Как определишься у себя на дойчланде с адресом — позвонишь. Во-вторых, я, наверное, сам к тебе на ПМЖ скоро приеду. Примешь? — пытался шутить Сергей, стараясь казаться беззаботным и встряхнуть друга.

— Конечно, приму,— с энтузиазмом кивнул Женька, улыбнувшись, а глаза его на мгновение зажглись теми глянцевыми проспектами, которые обещали сытую и спокойную жизнь в надраенном до блеска старинном европейском городке на исторической родине. — Ты, правда, так решил?

— Пойми, Жека, я еду со своей бывшей родины — Казахстана, ставшей мне мачехой, на нашу, тоже бывшую, но общую для всех республик родину — Россию, которая меня забыла здесь, оставила на произвол судьбы, то есть — кинула. Где гарантии, что и там я буду чувствовать себя дома? Сечёшь, о чём я говорю — родина Казахстан у нас у обоих бывшая, и только ты из нас двоих едешь на родину новую. Улавливаешь разницу? В Германию тебя приглашают, а меня там никто не ждёт. Сам еду, по зову сердца, и услышат его там, этот зов, примут ли — вот вопрос!

— Да ну тебя,— Женька недовольно сморщился,— вечно ты со своей философией...

«До отправления поезда номер ... «Караганда-Москва» остаётся ... минут!» — донесли обрывки фраз из динамиков.— Повторяю:

до отправления поезда ...Москва ... пять минут!» — силится перекрыть динамик шум перрона, как от восточного базара.

— Кажись, твой, — снова погрузнел Женька.

Они пожали друг другу руки, крепко, по-мужски обнялись. Сергей с лёгкостью закинул на плечо объёмную спортивную сумку — память о сборной по плаванию, в которую когда-то входил, — заскочил на подножку вагона. Поезд тронулся. Над неугомонными кочевниками-горлопанами, суетливо снующими с баулами и тележками по перрону, возвышалась неподвижная, высокая, статная фигура его друга: светлые волосы, голубые глаза, широкие плечи. «Точно, блин, ариец! Как я этого раньше не замечал? Так раньше никто и не делил себя на казахов и русских, немцев и евреев...» — сам мысленно ответил на свой вопрос Сергей и на прощание махнул рукой.

Белые мухи садились на куртку Сергея. В плечо кто-то резко толкнул.

— Чего встал? Не обойти. Тротуар слишком широкий?!

Словно нарочно, не желая менять траекторию движения, прохожий задел его своим плечом и остановился. В свете фонарей Сергей хорошо разглядел серые злые глаза, тяжелый взгляд исподлобья, в нос резко ударило полынно-горькое водочное дыхание. Где он видел эти глаза?.. Прохожий выжидающе уставился на Сергея.

— Извините, — тот не хотел связываться, не то было у него настроение, другая стояла задача, хотя внезапно нахлынувшей злости теперь хватило бы на четверых. Он почувствовал её сразу, как только те серые глаза взглядом одним пихнули его остро, больно. Его наполнило злобой доверху, она была готова, вспыхнув, политься через край, слепая, сжирающая всё вокруг ненависть. Будто случайный прохожий запустил своим плечом какую-то программу, взвёл пружину. Не расплескать бы эту злость по пустякам. Злость свою беречь надо — пускать в нужное русло. Это Сергей давно усвоил. Тратить начнёшь почём зря, в ещё большую беду угодить можешь. Для начала надо устроиться, а потом, попадись ему эти глаза ещё раз, можно будет и поучить уму-разуму.

Эту часть Петрозаводска, куда его занесло, он знал неплохо. Улица Чапаева должна вывести его сначала к автовокзалу, затем — под железнодорожный мост, потом направо — к вокзалу железнодорожному. «С моим казахским паспортом только на вокзал — к мен-

там поближе, — мысленно усмехнулся Сергей. — Что же делать? Мне бы хоть ночь эту где-нибудь перекантоваться. Позвонить Олегу Вениаминовичу? У него в офисе места навалом. Охраны никакой. Может, на ночь охранять пустит?.. Надо было хоть чаю попить, пока в квартире был». словно в поддержку этой идее из темноты материализовалась телефонная будка. ветер усилился. Ещё неделю назад в городе не было и намёка на зиму, а сейчас стёкла будки запорошило колючим хрустким снежком. Внутри было промозгло. Снаружи гудел пронизывающий северный ветер. Сергей снял трубку, послушал, есть ли гудок, достал карточку, долго вертел её в руках, словно колеблясь. Затем решительно вставил в щель аппарата и набрал номер. Пошёл длинный сигнал...

— Алё, Олег Вениаминович?

— Да, слушаю, — трубка отозвалась подвыпившим с хрипотцой голосом.

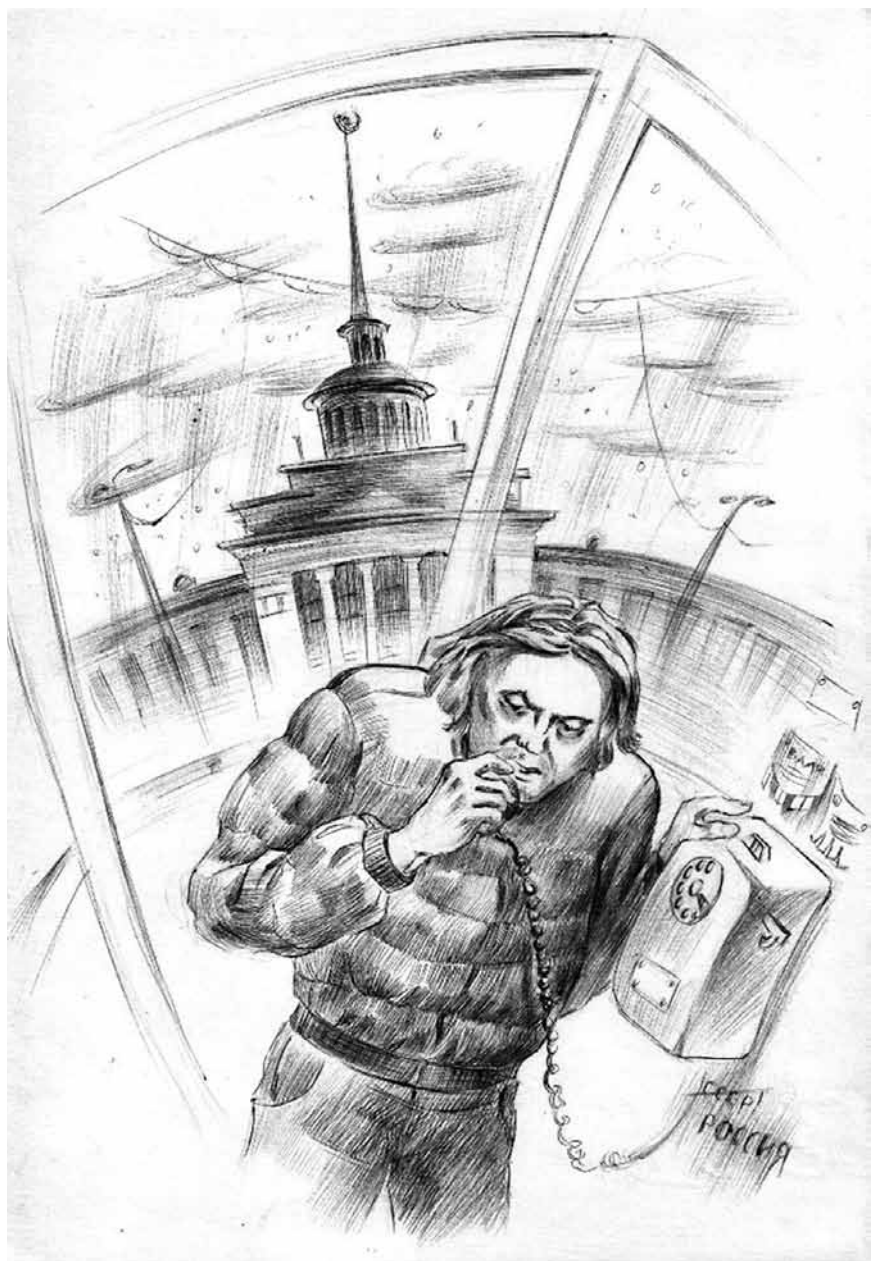
— Олег Вениаминович, это Сергей Батько... Тут такое дело, — он замялся, вдруг понял, что звонит напрасно, но делать было нечего, к тому же лучше получить отказ и отместить этот вариант навсегда, чем жалеть о том, чего не предпринял, — нельзя ли мне на эту ночь у вас в офисе остановиться, поохранять, а завтра утром...

— Нет! — рывкнула трубка.

— Вот же гад! — сквозь зубы вырвалось у Серёги, и, не дожидаясь стопа гудков, он бросил её на рычаг.

А, собственно, почему гад? Расстались они не лучшим образом. Охраны в офисе нет. Кто его знает, что у него, у Серёги, на уме? А как начал разговор: «Нельзя ли мне на эту ночь...»! Тьфу! Конечно, нельзя! Правильно, что уволил! Кто так ведёт переговоры?!

Из будки на пронизывающие северные ветра выходить не хотелось. Сергей положил карточку в карман, подышал в озябшие ладони. Вот же блин — и перчатки в квартире оставил! Он прислонился спиной к телефонному аппарату и прикрыл глаза. Надо было обдумать, что делать дальше. В кармане у него, кроме тех пяти сотен, что вернула хозяйка, лежало ещё ровно столько же. Могло быть и больше, не согласись он на поездку с ребятами в карельскую глубинку. Выпивка, бензин, то да сё... Но главное, между дел, ему ведь тогда посулили через пару дней дать в единоличное управление дялянку. И он, доверившись, наступил на очередные грабли! Откуда такая наивность?! Ведь уже тридцать годков не за горами, уже не в первый



раз огребают. Смешно было поверить едва знакомым людям. Башкой надо было думать: какой резон им пускать чужака в свой бизнес, с какой стати? Да, пригласили его на рыбалку — всяко дешевле дорога обойдется и какая-никакая компания. Ищи их теперь свищи — ни телефона, ни адреса.

«Рассчитывать на помощь других, даже самых близких тебе людей нужно с оглядкой, — в который раз Сергей пытался уверить себя. — Люди тогда идут к тебе на помощь, когда ты сам со всем справляешься. Людям нравится помогать удачливым, успешным, приобщаться к успеху других и, таким образом, самим быть на высоте, по крайней мере, в собственных глазах. А тебя выгнали с работы, что-то успехом здесь не пахнет», — отчитывал он себя. Сергей пошелестел в кармане бумажками. Этих денег, если не есть или обходиться самой малостью, например, бич-пакетами, хватит максимум на три недели в общеаге. За это время ему надо будет решить вопрос с работой.

Ветер усилился и с воем цеплялся за верхушки деревьев. Дверь телефонной будки похлопывала, подпуская внутрь холодного воздуха. Сергей снова попытался согреть ладони. Поднял глаза, вглядываясь в освещённое фонарное застеколье. От края до края, будто повторяя линию жизни на его ладони, по стеклу шла толстая изломанная трещина. «Жизнь дала трещину, — пронеслось у него в голове. — Это мы ещё посмотрим, у кого и что там дало!» — зло буркнул он себе под нос и открыл настежь дверь.

8

Когда Сергей приближался к зданию железнодорожного вокзала, ветер поутих. Злость помогла ему взбодриться, и он вспомнил о семейном общежитии для сотрудников железной дороги здесь неподалёку. «Пойду попробую, — решил он, — не идти же на вокзал в комнату матери и ребёнка». На предпоследнем, четвёртом этаже общеаги располагались отдельные номера для командировочных, о чём сообщалось неровными буквами на листе бумаги, пришпиленном к двери над прорезанным в филёнке окошком дежурной по этажу.

— У нас только для командировочных! — Дежурная по этажу — «этажерка», как дразнили их ребята в спортивном лагере, — выглядела строгой и неприступной.

— И много командировочных нынче к вам занесло? — включая обаяние, Сергей широко осклабился. Манёвр не удался. Перед ним по-прежнему сидела «этажерка», а не симпатичная женщина сорока-сорока пяти лет. Правда, вряд ли её можно было назвать красивой, да и не привлекали Сергея женщины старше его.

«Этажерка», сунув в рот дольку шоколада, шумно отхлебнула из гранёного стакана дымящегося чаю. Надо было срочно менять тактику. Сергей заглянул в окошечко и пошарил глазами по маленькому столу, уставленному упаковками печенья и шоколада — видимо, подношениями постояльцев. В сторонке, на груде бумаг и папок, он приметил грязноватую картонную табличку, на которой значилось: «Вас обслуживает...»

— Лидия Николаевна, — с надеждой выпалил Сергей.

— Если вы к Лидии Николаевне, то она будет завтра, — даже не подняв глаз на посетителя, лениво отбрила «не Лидия Николаевна».

— Если откровенно, ваша Лидия Николаевна мне ни к чему, — не сдавался Сергей. — В таких деликатных вопросах, она, между нами говоря, не понимает ничего, — он наклонился к окошку, понизил голос до доверительного. — А если серьёзно, то, кроме вас, мне обратиться совершенно не к кому.

Он сунул в окошечко бирюзовый паспорт гражданина Казахстана.

— Сами понимаете, на вокзале — милиция... Мне бы всего до утра... Потом... Я не командировочный — квитанции не нужны... А как вас зовут?

— Зовут меня Любовь Петровна, — женщина наконец-то отодвинула стакан и с любопытством раскрыла паспорт. — Ничего себе, откуда к нам занесло! А где живёте-то?

— Где, где — в Караганде! — обычно это действовала на жителей не Караганды одинаково. Вот и на этот раз Любовь Петровна весело рассмеялась. Сергей ликовал: есть контакт!

— Вообще-то у нас не положено. Только с разрешения руководства, — она испытующе посмотрела на Сергея, кажется, даже с симпатией. — Ну да ладно, разве что на ночь.

Из-под вороха бумаг женщина достала стопку бумажек на скрепке. Заглянула в паспорт, перевела взгляд на бланк квитанции, а потом и на Сергея. В глазах читался вопрос.

— Не надо этой писанины! — махнул рукой Сергей. — Говорю же: я не командировочный.

— С вас тридцать пять рублей, — Любовь Петровна улыбнулась новому постояльцу, словно это был старый знакомый. — Я вам адресок чиркану одного местечка, там и дешевле, и бумаг от начальства не надо. Тут у нас переночуете, а завтра утречком туда пойдёте. У нас, действительно, с этим очень строго. За разрешением надо идти в железнодорожное училище, потом волокита...

Любовь Петровна написала адрес и протянула бумажку Сергею вместе с ключом.

Комната встретила традиционным для советских общежитий аскетизмом, привычным Батько ещё со времен спортивных сборов: две сетчатые кровати, в углу — шкаф. Свежевыкрашенная оконная рама распространяла повсюду едкий запах растворителя, бензола, керосина и ещё бог весть чего, что могло входить в состав отечественной краски. Сергей приоткрыл форточку, впустив морозный ночной воздух, сдёрнул со второй кровати одеяло, аккуратно повесил вещи на спинку стула и нырнул в скрипучие объятия кровати под два одеяла. «Утром попью чаю. Сейчас главное — выспаться, завтра будет ещё тот денёк», — промелькнуло в отяжелевшей голове. И он провалился в сон.

9

Железнодорожный вокзал с восьмигранной башенкой, увенчанной шпилем и звездочкой в венке на конце иглы, остался позади. Сергей шёл вниз по проспекту Ленина по направлению к набережной Онежского озера. В Алма-Ате все было просто: за спиной ледовые шапки гор — идёшь «вниз», перед тобой высится хребет Тянь-Шаня — значит, направляешься «вверх». А петрозаводчане по непонятной для Сергея причине свой город в системе координат «верх-низ» не рассматривали. Для него же было очевидно: в Петрозаводске «верхом» являлся микрорайон Древлянка — он врезался девятиэтажками в массив леса, вынося границу города на относительную возвышенность, «низом» — Онего. Чего проще? Поэтому, когда он утром, перед уходом из общаги, спросил у Любви Петровны, правильно ли он её понял, что ему надо идти вниз, она недоумевающе посмотрела на него.

— Надо идти к набережной, к Онего, — сказала она и на всякий случай даже нарисовала на листке нужную ему часть городской уличной сетки с путеводными стрелками, указывающими, куда именно

надо свернуть. На этом нехитром плане стрелка вела к обедённому карандашом прямоугольнику, обозначающему дом по адресу Куйбышева, 14.

— Вчера звонила девочкам насчёт мест. Говорят, места пока есть, но скоро заезд будет. Спортсмены какие-то приезжают. Лучше всего проехать на троллейбусе, идти далековато, — Любовь Петровна после ночной смены выглядела свежо, чего нельзя было сказать про Сергея. Голова, трещащая от отечественной краски, напряжённо гудела трансформаторной будкой.

Свежесть морозного утра быстро прочистила затуманенную голову. Снега за ночь не прибавилось, а вчерашний успел потерять свою прежнюю белизну, ноздреватый и рыхлый, с въевшимся крапом грязи, он лежал на пожухлой траве вдоль серого тротуара.

Денег было негусто, ноги давно привыкли к физическим нагрузкам, поэтому, не раздумывая, Сергей влился в серую массу спешащих пешеходов. Всё ускоряя шаг, он обгонял одного прохожего за другим. Утренняя улица гомонила сигналами клаксонов, шумом шин, шарканьем ног, людскими голосами. Мимо, урча электродвигателем, набирая ход, проплыл усач-троллейбус. Сергей даже не увидел, скорее болезненно ощутил свою непохожесть на окружающих его людей. Его внешность, одежда, манера говорить, двигаться — всё выдавало в нём чужака, «басурманина». Он даже вспомнил, как царапает его слух местное «пиисять», вместо привычного слова «пятьдесят». Отчего-то Сергей вообразил, что попал в старый монокромный фильм и что его роль — главная, представил себя со стороны — ему показалось, что он единственное яркое пятно оранжевого цвета, бесцельно мечущееся среди медленно бредущей массы людей цвета сепии, мимо этих угрюмых фигур, как доказательство его апельсиново-оранжевой чужеродности. Вдруг в голове что-то щёлкнуло, звуки исчезли, словно кто-то резко выключил тумблер, он выпал из кадра. Ему показалось, что с кадра киноплёнки кто-то властной рукой вышвырнул его в тёмный, пустой зрительный зал, будто он может лишь наблюдать за этой жизнью со стороны. От осознания несопричастности миру людей, спешащих по своим делам, стало страшно. Медленно, как в замедленной съёмке, в полной тишине двигались пешеходы, машины. Для Сергея всё перестало существовать. Его оглушил вопрос: зачем он здесь? Действительно, зачем?.. И с какой целью приехал сюда, в этот город, к этим людям? Чего ищет?

Никто тут в нём не нуждался, никто не ждал. Как нелепо оказаться одному посреди чужого города в окружении тусклых незнакомых лиц! И вовсе они не такие, эти люди, что живут здесь, какими он когда-то себе вообразил. Да что он мог понять за те семь дней, которые провёл в Карелии прошлым летом?!

Сергей прокручивал в памяти кадры годичной давности: вот кружевной поток говорливого водопада Кивач, кижские маковки, как свечечки, в небо тянутся, вот улыбающиеся хорошенькие девчонки-студентки в скверике возле университета, приветливые, доброжелательные лица петрозаводчан. В том году чахлый «татарин» — КАМАЗ, нанятый им для перевозки рыбы, нуждался в ремонте. Пока в Петрозаводске перегружали тюки с замороженной рыбой на хранение и ремонтировали сам рефрижератор, у Сергея появилось время на непредвиденный, так сказать, форс-мажорный, отдых. Тогда в ресторане «Северный» он познакомился с Олегом Вениаминовичем. Фирмач в белом дорогом костюме сначала показывал ему живописные уголки в окрестностях Петрозаводска, потом три дня отдыхали на его турбазе, а затем и на работу к себе позвал... Где теперь всё это?.. Сергей, словно в полусне, огляделся вокруг: прохожие, троллейбусы, дома... Невидимый оператор, будто в старом немом кино, медленно вращал ручку кинопроектора: всё есть — город, люди, только его там нет — он вне кадра. Его не видно, потому что его, Сергея Батько, нет в сценарии жизни этого города.

Стало трудно дышать, как говорится, нахлынуло. Он задышался от злости и досады на себя, вляпавшегося в историю, на бывшего директора (а когда это начальство было хорошим?), что не пустил его переночевать. Злился и на Борю Шалаева, подставившего его с декларациями, на этих безликих людей, путающихся под ногами, на город с его унылой серостью, колючими ветрами и промозглостью. Наверно, из этого плена ему теперь никогда не выбраться. Отправить телеграмму родителям на Украину, мол, вышлите денег? Нет, Сергей не хотел казаться слабым. Сам заварил кашу с переездом сюда — вот теперь и расхлёбывай! Хватит самокопаний. Ещё будет время. Всё! Баста! Кажется, он сказал это в голос. Люди на улице оборачивались, смотрели на него.

Батько с усилием встряхнулся, напрягся, в голове немного прояснилось. Хватит! Итак, Петрозаводск, проспект Ленина, кафе «Кивач» — он снова был в «кадре». Голодный желудок затребовал завтрака.

— Кстати, о каше! — Сергей поднялся на крыльцо.

Посетителей было немного. Прихватив с барной стойки увесистую папку с меню, Сергей направился к столику возле самого входа. Дальше изучения меню дело не пошло. И, хотя было немного стыдно перед хихикающими девчонками за соседним столиком, он всё же, отодвинув громоздкий фолиант с такими же «тяжёлыми» ценами, выскользнул из зала, стараясь не привлекать к себе внимания. В этот день даже завтрак в «Киваче» был ему непозволительной роскошью — экономия превыше всего.

10

Дом номер четырнадцать по улице Куйбышева оказался обыкновенным жилым домом. Сергей, уже готовый обрушиться на «этажерку» из общаги проклятья, не сразу заметил с торца дома ферму — конструкцию из железных прутьев. За решетчатой дверью лестница уходила вниз к следующей, уже капитальной двери, ведущей внутрь в цокольное помещение. Вывеска на двери гласила: «Спортивная база СДЮШОР». Знакомая аббревиатура показалась Сергею знаком свыше. Как-никак, а удостоверение мастера спорта у него имеется! На входе, в углу, за полукруглой стойкой, освещенной едким электрическим светом настольной лампы, восседала неспортивного вида бабка. На коленях она держала маленькую собачку с нагловатой мордой в бородавках и глазами навывкате. Лопухие уши на обтянутом кожей черепае, подрагивая, чутко ловили звуки, долетавшие до цокольного этажа. Ни дать ни взять — как Моська из басни. Может, от переполняющей её гордости и значимости, а может, от сырости в помещении, коричневое тельце моськи мелко дрожало. При появлении Сергея, она вскинула тонкие лапки на стойку. Тельце затряслось ещё сильнее, выбивая темными коготками морзянку по отполированному годами и людьми дереву. В помещении стоял полумрак. Сергей подошёл ближе к сидящей за стойкой женщине. Свет настольной лампы не то чтобы бил в глаза, но мешал разглядеть хозяйку. Раздался простуженный голос с нотками недовольства:

— Быстрее, дверь закрывать надо. На улице холодно.

Из темноты в ореол света от настольной лампы вынырнула женская фигура. Худое, вытянутое лицо в родинках с большими рачьиими глазами вопросительно уставилось на гостя. «Правду говорят:

хозяин выбирает собаку себе под стать», — подумал Сергей, но вслух сказал:

— Мне бы место одно... Сколько стоит проживание?

— Проживание стоит двадцать рублей, а место я могу дать только на двое суток. — Синеватые губы со следами красной помады поджались, превратившись в веревочку.

— Согласен, — в нетерпении выпалил Сергей. Стоимость гостиничного номера поражала своей гуманностью. Он отдал бы и больше, лишь бы прекратить на сегодня мытарства и дать отдохнуть ногам, но главное сейчас — это горячий чай. Бабка поставила собачку на стойку.

— Маленькой холодно? Постой немного здесь, Эльзочка, маме надо работать, — с собакой она обходилась необычайно нежно. Не спеша бабка достала из небольшого сейфа, стоящего тут же в углу, стопку квитанций и, пока «мама» бесконечно долго водила шариковой ручкой по листку бумаги, Эльзочка репетировала цирковой номер — на холодной поверхности стойки отработывала коготками то ли чечётку, то ли чарльстон. В другой ситуации эта картина заставила бы Сергея расхохотаться, но теперь он лишь вяло улыбнулся. Наконец, в обмен на его кровных два червонца, тут же запертых в сейф, он получил воделенный листок. Квиток этот протянули ему очень бледные узловатые пальцы с остатками изрядно облупившегося кроваво-красного лака на острых грязноватых ногтях. Затем лицо вновь ушло в тень, подальше от тёплого света лампы, а худые вампирские пальцы, вцепившись в дрожащее тельце Эльзочки, утащили собачонку за стойку.

— Чего только с голодухи не привидится, — хмыкнул себе под нос Батько.

— Комната номер четыре. В комнате электроприборами не пользоваться. Ключ всегда остаётся у меня. Занимайте любую свободную кровать, — раздался инструктаж из полумрака.

На пороге комнаты Сергей замер и даже чуть присвистнул. Обстановка её во многом объясняла мизерность цены. На пятнадцати квадратных метрах или около того умещалось шесть двухъярусных кроватей, четыре стула, в центре стоял большой обеденный стол. В зарешёченном под самым потолком окне виднелись голые прутья кустов и асфальтированная дорожка, по которой прогуливались чьи-то лишённые туловища ноги. Сергей занял последний свободный нижний «плацкарт». Сходил дальше по коридору в туалет,

набрал из умывальника воды. Долгие частые скитания по сборам и командировкам приучили Сергея быть самостоятельным, дисциплинированным и всегда иметь при себе кипятильник вопреки воплям «этажерок». В пластмассовом стакане с плотно прилегающей к краям крышкой он заварил китайскую лапшу — «бич-пакет», в стеклянном гранёном — чай. Нет ничего лучше обжигающей горячей еды после холода улицы в тепле обрётённого жилища! Сергей откинулся на кровать и, закрыв глаза, блаженно потянулся.

— Молодой человек! Молодой человек! — кто-то настойчиво тряс Сергея за плечо.

Он с усилием открыл глаза. Где он?! Прямо над головой тяжело выгибается провислая железная сеть. В чешуйчатых ячейках торчит посеревший от времени полосатый матрас с жёлтыми разводами сомнительного происхождения. Пытаясь стряхнуть с себя остатки сна, Сергей приподнялся на локоть и вздрогнул сначала от неожиданности, потом от испуга — над ним нависло лицо «этажерки». Вытаращенные глаза, казалось, буравили его насквозь. На рыхлом носу и левой щеке красовались две огромные бородавки с кустами растительности. Не каждый день вот так воочию увидишь страхи из своего детства, локоть сам собой соскользнул, и Сергей уронил голову на подушку — кровать жалобно скрипнула.

— Молодой человек! Я говорила, электроприборами не пользоваться, а у вас — вот, — бабка указала на изрезанный и поцарапанный предыдущими постояльцами стол с лежащим на нём кипятильником.

— Да-да, сейчас уберу, — скороговоркой пробубнил Сергей, портить отношения с дежурной гостиницы в первый же день ему было ни к чему.

Победно вскинув сухонькую головку на тощей длинной шее, она индюшкой с птичьего двора выплыла из номера. Сергей глянул на наручные часы — было без четверти семь. Чёрный прямоугольник окна определённо не мог подсказать время суток. С улицы доносились неясные звуки, а ещё чавканье колёс проезжающих машин. Он тряхнул тяжёлой, словно набитой влажной ватой головой, потёр виски.

В коридоре послышался гомон, шаги. В дверь вошли двое в кожаных куртках с меховыми воротниками. Судя по их запорошенной снегом одежде, в город действительно наведальась зима и холода про-

стоят долго. Парни, казалось, не видели Сергея или не хотели замечать, они вели себя как хозяева. Сняв намокшую одежду и стряхнув подтаявший снег, ребята вытащили из-под своих кроватей большие сумки и стали выкладывать на стол банки с консервами. Только теперь Сергей заметил притуленную в самый угол полированную машину шкафа совдеповского образца. Железная спинка кровати упиралась в фасад шкафа и загораживала его добрую половину, поэтому для удобства дверцы были сняты и вещи висели на виду, как есть, на тремпелях.

Соседи никакого интереса к Сергею не проявляли, пришлось брать инициативу в свои руки — он представился. Даже предложил услуги своего кипятильника — надо было как-то налаживать с соседями отношения. В ответ ребята сухо поздоровались, а на кипятильник даже не взглянули. Сергей не стал настаивать: кто этих карелов поймёт?! Вечно молчаливые, сами себе на уме. Он уже успел познакомиться с карельским колоритом, но пока было сложно определиться, как вести себя в той или иной ситуации, когда общаешься с местными. Вот и сейчас он в полном, как говорится, игноре! Про себя Батько решил благоразумно молчать и наблюдать за соседями, а там видно будет.

Тем временем на полу появилась маленькая электрическая плитка, изрядно закопчённая алюминиевая кастрюлька на пару литров с чёрными от гари боками. На газетке, расстеленной рядышком, лежали приготовленная морковина, несколько картофелин, лук, сало, чеснок. Молчаливые соседи работали слаженной командой, в которой каждый знал своё место и обязанности. Казалось, они понимают друг друга без слов. Скоро в кастрюле забулькала вода, выталкивая со дна на поверхность нарезанные овощи — поварам к осмотру. Непричастный к этому действию, вконец оголодавший Сергей со стороны заворожённо наблюдал, как, приняв жертву из щепотки риса и макарон, вода, затихнув, через пару минут вновь требовала угощения. В ход пошёл пакет с приправами из суп-набора. В этот момент было во всём этом какое-то волшебство — в ловких движениях ребят, в булькающей симфонии кастрюли, в ароматах готовящейся еды. Жёлтый свет сиротливой лампы Ильича вместо рамп освещал импровизированные театральные «подмостки» с электроплиткой, отчего в убогой комнатухе воцарилось даже некое подобие домашнего уюта.

«Сейчас точно бабка придёт. Не отбило же у неё обоняние?.. Даром у неё Моська на коленях — таможня. Как ребята выкрутятся? У меня

вон — кипятильник, а тут настоящая кухня. Предупредить бы...» — подумал Сергей, но, памятуя хмурую молчаливость соседей, вслух не сказал.

Его позвали к столу. Что ж, на такой случай у него, как говорится, было...

Ещё утром Сергей, пожертвовав частью своего выеденного молью бюджета, купил поллитровку «Онежской», её и выставил на стол. Соседи заинтересовались, взглядом смирив бутылку, потом Сергея, переглянулись между собой, мол, это мы удачно его пригласили, и наскоро закончили нехитрую сервировку. Сергей понял: бутылка эта как нельзя лучше подходила под определение из словаря Даля, была — апрапо.

— Что за раствор?

— Чистая водка! — заверил Сергей, он не разобрал, кто именно из ребят спросил, но юмор оценил.

— Сейчас палёнки много. Не отравиться бы. — Оказывается, никто и не думал шутить.

— Слушайте, а бабка ничего не скажет? — Сергей, наконец, задал так беспокоивший его вопрос.

— Тёща, что ли? Нет. Мы изредка снабжаем её конфетами. Здесь так: кто шоколадку приносит, кто конфеты, — ответил один из парней, деловито проверяя содержимое кастрюльки.

Он был сухощав, с вытянутым апатичным лицом и потухшими глазами, будто ему всё равно. Звали его Кирилл. Сергей сразу просёк, что он легче идёт на контакт. Его товарищ — Тимофей, среднего роста крепыш — казался угрюмым. Нижняя губа его была чуть вывернута наружу, отчего лицо его выглядело насупленным.

— Оброк, значит. А почему «тёща»?

Кирилл неопределённо пожал плечами, пожевал вялыми губами:

— Ну... Все так называют. Нам её прозвище по наследству передалось — от предыдущих жильцов.

— Не женат? — вдруг спросил долго отмалчивавшийся Тимофей. Даже Кирилл немного удивился, вскинув брови.

Сергей отрицательно покачал головой.

— Потому и Тёща, — как-то невпопад резюмировал Тимофей.

— У нас всем клички дают, — Кирилл медленно, будто нехотя снимал капроновые крышки со стеклянных банок с разной степенью наполнения. Над столом поплыл заманчивый аромат рыбных кон-

сервов. Домашние! Это тебе не бич-пакеты с резким островатым призывным запахом, бьющим в нос. Здесь совсем другая музыка! Сначала тёплым бризом немного водорослей, чуть кислинки полунамёком о помидорном лете, и вот вступают оттенки приправ — тут уж кто на что учился: лук, чеснок, мускатный цвет, гвоздика, лавровый лист, петрушка, базилик, чабер, фенхель, перец душистый, розмарин, мята, мелисса, бедренец-камнеломка, карри...

Сергей понимал толк в еде — в их семье кулинария, как настоящее искусство, была в почёте. Почувствовав рыбный аромат, он заводил носом: кажется, сижок? Камбала!

— И тебе кличку дадут тоже! — без тени сомнения, словно о неизбежном, сказал Кирилл.

Батько не любил клички и всех знакомых принципиально звал только по имени, но прежде времени устоявшимся правилам возражать не стал.

Тем временем Кирилл развернул на столе бумажный свёрток с пятнами от жирных разводов — там царственно возлежали крупные, сочные куски балыка благородного желтовато-оранжевого оттенка, а рядом — приплюснутый шматок палтуса холодного копчения.

— У нас даже «критик» есть, — продолжал Кирилл, нарезаая ломтики рыбы.

— Критик? — Сергей с любопытством посмотрел на собеседника.

— Да так... — заметив его взгляд, отмахнулся Кирилл. — Есть тут один... Из Пяльмы. Весь как ёж морской. Пишет чего-то. Кажется, Валентином зовут? — он вопросительно глянул на Тимофея, — тот согласно кивнул.

Говорить об этом Валентине явно никто не хотел, и Сергей свои расспросы решил оставить на потом.

Выпили за знакомство. Выяснилось, что ребята работают на железной дороге помощниками машиниста, а приехали сюда из Беломорска на повышение квалификации. Кирилл говорил за двоих, иногда сверяясь взглядом с Тимофеем, — тот кивал в ответ.

— А почему сюда вселились, ваша ведомственная общага куда цивилизнее будет. Я только оттуда, места там есть, — участливо сообщил Сергей. Он хоть ненадолго, хоть на время застолья хотел сблизиться с ребятами и даже доверительно рассказал, что его отец тоже работал машинистом на Карагандинском металлургическом комбинате. После таких откровений он был негласно

принят ребятами если не в ряды железнодорожников, то почти что за своего.

— А что нам? — у нас командировочные: меньше потратим — больше увезём домой. Мы налички по полгода не видим, — невесело ответил Тимофей и налил всем ещё по стопке.

— На следующий год нас обещали направить учиться на машинистов, — Кирилл глянул на товарища — тот согласно кивнул, — сюда хотим перебраться, в Петрозаводск.

— Чего здесь делать? — удивился Сергей, который уже понял, как здесь обстоят дела с работой.

— Как чего? Работать! — по мере убывания «раствора» в бутылке Тимофей чаще включался в беседу. — У нас давно с рабочими местами проблема. Пенсионеры, как клещи, на своих местах — не сковырнёшь их ничем, не вытравишь, — они довольно заржали своей шутке. — Нет, правда, — говорил Кирилл, после ста граммов он стал чуточку заикаться, иногда проговаривать по несколько раз одно и то же слово, будто вспоминая утерянную нить разговора: — Работы... Работы мало или вовсе нет. Строительства жилья, жилья не ведётся вовсе. Не знаю, как здесь, но у нас, в Беломорске, одна часть молодых ждёт, когда уйдут пенсионеры, чтобы занять их рабочие места. Вторая... Вторая — когда вымрут старики, чтобы занять их квартиры. Остальные сами мрут от палёнки, — они снова загоготали.

После каждой выпитой стопки всё реже и реже Кирилл поглядывал за одобрением на своего товарища, пьяная смелость придавала ему уверенности в своих словах и ощущение внутренней свободы.

— Здесь, конечно, тоже не сахар, — снова включился в разговор Тимофей. — Про чёрных риэлторов слышал, что народ спаивают или таблетками травят? Но у нас вообще жесьть. Без их «помощи» город одичает — нюхачи да алкаши одни останутся, — он лихо намахнул из гранёного стакана.

Под водочку в ход пошли рыбные консервы.

— Попробуй, это тебе не фуфел из магазина. Дома-ашня! Сами ловим, сами консервируем, — в широко раскрытый рот он опустил двумя пальцами янтарный кусочек рыбы. Смакуя, пожевал. Сергей тоже насадил на вилку ароматный ломтик.

— Вот ты чем занимаешься?

Сергей от такого вопроса поперхнулся рыбой и кашлянул:

— В смысле, чем занимаюсь?

С некоторых пор это была его нелюбимая тема разговора. Выкладывать всю подноготную не хотелось, он надеялся выкрутиться, уйти от прямого ответа.

— Ну, где работаешь? — На него с любопытством уставились две пары глаз.

Вообще Сергей Батько дал себе как-то зарок не врать. Он, конечно, не святоша, мало ли что может приключиться в жизни!.. Не везде дорога камнем вымощена. Не всегда напрямки по пересечённой местности ходить надо: где обойти болотце вынужден, где за кустом отсидеться придётся. Не так, конечно, как сделал это Боря Шалаев, но напролом не всегда идти можно — это понимать надо, иной раз и в сторонку отойти не мешает — отдышаться да оглядеться. Но и увлекаться враньём — всё равно что одежду с себя снимать в тёмной комнате: рано или поздно кто-то включит свет на всеобщее обозрение. Именно про такое враньё он думал — когда щёки дуешь, напускаешь на себя важности, одним словом пальцы гнёшь. Впряжёшься в воз невыполнимых дел, наобещаешь с три короба, примеришь кафтан купеческий с чужого плеча... Стыдно смотреть в глаза людям потом. Случилась с ним пара таких историй — вспоминать тошно. А ещё страшнее в себя заглянуть. Что увидишь там? Кого встретишь? В темноте на ощупь идти всегда боязно до первого выключателя... В общем, понял Сергей, что быть самим собой гораздо труднее, особенно когда на людях. Но для себя решил: будь что будет, а арабесками украшать себя не станет.

— Лесом занимаюсь, занимался, — поправился он. — Сейчас работу ищу, — он опустил глаза.

Олег уже разлил по новой.

— Вот и тост родился! За твою будущую работу!

Чокнулись, выпили до доньшка.

— А по профессии — тоже с лесом? — закусывая, поинтересовался Тимофей.

— По профессии, мужики, всё гораздо сложнее... Я бой-скаут, — ребята недоуменно переглянулись и снова уставились на Сергея.

— Как это? — Кирилл даже взбодрился, вместо привычного оцепенения в его глазах промелькнул неподдельный интерес.

— Я учусь выживать... — только и успел ответить Сергей, как в дверь громко, настойчиво постучали.

Ребята от неожиданности умокли. Тимофей замер с набитым ртом, так и не успев пережевать очередную порцию балыка, — настороженно выкатив глаза, он вопросительно уставился на дверь.

— Тёща? — шепнул Сергей и предусмотрительно сунул ополовиненную бутылку под стол.

Из-за двери донесся приглушённый девичий смех и возня.

— Мальчики, можно у вас плитку в аренду взять? — раздался кокетливый голосок, а потом ещё неразборчивый шепот.

— А, это девчонки из Апатит, тоже командировочные. Вчера вселились, — Кирилл глянул на Тимофея, тот, проглотив кусок, зазывно махнул рукой, будто приглашая гостей к столу.

— Войдите! — с какой-то особой торжественностью в голосе крикнул Кирилл.

Чуть позже пришёл и Критик. Мрачный, нелюдимый, почему-то Сергей сразу понял, что это был он. Сквозь короткую стрижку жидких волос светился белой кожей череп, из-под щётки бровей на окружающих с недоверием битого людьми зверя смотрели тёмные глаза. Он молча прошёл в свой угол, лёг в кровать, лишь один раз грубовато с нотками раздражения и даже злости обратился к царившему за столом веселью:

— Тише можно?! Здесь люди спят.

Девчонки пригласили ребят к себе в комнату, на этом инцидент был завершён.

11

Утром, пребывая в тупом оцепенении, Сергей ещё долго лежал в кровати, изучая строгий сетчатый узор пружин над головой. Все его соседи давно разошлись по своим делам. Он с завистью думал, что у каждого из них было дело! После вчерашней вечеринки у него немного болела голова, а на душе скребли кошки. Сергей не знал, что ему делать дальше, и эта безнадёга ворочалась болью в груди. Можно было купить водки, но он знал — это пустая трата времени и денег. Лучше от выпитого не станет. Никогда не становилось от этого лучше. Он снова подумал о родителях, которые, конечно, его примут и помогут. Ему так захотелось опять испытать это чувство защищённости, уверенности и тепла, как тогда на курорте в казахском Манкенте...

Маленький Серёжа сидел у мамы на коленях, обнимая её за шею. Он ещё не понял, что произошло, но рядом с мамой было спокойно и легко, будто весь мир вокруг него замыкали тёплые мамины руки. Мама — молодец, ей не было страшно — она сильная, лишь иногда украдкой, чтобы никто не видел, смахивала слезу, когда роняла взгляд на окровавленный бинт на его маленькой ножке. Он помнил всё: как обвалилась под ним земля и он ухнулся в поток водопада, как, цепляясь за ветки ивы, до крови ссадил руки. Почти сразу он услышал тревожный голос мамы: «Серёжа! — звала она его. — Серёженька, ты где?» — ему было смерть как обидно, что не может откликнуться — вода заливалась ему в рот, и он только кашлял в ответ на спасительный призыв. Маленький, он из последних сил держался ручками за торчащий из воды железный прут. Его крутило бурлявым потоком, било обо что-то, накрывало волной, пытаясь отобрать у него, четырёхлетнего, его такую большую жизнь, а он боролся, отплёвывался от настырной упругости воды, хватал воздух ртом. Как же ему было обидно, что за хрипом и кашлем он больше не в силах выкрикнуть одно-единственное спасительное: «Мама!». Конечно же, она спасла его. Но потом они были уже вместе на волосок от смерти. Её затыгивало илистое дно, но притихшего на руках, вцепившегося в неё сына она так никому не отдала, уже не смогла оторвать от себя. Их смогли вместе вытащить подоспевшие на помощь мужчины. Потом выяснилось, что год назад здесь затынуло под воду кого-то из отдыхающих и на это место опустили бетонную плиту, за её арматуру и держался Серёжа...

Больше всего сейчас ему хотелось того тёплого маминого покрывала, как в детстве, когда что бы ни случилось, все неприятности таяли, стоило только маме протянуть к нему руки.

Когда ему порядком надоело вглядываться в ромбы металла и в кем-то обмоченный матрац на постели сверху, он стал смотреть в зарешёченное окно под потолком. На улице уже рассвело, и было видно, как по тротуару за окном вышагивают обутые в тёплое чьи-то ноги. Они тоже куда-то спешили, шагали по своему делу. Обладателей ног не было видно, они жили сами по себе, так он решил, и Сергей стал угадывать, к какому именно туловищу — женскому или мужскому — они могут принадлежать. Это оказалось не таким простым занятием — хорошо, если они были в элегантных сапожках

на высоком каблуке, но многие ноги любили носить унисекс. Иногда ноги вели за собой малышей — ещё совсем маленькие ножки и тела, укутанные до макушки в теплую одежду. Малыши видели всё, потому что находились ближе к земле и были намного любопытнее взрослых ног. Одна малышка в ярком берете и клетчатой куртке заметила его подземное убежище и даже его самого. Он видел, как девочка остановилась и улыбнулась ему, но торопливые взрослые ноги, дёрнув её за руку, потащили дальше.

«Может, написать об этом историю, — вдруг подумал Сергей, и эта мысль чуточку согрела его, — об этих ногах, о туловищах, которые они потеряли и теперь слепо ищут их повсюду? А ещё о тупых головах на этих туловищах, — скептически хмыкнул он, — которые обвинят потом автора в плагиате или в лучшем случае в филистерстве. Тоже мне Гоголь нашёлся! — он снова уставился на ненавистный матрац. — А почему, собственно, не написать! Как будто, кроме «носов» и «ног», больше не о чем писать?!» Повинуясь сиюминутному импульсу, он подскочил к столу, достал свой дневник, набросал пару идей. Прежние переживания исчезли, ему стало легко и свободно, казалось, его душа, обретя, наконец, свободу, вырвалась из плена его тела, из этого подземелья, где Сергей оказался, вдохнула свежего воздуха, готовясь излить всё, о чем так долго переживала, кого любила, чего ждала. Сергей, наслаждаясь давно забытым полётом, размял замлелые пальцы. Осторожно, будто боясь сломать грифель, взял карандаш. Долго размышлял над названием, с чего начнёт, и, наконец, коснулся тонким жалом карандаша белой шероховатой поверхности страницы...

В обеденное время в приподнятом настроении он выскочил на улицу прогуляться до ближайшей «Союзпечати», чтобы купить газету «Всё» — толстый «фолиант» с объявлениями. В голове его зрел план.

Как только он переехал в Петрозаводск, Сергей Батько был сражён тремя вещами: первое и самое приятное — менты здесь в основном были славянской наружности, а не исключительно казахи, как в Казахстане. Второе — печальное: менты везде одинаковые. Третье — полезное: оказывается, здесь ходила по ларькам газета-близнец Алма-Атинскому аналогу «Каравана». Даже шрифт заглавия был схож.

С газетой в руках он пролетел мимо очередной сменной бабульки-сторожа, не забыв на ходу приветливо поздороваться.

- Проживание будете продлевать? — крикнула она ему вдогонку.
- С удовольствием! А как же спортсмены?
- Мало их будет — места есть.
- Давайте я сразу за недельку проплачу!

«Кажется, попёрло! — подумал он, расставаясь с тающими наличными. — Теперь осталось найти работу».

Уже через пять минут Сергей с фанатизмом и жадной деятельностью насидевшегося без работы человека вчитывался в каждый заголовочек, каждое объявление... Слесаря, водители лесовозов, менеджеры по уборке территории (!), мерчандайзеры (чего только не придумают!), охранники, переводчики с финского, большой спрос был на танцовщиц и «девушек от 18 лет для эскорт-услуг». После двухчасового штудирования спроса на рынке труда он пришёл к выводу: город «П» с наскока, пожалуй, не взял бы даже легендарный анархист и до известной степени авантюрист Нестор Иванович Махно. А он, Сергей, всё же попробует! Стараясь мысленно настроить себя на позитивный лад, он выделил простым карандашом подходящие, по его мнению, объявления и стал аккуратно выписывать их в блокнот, особенно чётко, с нажимом выводя адреса и телефоны. Объявления, где требуются охранники, оставил на самый крайний случай.

- Валентин! — Оторвавшись от газеты, Батько поднял глаза.

Увлёкшись, Сергей и не заметил, как вошёл Критик. Он пожал руку, сухую, крепкую, с будто дублёной шероховатой кожей. «Рыбацкая рука!» — подумал он и поймал себя на мысли, что испытывает особое уважение к новому знакомому. В последнее время ему часто приходилось жать такие руки. В офисе таких рук не встретишь. Вот и беломорские ребята тоже в море ходят. Сергей научился чувствовать этих людей, что-то было в них особенное, в манере говорить, двигаться... Пока он ещё не решил, что же именно, как это можно выразить словами, но всегда мог распознать исходящую от них особую уверенность, отличную от городских жителей философию жизни, словно видят её изнаночную сторону. С достоинством несли это знание, будто сами верили: сделаны они из другого теста.

— Работу ищешь? — Критик с иронией скользнул взглядом по исписанным страничкам открытого блокнота.

Сергей перехватил взгляд его цепких глаз, отчего-то ему стало неприятно, будто не в блокноте, а в голове у него пошарились. Прикрыв записи, он ничего не ответил.

— А меня без прописки никуда не берут. Не успел прописаться у себя в дом, всё как-то времени не было, откладывал на потом...

Сергей прикусил губу — а ведь Критик прав! Словно ушат ледяной воды плеснул! Как он мог забыть о прописке?! Кто его возьмёт без прописки, да ещё с паспортом гражданина другой страны?

Ошарашенный Сергей, помолчав, словно в пустоту спросил то ли Критика, то ли самого себя:

— Домой поедешь?

— Пока не решил, — откликнулся Критик. — Есть тут у меня одна «наколка» с пропиской. Попробовать надо...

Удивительно, но Критик, как говорили ребята, действительно оставлял о себе впечатление морского ежа. Его насмешливость, появлявшаяся в голосе, высокомерность, скрытая в уголках рта, взгляд, даже улыбка — всё кололо. Но за этим Сергей всё же сумел разглядеть человека неуверенного, боязливого. К тому же из-за больших, почти во всю радужку зрачков, казалось, что в душе Критика навсегда поселился страх. Был он какой-то весь неудобный, угловатый, неудобный, ненадёжный, рядом с такими людьми чувствуешь себя тревожно — будто у занятой тобой ракушки стоит рак-отшельник: и пригласить внутрь нельзя такого гостя, и самому не уйти по делу — займёт твоё место.

— Газета свежая?

Батько кивнул, он уже догадался, к чему клонит его сосед.

— Она мне ещё нужна будет, — для чего-то сказал он, но протянул уже просмотренные листы.

Сунув в карман записную книжку, Сергей отправился на поиски телефона-автомата договариваться с работодателями о собеседовании. Прикрывая за собой дверь комнаты, он глянул на Критика — тот с головой погрузился в тексты объявлений. Сергей отчего-то вернулся и на всякий случай, если что-то потребуется, прихватил рюкзак со всеми своими пожитками.

12

Составленный после телефонных звонков список встреч Сергей освоил за три дня. Пока толку никакого. Если не считать только того, что отсутствие результата уже само по себе результат. Хватаясь за любую соломинку, Сергей заливался соловьём на собеседованиях, но всё его красноречие в итоге обрывалось примерно следующим: «К со-

жалению, для привлечения иностранной рабочей силы нам необходимо разрешение от Министерства труда», — потом ему сообщали о больших налогах за использование этой самой иностранной силы. По мере уменьшения списка надежда таяла, энтузиазм куда-то испарился, безнадега заглатывала его, парализуя желание хоть что-то делать. Уже на последнем собеседовании из списка у хозяина, судя по всему, выходца с Кавказа, Сергей не выдержал и вскипел:

— Хорош заливать! У вас же на карах одни азеры разъезжают! Скажете, на них тоже есть «разрешение»? — он кивнул в сторону окна.

Там, на бетонированном пяточке, между только что выгруженными паллетами с коробками товара крутились три кара. Подцепив клыками поддон паллеты, они катили к амбару, похожему на гигантскую железную теплицу или капонир, и на время исчезали в его покрытой ржой, ненасытной утробе. Сергей случайно слышал хорошо знакомую характерную гортанную речь, когда проходил мимо бытовки рабочих, расположившихся на перекур. Зря, конечно, он так погорячился. Но уж больно обидно ему стало за себя — что, он хуже тех земляков этого директора, что ли? Лысина директора зарделась «тревожной» электрической лампочкой. С лица цвета золотистого изюма сползла восточная слащавость. Тёмным пламенем вспыхнули угольки глаз и, потухнув, оставили на лице свинцовую тяжесть с нервно пульсирующей жилой на лбу. Сергея под рёв разгневанного босса «торжественно» выпихнул охранник через запасную дверь прямо в пустынный дворик с оборудованной урной для курения. «Кажись, влип. Почему не через парадный вход?» — Сергей заподозрил недоброе.

— Чё ты сказал ему, братан? Я давно не видел его таким, — улыбнулся гнилым ртом под сломанным носом «качок» в форме. Спросил он это негромко, чтобы никто из случайных свидетелей не мог слышать его.

— Сказал, чтобы в туалет ходил чаще, а то его дерьмо начало в характер перерастать, — зло огрызнулся Батько.

— Гы-гы-гы! — осклабился «качок». — Прикольно! Надо запомнить. Шеф сказал поучить тебя немножко, — он легонько стукнул набитыми костяшками кулака о свою ладонь, — но я тебя не трону. Я этого урюка на дух не перевариваю! Но ты сюда больше ни ногой! — он ушёл как ни в чём не бывало, лишь за дверью раздалось его довольное ржание.

Сергей тяжело вздохнул. Глянув на исчирканный лист блокнота с адресами и телефонами, вычеркнул последний адрес, перевернул страницу, где значились охранные конторы, снова вздохнул. Делать было нечего, и, сориентировавшись на месте, он зашагал по ближайшему адресу.

Организация оказалась солидной — с парком машин во внутреннем дворе, на боку некоторых сотрудников, одетых в фирменную форму, пристёгнута кобура. Над входной дверью значилась вывеска «Северная триада». Сергей подивился легализованному русско-китайскому преступному альянсу, но всё же вошёл. Он давно привык к странностям в названиях фирм, чьи создатели, видимо, не совсем разбираются в значении слов. Что поделать, если знание родного языка не всегда идёт в ногу с предпринимательской жилкой, а занятие коммерческой деятельностью на постсоветском пространстве не предполагает образованности... В коридорах конторы царила рабочая суета: бегали рослые парни в форме, деловито спешили сотрудники офиса в белых рубашках и костюмах. Сергей наугад открыл первую дверь. Там в едкой духоте от пластиковых панелей стучали по клавиатуре компьютеров молоденькие девочки. Кто-то, оторвавшись от работы, скороговоркой отправил его «прямо — по коридору — вторая дверь — налево», снова пригвоздив свой взгляд к неживому окну монитора.

В коридоре он столкнулся со старым знакомцем — с Игорем. Вот уж с кем не ожидал встретиться!

— Привет!

Игорь был ошарашен встречей. На его вытянутом от изумления лице угадывалась борьба, как будто он лихорадочно подбирал нужные слова, а к ним и соответствующую маску, не зная, как себя вести с Сергеем. И, хотя длилось это пару мгновений, Сергей успел догадаться, что этой встрече его товарищ не рад. И затеплившаяся было в глубине души надежда остыла, распалая обиду, а за ней и злость.

— Слушай, замотались мы совсем с этими делянками, — начал Игорь каким-то извиняющимся тоном. — Только сегодня из Питкяранты смог выбраться. А Вадон так и сидит там до сих пор. Я думал к тебе сейчас заехать, а ты — вон где! — Он прикрылся деланной безукоризненной улыбкой.

Вообще, Игорь с самой первой их встречи в офисе у Олега Вениаминовича, куда он приехал с коммерческим предложением, вы-

зывал к себе симпатию. Он мог расположить к себе: был приветлив, запросто мог поддержать разговор в компании, часто улыбался, беззаботно, широко, открыто. Потом они ещё встречались несколько раз и даже кутили у Сергея на съёмной квартире по поводу заключения сделки с его конторой. Сергею тогда Игорь показался надёжным, поэтому искренне поверил в предложение работать с ним и с Вадиком, его компаньоном по бизнесу. И всё-таки Сергей ошибался.

Долгими часами обмозговывая ситуацию, в которую попал, когда остался совсем один в чужом городе, Батько мысленно готовился к тому, что рано или поздно он встретит старых приятелей. Сейчас он моментально сориентировался, спокойным голосом, но без дружеского тепла, как случайному прохожему, ответил:

— Я выехал из квартиры.

Игорь открыл было рот, чтобы прокомментировать эту новость, но тут где-то за спиной у Сергея обиженно гаркнули:

— Игорёха, долго тебя ждать?! Чего мобилу не берёшь?!

Сергей обернулся — в конце коридора стоял Вадик. Он тоже узнал Сергея.

— О! А вот и Вадик подъехал, — едко усмехнулся он.

— Привет, Серёга, — Вадик подошёл, поздоровались. Обменялись ничего не значащими фразами типа: «Как дела?» — «Нормально». Неловкость повисла в воздухе. Для всех эта встреча была нежеланной, но по старой памяти приходилось разговаривать.

Изображая занятость, Игорь достал из кармана брюк новенький телефон «Нокиа-310», миниатюрный, престижный, не то что огромные «Моторолы». Такую штучку Сергей видел только у Олега Вениаминовича.

— Связь плохая! — Игорь глянул в чёрно-белый монитор. — Глушат они её здесь, что ли? — он посмотрел на Сергея, мол, соврал немного — есть у меня телефон — ну и что? Его глаза ехидно заблестели.

— А ты что здесь, работу ищешь? — пойманный на вранье, Игорь, нагло глядя на Сергея снизу вверх, высокомерно выдал: — Ехал бы ты домой к ма... — он осёкся, не успев договорить, к кому именно советует ехать. Вадик предостерегающе пихнул его в бок под рёбра кулаком.

В душе у Серёги всё кипело.

— А ты, я погляжу, опередил меня. Нашёл? — с издёвкой, задрвав подбородок, спросил он. — Бывай мелюзга — мне не до вас!

С трудом придушив в себе злобу, чтобы не тратить силы на перепалки, Сергей пошёл по коридору, прислушиваясь к офисному галдежу за спиной, надеясь, что его бывшие друзья-приятели крикнут вслед какую-нибудь гадость. Как он хотел услышать от них что-нибудь нехорошее в свой адрес! В последние дни бешеный гнев частенько разрывал его, энергия требовала выплеска, но он сдерживал себя. Уж теперь он не упустит момента! Страсть как чешутся кулаки! Уж он отыграется вволю за все свои несчастья! Хотя, если уж по существу, эти карельские парни-то как раз и ни при чём вовсе. Но в Батько всё клокотало: «Всё равно побью! Будет у меня гадёныш ходить чемпионом NHL — с выбитыми зубами! Работу ищешь? Ехал бы ты домой к... К кому?» До Сергея вдруг дошёл смысл недоговоренного, обидного, за что не прощают. У нужной для него «второй двери налево» он резко обернулся, собираясь было догнать обидчика. Но Игоря и Вадика в коридоре уже не было...

Когда Батько вернулся в гостиницу, сумерки вынудили его щелкнуть выключателем лампочки. Тусклый свет осветил комнатуху. Хотелось посидеть спокойно за столом и подумать. Поглядывая на Критика, Сергей наблюдал, как взгляд Валентина, проспавшего пару часов на нижней койке, набираясь осознанности, рвал путы сна. Наконец, тот свесил ноги с кровати, повёл плечами, распрямился, широко зевнул, глядя на торчащий из рваного носка большой палец левой ноги.

— Выпьешь? — негромко спросил Сергей.

Критик сверился с чёрным прямоугольником окна:

— Сколько на часах?

— Около семи вечера.

— Что-то случилось? — Окончательно проснувшись, Валентин впился в него глазами с большими, почти во всю райку зрачками.

— Случилось!

— Не поможет это, — спокойно констатировал Валентин.

— Знаю!

— Тогда наливай, — он пожал плечами, мол, раз такое дело, то почему бы и не выпить?

Последние три дня, проведённые в «ночлежке», или, как Сергей окрестил спортивную базу, в «ООО на Дне», они с Валентином при-

сматривались друг к другу, иногда бросая в спину любопытные взгляды или открыто глядя в глаза. Их повышенный обоюдный интерес не был частью обычного знакомства. Взрывной и колкий, с одной стороны, и рассудительно-вежливый — с другой, они были скорее антиподами. И тем не менее оба — и Сергей, и Валентин — уловили схожесть взглядов на жизнь друг друга, хотя никогда не говорили об этом. Впрочем, как и на любую другую тему, обмениваясь лишь пустыми фразами. Но что-то неотвратимо тянуло их друг к другу, и никто из них не мог понять, что именно. Наверное, это называют родственными душами. Сегодня, выйдя за ворота «Северной Триады», Сергей решил, что обязательно с кем-нибудь выпьет, и этим «кем-то» в пустом номере оказался спящий Валентин.

— И всё-таки что за «праздник»? — Критик посмотрел прямо из-под кустистых нахмуренных бровей.

Но Сергей уже знал — за хмуростью своей прячет он боль и тоску, что засели у него в зрачках, поэтому и не скрывал, знал — поймёт его Критик.

— На последние купил, — ответил Серёга, устало глядя ему в глаза.

— Странно. Никогда бы не подумал, что с тобой такое может случиться.

— Это почему же?

— Держись ты как-то... — он ненадолго задумался, посмотрев куда-то в сторону, — уверенно, что ли, будто тебе всё нипочём. Поначалу думал — ты из богатеньких. Сюда ради хохмы поселился, знаешь, сейчас многие богатеи нервы себе щекочут. Мозг заплыл от денег — вот и придумывают себе занятия поадреналинестее. Кто без воображения — в магазинах с полок товар ворует, а кто — на острова необитаемые без спичек и снаряги на пару недель на выживание.

— А может, я и есть богатенький, — улыбнулся Батько.

— Не-а, — Валентин мотнул головой, — я знаю их. Со многими встречался. Когда речь заходит о бизнесе или там о деньгах, у таких лицо меняется, становится отрешённым и глаза будто стеклянные. Был человек рядом с тобой и нет его — стал счётной машинкой. У тебя такого нет — я наблюдал.

— А ты от кого прячешься? Я ведь тоже наблюдал, — нашёлся чем ответить Сергей.

Валентин резко выпрямил сутулую спину, как от удара. Вцепился в Сергея глазами. По всему видно: неприятен ему был этот разговор, но всё ж таки ответил:

— Да так, от себя, наверно.

— Откуда сам-то? — сменил тему Сергей.

— Из Пяльмы. Слышал?

Сергей не слышал, но для вида кивнул.

— Вот, у меня здесь на закуску есть немного... — Критик полез в сумку.

Валентин как-то уж очень обыденно, скромно, даже как будто стесняясь, поставил на стол литровую банку, а в ней — под завязку величиной чуть ли не с горошины янтарные бусины икры! У Сергея от удивления расширились глаза. Должно быть, такой восторг испытал Али-Баба, найдя в сырой, затхлой пещере несметные сокровища.

— Откуда такое чудо?!

— Так сам поймал, — Валентин удивлённо пожал плечами. — А что, у вас в Казахстане нет?

— В таких количествах не видел, — Сергей открыл банку, потянул носом воздух, ахнул и, не жалея, подцепил полную ложку икры. — Лососевая? — в свете электрической лампочки он рассматривал, как переливается янтарная горка.

— Угу, вообще-то я её не ем — не люблю. Я икру собаке отвариваю — она любит. А сюда взял на всякий случай. Может, Тёще?

— Обрыбится Тёща! Хотел бы я хоть немного в будке твоей собаки пожить! — Сергей, прикрыв глаза, с нежностью положил ложку в рот. А потом ещё долго и восторженно мычал, перекатывая икринки во рту на зубок.

— А чёрной икры у тебя, случаем, нет? Или твоя собака только красную любит?

Они рассмеялись.

Разговор потихоньку пошёл, сдвинулся с места. Настороженно, хоть и с любопытством, обходя раньше друг друга стороной, теперь, будто восполняя утерянное время, они жадно, без умолку говорили, наслаждаясь общением. Рассказывали о себе, о людях, с кем раньше довелось встретиться, чем занимались, как выживали в перестроечное время. Пришедшие со своих занятий беломорцы с удивлением наблюдали за их оживлённой беседой.

— Ты неправильно ставишь вопрос, Валентин! — За час с небольшим, что они общались, им казалось, будто знают друг друга целую вечность.

— Задавать вопрос надо таким вот образом: не «почему», а «для чего»!

— Допустим. Хорошо указывать на чужих примерах! А сам-то ты «для чего» здесь оказался? — Валентин вошёл в азарт. Раскрасневшийся, он то и дело подпрыгивал на стуле в поисках нужного довода.

— А я скажу, — Сергей тоже оказался тем ещё спорщиком.

Облокотившись спиной о спинку стула, он выглядел расслабленным и спокойным, лишь говорил чуть громче обычного и рукой жестикуюлировал, будто вдалбливал в голову прописную истину оппоненту-упрямцу.

— Очень удобно жить в парадигме «почему?» — жалеть себя умного, недооценённого! — Сергей считывал понятливые взгляды Валентина, и ему было приятно вворачивать умные словечки. — Зачем работать над собой в парадигме «для чего»? Кто этот труд заметит, оценит, кроме тебя самого? Проще обвинить весь мир, что ополчился против тебя. Сначала — учительницу, поставившую несправедливую отметку в школе, потом — удачливого торговца, занявшего твоё место за прилавком, бандитов, обложивших тебя данью, самолёт, на который ты опоздал, да мало ли что в жизни у нас не так! А ведь она, жизнь-то, для первого раза раздаёт шлепки лёгонькие — мол, учись, студент, куда прёшь, что творишь. А потом, после подзатыльников этих, пинками лупит — оглянись! Посмотри вокруг — той ли дорогой вьючным животным упираешься? Ты же человек, а не осёл! Раньше и я всё время почемукал. Как же, все мои друзья в бизнесе преуспели — машины, квартиры купили, в Эмиратах отдыхают, чем я хуже? Или другое — вместе вроде работаем, и уж наверняка знаю, что лучше, честнее я свою лямку тащу, а пройдоху, что рядом со мной от работы отлынивал, мне в начальники ставят. Где справедливость?

Валентин задумчиво пожевал губу, а Серёга продолжал:

— Все мы люди-человеки, одинаково любят всех нас там, наверху, — Сергей поднял указательный палец в потолок, — а у этого, что надо мной поставили, может, последний шанс выпал в жизни устроиться! Может, жизнь чья-та от этого зависит? А ты подумай, ДЛЯ ЧЕГО с тобой так «неблагодарно» обошлись? Что тебя поджидало впереди на этом занятом не тобой кресле? Оглянись ещё раз, прежде

чем сетовать на судьбу-злодейку, на своём ли ты месте? Вот и перешла жизнь от шлепков нравоучительных мне по затылку к пинкам под зад, сначала — из бизнеса, потом — из Казахстана сюда, в «ООО на Дне»! Отдышись, мол, и подумай. Вот и залёг я, как субмарина, только перископ один и торчит.

Разгорячённый Сергей не сразу заметил, как подошёл к столу обычно молчаливый Тимофей, теперь он был взволнован, глаза горели на покрасневшем лице. Посидели ещё чуток, погудели. Попозже на нетвёрдых ногах Сергей Батько отправился в номер к Насте из Апатит. Ему нужна была женщина, просто необходима, хоть поговорить, посидеть рядом, почувствовать тепло её тела. Это только кажется, что ему всё нипочём. Он решил, что останется у неё на ночь, знал — Настя не откажет ему. Утром, когда возвращался к себе в номер, он случайно услышал, как между собой ребята уважительно звали его «Батя», хоть и не по годам такое прозвище, зато в точности по его родной фамилии. Кличку Сергею всё-таки дали. «Батя, значит», — улыбнулся Сергей, и на душе стало тепло и спокойно.

13

В поисках работы время летело незаметно. Вот уже декабрь накинул на их окно морозную тюль. Утром он отправлялся в город по намеченному с вечера маршруту, изучая по дороге объявления, расклеенные на столбах, остановках или подъездах. Они снились ему по ночам: потрёпанные ветром, пожухлые, выцветшие, ослепшие на солнце, безликие листочки. Развешанные повсюду, они недобро щерились ему редкими старушечьими зубами с еле различимыми следами телефонов и адресов. Он вырывал очередной «зуб», клал его в записную книжку и шёл по указанному адресу. В своих снах Сергей почему-то всегда забывал нужный адрес или терял записную книжку.

Прибранный за ночь пушистым снежком город встречал его обжигающим гортань утренним морозом. На улице непривычно темно, долго не светало — не в пример южным широтам. Мерцающий в предрассветном сиреновом мареве снег хрустко отзывался под ногами, иногда, укутав тусклое белёсое северное солнце непроглядной мглой, в подворотнях и на улицах по-февральски выла раненым зверем метель. Совсем как в его детстве в северном Казахстане, в Караганде, тогда по радио, прервав напевную домбру, диктор со-

общал, что школы города сегодня для детей закрыты. Звучало привычное: «Говорит Алма-Ата. Алма-Атинское время — семь часов, — и сразу после этого: — Аматыдан сойлеп турмыз. Алматы уакыты сегиз сагат». А потом опять лёгким степным ветерком прокрадывался под толстое пуховое одеяло к укрытому с головой Серёже голос Розы Рымбаевой... В такие дни у него был выходной. Дождавшись, когда родители уйдут, он доставал из школьного ранца свой дневник, присаживался к столу, долго размышлял над чем-то. Сидел твёрдо, недвижно, почти не меняя позы, будто вслушиваясь в завывания ветра за окном, а потом, скинув с себя оцепенение, начинал писать. Время от времени он вскакивал. Нервно прохаживался по привычному маршруту «дверь-окно-стол», снова садился и брал в руки карандаш, чиркал, стирал зачирканное ластиком, притороченным к тыльной стороне карандаша, и снова корявые буквы, сложенные в слова, то торопливо, то мучительно долго, но упрямо заполняли расчерченные в клеточку листы.

Критик был прав — без прописки нечего было соваться в приличные заведения. Даже в конторах поскромнее отпугивал его бирюзовый паспорт. Временная регистрация подходила к концу, неумолимо приближая вопросы от ведомственных служб. В эмиграционной службе, куда он пошёл, чтобы встать на учёт для получения гражданства, ему сказали, что необходима триждыклятая прописка и справка с места работы, в паспортном столе — что для начала нужен паспорт гражданина России. Он окончательно запутался в законодательных хитросплетениях, каждый из чиновников гнул своё, был своего рода Пеле, ловко отфутболивая просителя в очередной кабинет. Сергей похудел, стал раздражительным. Деньги, что у него были, давно кончились, и он довольствовался заработками грузчика, которые периодически ему подбрасывал Валентин — он халтурил на овощебазе и в авральные дни брал с собой Сергея. Он давно смирился с тем, что без паспорта клерком в офис его никто не возьмёт, и рад был выполнять даже такую отупляющую, тяжелую физическую работу. Наверное, надо было попасть в «ООО на Дне», чтобы по достоинству оценить все прелести «белых воротничков» офисного планктона. Может, зря взбрыкнул он тогда перед Олегом Вениаминовичем? Ходил бы сейчас — улыбался Боре Шалаеву, приседал бы перед его «оранжевыми» штанами и делал «ку» — куда проще? Ан, нет! Знал:

не смог бы. И дело было не в гордости или нетерпимости к «цветовой дифференциации штанов в обществе», Сергей на дух не переваривал наушничество, подлость, интриги, без которых, видимо, в офисах разного пошиба никак не обойтись.

Конечно, и в бригаде грузчиков — его новых знакомых — случались трения, но всё это скорее напоминало неприкрытую возню самцов за альфа-первенство в самом своём изначальном животном смысле, и это казалось Серёге честнее, хотя от правил, царивших здесь, он тоже был не в восторге. В бригаде вели себя без лишних заморочек: расспросами не докучали, говорили на прямо-ту, не заискивали перед начальством, за воровство среди своих били в рожу, сворованный у барыги-растяпы товар делился поровну, каждый работал, кто как мог, и в конце рабочего дня за стаканом «кислого» и бранной руганью получал от альфа-самца — бригадира «справедливо» заработанную долю. Батько приняли в свой круг, хотя он не прилагал к этому ровным счётом никаких усилий. Разве что придерживался заведённых тут правил. Все привыкли к его молчаливости, замкнутости, без подозрений, как к чудачеству, стали относиться к отказам от пиратской добычи в конце смены. Сергей осунулся, над заострившимся носом, между бровями, залегла глубокая скорбная морщинка.

Серыми нескончаемыми днями тёмный омут безнадёги крутился в его голове, рвал на части, перемалывал картинки из прошлой жизни. Мимо проплывали плавательные сборы, трудовая «повинность» на даче у родителей, тренер, крутились восточные базары, братва, менты. Мельтешила разноцветными фантиками валюта всех мастей. Каруселью неслись кабаки, «веселухи» с друзьями, случайные девичьи, дороги, снова бандиты, разборки и... конечно, Аня... Сергей много думал, размышлял — выуживал из муторного омута вывернутые наизнанку прошлые дни, выискивал, собирал по крупичкам, складывал рваные края пазлов замысленных ценностей, скраивал для себя новые правила, по которым собирался жить дальше... Когда становилось невыносимо тошно, Сергей доставал дневник, брал в руки остро отточенный карандаш и долго увлечённо писал.

14

Чтобы хоть чем-нибудь занять себя, в один из свободных дней Сергей решил вывести оставшиеся вещи с бывшей съёмной квартиры.

— А, Серёженька, — соседка Ивановна открыла свою дверь на требовательный стук. Впервые она почему-то ему улыбнулась. — Похудел, что ли? А у Клавдии никого нет. Как ты съехал, так там никто толком и не жил.

— Как же? — Сергей искренне удивился. — Она ведь дочери своей хотела квартиру оставить...

— Слушай её больше, — понизив голос до сплетни, зашушукала она. — Клавдия другого постояльца нашла — подороже решила квартиру сдать, — с неприятными злорадными нотками в голосе громко шептала она, — а он возьми и вынеси всё из квартиры!

— Как «вынеси»? Там брать-то нечего! Телевизор разве сломанный...

— Вещи какие-то вынес.

— Так там же мои вещи! — ахнул Сергей. Всегда относившийся к вещам равнодушно, ему вдруг стало безутешно жаль своих фирменных рубашек из «Quicksilver», привезённых ещё из Москвы, когда челночил, костюмов и футболок «Arena», кожаных фирменных перчаток на зиму и главное: его спортивной сумки с надписью «Казахстан» по бортам. Ведь купить новое теперь не на что! «Может, врёт эта очкастая гадина, выдумала мне назло?! — цеплялся он за призрачную надежду. — Но какой ей в этом прок? Стоит ухмыляется!» — закипал он.

— Вот твои, значит, и вынес, — Ивановна с любопытством мучительно блестела окулярами.

— А вы на что?! Вы же целыми днями дома сидите! — взорвался Сергей, сжимая кулаки, чуть было не кинулся на бывшую соседку.

— Нечего было оставлять — не камера хранения! — рявкнула Ивановна и тут же прикрыла дверь. — Ишь — «дома целыми днями!» Одна работать не хочет — квартиру сдаёт, другому лень было свои вещи забрать! А я теперь виноватая! Ищи теперь сам Клавку, пусть компенсирует кражу. Сюда не приходи! — Она окончательно захлопнула дверь.

А он и не собирался приходить, что теперь поделаешь? Кто его вещи вернёт? Кто оценит выданную ему по линии сборной сумку, костюмы? «А эта хозяйшюшка, Клавдия, тоже мне — святошей прикинулась, бабка — божий одуванчик! Чего её послушал? Надо было гнуть своё, вытрясти из неё душу, кто вступится за нищую старость, зачем деликатничал? Дочь у неё приехала, видите ли... Да что же это

творится-то, а?!» — в душе Сергея от гнева всё кипело. Что же такого он совершил в жизни? За что ему всё это? Ведь «не убивал» же, как говорится, и «не грабил лесом». Сколько ему ещё мыкаться?! «Придумал же: парадигма «для чего?» — философия для нищих и неудачников!» — клял он себя. Почему он не может быть врачом, ловчить, идти по головам к своей цели? Слабак и гуманист — быть у колодца и не напиться! «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» — вот кредо современности, которое нужно принять. Быть, как они — «вершители судеб»?! Но что же делать, если не по нутру ему дешёвая власть владельцев «газет и пароходов», а по сути: власть «этажерок» и «гардеробщиц» — владельцев ключей от номеров и номеров от вашей одежды?! Как быть, если не приемлет он всякую власть над человеком?! И что ему делать теперь с собой таким?

И горько ему было от мыслей этих, и больно так сжалось сердце. Снова он шёл по ненавистной тёмной улице Чапаева, колким снегом вьюжило в лицо, хоть волком вой, и неуместно радостно, с надрывом бухает музыка в кабаке «Flash». Одним словом, дежавю, и вырваться из этого порочного круга уже не доставало сил.

«Сергей?!» — его кто-то окликнул из темноты салона машины, прижавшейся к обочине. Он нехотя подошёл. За баранкой тонированного «лупатого» «Мерседеса» сидел Олег Вениаминович. Сытый, в дорогом костюме — тот ещё франт! В приспущенное окно был виден кожаный салон, из динамиков бархатным голосом Розенбаума льётся «Вальс-бостон». Панель светится приглушённым умиротворяющим светом синих, красных, жёлтых огоньков. Из тёплого салона пахнуло цветочным ароматом. Волшебный, абсолютно другой мир!

— Ты куда пропал?! Почему не позвонил?

— Здравьте! Как «куда пропал»?! Вы же сами сказали: «Нет!» — с вызовом с горькой ехидцей в голосе отозвался Сергей.

— Ты быстро трубки кладёшь, — примирительно начал он. — Я хотел тебя домой пригласить, чего тебе в офисе делать?

«Вот так поворот!» — подумал Батько. Он моментально остыл. Испарилась злость, исчезла обида, словно его разоружили, сняли тяжёлые латы. Он вдруг сник, им овладела усталость и безразличие. Олег Вениаминович смерил его взглядом, задержался на опущенных глазах.

— Садись, подвезу, куда надо, заодно расскажешь, чем занимаешься, — дотянувшись до ручки, он приоткрыл переднюю дверь, приглашая в салон.

Машина припарковалась по улице Куйбышева, напротив входа в спортивную базу.

Проговорили они около часа. Сергей рассказывал, как сложились дела и что пережил.

— Да-а, дела, — протянул Олег Вениаминович, нарушая долгую тишину после их разговора. — Ладно, придёшь завтра в офис. К себе обратно брать не стану — правило, — сказал сухо, — но что-нибудь придумаем, пока паспорт не получишь — потом уже сам, как знаешь. Кстати, что с паспортом?

— Требуют какого-нибудь подтверждения, что я из Казахстана. Говорят, фамилия у меня не казахская, а паспорт можно и подделать!

— Хе-хе, так и сказали? Я позвоню, кому надо, вопрос решим. Возьми мою визитку, со всеми своими бумагами зайдёшь в тридцать третий кабинет, скажешь — от меня. Ну, бывай. Не забудь: завтра — ко мне. Я тебя сдёрнул с места, чем смогу — помогу первое время, — и, немного помолчав, добавил: — А насчёт Бори ты прав оказался — я разобрался во всём. Уволил гадёныша. Так что за мной должок.

«Ну и дела! А Олег Вениаминович-то — человечиче!» — размышлял ночью в постели Батько. Сергей не знал точно, радоваться ему этой встрече или нет. Сердце, как ни старался сдерживать себя, радостно пело в груди — теперь всё будет иначе! «Опять довериться?!» — пытался охладить сердце рассудок. Уж больно хорошие учителя попадались ему в последнее время. Но Олег Вениаминович зря посулов не давал — уважал себя, твёрдость данного им слова. Сергей не заметил, как принял решение. Да и не мог он отказаться от помощи: когда тонешь, схватишь всякий круг, брошенный навстречу, важна каждая протянутая рука. Оно, может, действительно всё к лучшему? Может, и правда, нужны были для чего-то его мытарства? Сколько всего передумано, перелопачено... Ещё в Казахстане, копаясь в книжках по психологии, которые Сергей особенно любил, у Леви-Стросса он вычитал: «Миф — это ответ, к которому мы ещё не выбрали свой вопрос». Может, надо чаще задавать вопросы, чтобы пытаться понять, разобраться в жизненных хитросплетениях, в самом себе?

Он почувствовал произошедшие в нём изменения, стал уверенней в своих силах, закалился духом, словно сунули кувшин в печь для обжига и сдужила глина, проявился, заиграл рисунок на покрытых эмалью боках, наливай в сосуд хоть по самые края — ни капли не обронит. Этой ночью Сергей долго не мог заснуть, а ещё затемно, скоро накинув одежду, он выскочил в морозное утро.

В паспортной конторе бумаги у него взяла улыбчивая и вежливо-обходительная женщина лет сорока. Вернее, она стала такой сразу, как только, прорвавшись через преданную своему делу крикливую дамочку, Сергей чуть ли не вбежал в дорого обставленный кабинет и вручил строгой хозяйке визитку, отбиваясь другой рукой от возмущённого усердия секретарши.

— Через пару неделек подходите за паспортом,— добродушно улыбаясь, сказала хозяйка кабинета,— привет передавайте Олежке, Олегу Вениаминовичу,— поправилась она.

Дальше — в офис к Олегу Вениаминовичу, как договаривались. У входа Сергей чуть не столкнулся с Игорем. Он был в компании с одним типом, показавшимся уж больно знакомым. Высокий, крепко в плечах, белёсый с серыми глазами и отталкивающе маленькими зрачками. Где же он видел эти злые звериные глаза? Они даже не поздоровались. Расставив шире локти, словно перекаченный амбал, Игорь гордо пронёс своё щуплое тело мимо Сергея, едва доставая головой до его плеча. Смешно.

— А, это ты... Проходи,— Олег Вениаминович привстал с кресла, поздоровался.

— Видал, Фонарик забурел совсем! Договор выполнять не хочет. Привёл тут одного чёрта на разборки.

— Какой Фонарик? — лицо Сергея изумлённо вытянулось.

— Ты разве не знал, что Игорек многих кинул. Он уже, как ты выражаешься, пол города на фонарь посадил. Не думал, что он против меня пойдёт. Зря я с ним связался, — и чуть позже: — Ничего, разберёмся, — сказал — и по шкуре мороз от его слов, и смотрит остеклелыми глазами. — Ладно, это мои дела. Ты говори, что у тебя нового?

Олег Вениаминович пообещал помочь ему с работой. Сергей сам выбрал охрану. График удобный — сутки через трое, есть время заняться его писаниной, а там видно будет.

— Почему охрана? — Олег Вениаминович не скрывал своего удивления. — Может, в лесную контору или в строительную компанию менеджером? Я попрошу — возьмут и без паспорта.

— Нет. Я так решил, — кажется, его бывший шеф разочаровался в нём окончательно. Сергей не хотел говорить ему об истинной причине его решения — не поймёт. Что-то произошло внутри него, что-то вызревало. Он сам ещё не совсем понимал, что же случилось с ним, за то время что провёл он на спортивной базе. Хотелось разобраться в своих чувствах, желаниях и, конечно, дописать то, что так долго вынашивал в себе. И потом, как сказал бы его тренер, «перегорел» он. Чего он там не видел в этих офисах? Опять интриги, тычки локтями коллег, спесивые взгляды от «опытных» работников, одним словом — шалаевщина! Ну их всех к чёрту! Сергей уже не рвался в офисные работники — решил взять тайм-аут. Слишком непросто прошли для него эти передрыги — крепко досталось, не потянет сейчас такую работу — будет осторожничать, перестраховываться. Одним словом, в ту же реку попасть не хотелось — надо было сначала разобраться кое в чём.

С Олегом Вениаминовичем они договорились о звонке, холодно расстались.

Ловя ртом снежинки, Сергей впервые за эти дни почувствовал себя беззаботным, счастливым. Надо было это как-то отметить. Давно он не баловал себя вкусеньким, бич-пакеты уже видеть не мог, а тут вдруг решил: будь что будет — куплю. Порылся в карманах, сгрёб мелочь в кулак, пошелестел двумя бумажками — хватит.

— Девушка, дайте литровую «Кока-колы» и чипсов.

В комнатухе никого не было. Сергей скинул куртку, обувь и растянулся на своей койке. Чипсы закончились быстро. Довольный Батько полулежал, переваривая события последних дней, потягивал «Кока-колу», щурился на жёлтый свет электрической лампочки под потолком. «Да, есть свет в конце туннеля!» — от этой мысли хотелось жить.

15

С паспортом дела пошли веселее. Сергей устроился на работу в охрану, работал по графику сутки через трое. И хотя деньги платили небольшие, за то на съёмную комнату было вполне достаточно. Сергей уже присмотрел одну недалеко от работы. И потом, он же халтурить может во время положенных для отдыха дней. Со спортивной

базы он пока не собирался съезжать — копил на съёмное жильё, потому что хозяин просил за полгода вперёд.

Уехал и вернулся через два месяца Валентин. Приехал с радостной вестью — помирился с женой, она, как оказалось, в положении, и теперь в назначенный срок у них родится малыш.

— Компьютер буду покупать. Пока только бэу, разбогатею — новый возьму. Надоело в редакцию каждый раз ездить. Кстати, вот, посмотри: написал для журнала — там мои комментарии к прошлому номеру, обо всех авторах понемножку написал, — он протянул жёлтые листы с печатным текстом.

— А почему такое название: «34»? — поинтересовался Сергей, пробежав глазами по первым двум страницам.

По-отечески внимательный взгляд Валентина, выражающий глубокое почтение к читателю его трудов, теперь сменился на яростно-возмущенный взгляд редактора, потратившего в пустую время на бездарность, стоявшую рядом.

— Здесь об этом в самом начале! — подпрыгивал он рядом в нетерпении всё разъяснить. — Читай внимательно: «34» — тридцать четвёртый номер этого журнала.

Как оказалось, беломорчане были правы: Валентин действительно писал критику и даже издавался в каких-то районных газетах. Писал он и в крупные издания республиканского значения, и даже как-то вышла его статья в журнале вроде этого. Он неохотно говорил о своём хобби, как мог, скрывал увлечение. В его родном посёлке считали, что бестолковее, чем писать в газеты, занятие трудно придумать, когда Онего под боком да в лесу и на болотах в сезон заготовок грибов с ягодами тьма — только успевай в приёмные пункты таскать. Хотя народ там, по большей части, живёт читающий — истрёпанную годами, давно забытую властями библиотеку местный люд уважал, по-прежнему, как и в доперестроечное время, ходил туда и стар, и млад за обтерханнкими томиками, и хоть зарплата плёвая, копеечная, но библиотекарь всегда был в посёлке на хорошем счету.

— Заголовок — половина успеха, — учил он Сергея, — он должен быть ярким, объёмным и интригующим в то же время.

Сергей замылся, будто хотел перебить, сказать что-то важное, то, что уже давно вертится на языке. Валентин, давно подметивший эту манеру своего товарища, спросил, прервав свои пафосные измышления:

— Давай, чего там у тебя?

Батько кивнул, приподнял уголок матраца на своей кровати и вытащил оттуда толстую тетрадку.

— Вот, — сказал он смущаясь, — посмотри, если интересно.

Валентин открыл глянцевую обложку тетради, перевернул первую страницу, за ней — вторую, посмотрел, как показалось Сергею, с удивлением на него:

— Почему раньше не сказал, что пишешь?

— Пока не было, о чём говорить, — только написал.

Опять он кинул на него удивлённый взгляд. Нет ничего мучительнее, чем ждать решения строгого судьи. Как говорится, «казнить нельзя помиловать» — ждать ту самую пресловутую запятую, которая может перечеркнуть всё. А лицо Критика ничего не выражало — Критик он и есть критик! Нахмуренное, сосредоточенное лицо, лёгкий наклон головы свидетельствовали о погружённости в чтение. Послунявив палец, он неторопливо перелистывал страницу за страницей. Для Сергея эти минуты стали пыткой — вот так сидеть и гадать, что же думает Критик. Чтобы развеяться, Батько выскочил на улицу на давно утративший былую силу морозец. Улица уже шумела слякотью тротуаров под ногами, подтаявшей ледяной крошкой под колёсами машин, и над всем этим стоял радостный, неистовый ор весенних птах. Март подходил к концу, день становился длиннее, и Сергей знал, что осталось не так уж много времени, когда ночью будет совсем светло — не в пример южным широтам. Он выбежал из комнаты, не накинув куртку.

Батько не на шутку разволновался. Он впервые решился показать, что пишет. В школе на уроках литературы Сергей чувствовал себя как рыба в воде. Рассказать о характере героя — пожалуйста, о чём хотел поведать в своём произведении автор — не вопрос, сочинение — с удовольствием. В спортивном классе, где учился Сергей, все знали: за сочинением надо идти к нему. Как-то пришлось даже писать сочинение на вступительных экзаменах в институт за другого.

В то утро, когда ещё все спали, к ним в квартиру позвонил тренер, перепугав всю семью. Мама так разволновалась, что схватилась за пузырьрёк с валерианой. Серёгу буквально сдернули с постели и привели в дом Артёма Назаренко — того самого нерадивого абитуриента и члена сборной по плаванию, который накануне провалил сочинение. Виновник «торжества» сидел в кухне, стыдливо уставившись в пол.

— О чём писать-то? — спросонья соображал Сергей, вопросительно глядя на Артёмову одуванчиковую светлую макушку, затем

перевёл взгляд на переполошённую родню — мамашу в бигуди и халате, взъерошенного папашу в майке и трениках, потом на тренера.

— Пиши про войну — это модно, — сказал умудрённый опытом Геннадий Николаевич, вытирая взмокшую лысину. — Сделай пару ошибок, а то не поверят.

— Тогда про партизан? — Сергей уже не смотрел на флагмана их сборной. Как по волшебству перед ним лёг двойной лист бумаги в клеточку и сразу две шариковых ручки.

— Давай про партизан! — махнул в нетерпении тренер, будто дал отмашку на старте. — У нас время подпирает.

— Про Николая Кузнецова? — Сергей размял пальцы.

— Пиши уже! — в один голос прокричали родственники и тренер.

— Двух листов мало, — сказал Сергей, погружаясь в легендарные события военного 1944 года близ города Ровно...

После тренировки, подгадав время, Артём подошёл к Сергею.

— Расскажешь кому — убью! — и вместо благодарности горе-абитуриент сунул ему под нос капитанский кулак.

Сергей улыбнулся своим воспоминаниям, отвлекшись от волнительных ожиданий. Скоро ему стало зябко, вернулся в гостиницу.

Валентин сидел за столом перед закрытой тетрадкой. Он обернулся, когда вошёл Сергей. Встал.

— Ну, что сказать?.. Написано неплохо, некоторые эпизоды просто отлично. Признаюсь, не ожидал. Я подчеркнул места, над чем, по моему мнению, тебе нужно поработать, скобками выделил особо понравившееся. Начни с названия — его нужно изменить. Помни, о чём я говорил тебе.

Сергей хотел было рассыпаться в благодарностях перед Валентином, но, радуясь в глубине, промолчал, обдумывая, что же ему теперь делать с рукописью. Он сел за стол, скрестил на груди руки и ещё долго изучал потрёпанную обложку тетради, не решаясь её открыть. Похоже, Критику были знакомы его переживания. Бросив на Сергея цепкий взгляд, он встал и вышел из комнаты.

16

Сергей сидел на набережной. Снег уже сошёл, и воды Онего, вскрыв и разломав лёд, свободно вздохнули после зимней спячки, вдоволь нагулявшись, лениво играли ледяной шугой. За сизой дымкой, по ту

сторону залива, топорщился остроконечными пиками мачтовых сосен другой берег. Над застывшими у причала, будто повисшими над водой «Кометами» простуженно кричали чайки. Скоро откроется навигация, и Сергей обязательно посетит остров Кижи. Пряча лица от холодного ветра в поднятые воротники курток, прогуливались влюблённые парочки, не замечая скульптур городов-побратимов, щедро выставленных тихой и благополучной Европой здесь, на эрозии северных ветров. Прямо перед Сергеем — две бесплодные потешные пушки времён Петра Великого оставились пустыми жерлами на невидимого врага. За спиной, через узкую полосу парка, — редакция журнала, в руках он держал рукопись. Валентин всё-таки настоял. Сергей не решался идти в редакцию. Нет, он не боялся — «казнить, так казнить», «миловать, значит, миловать»! Но что-то вот уже больше получаса удерживало его в студёном ложе скамейки. Чего ждёт?! Вот и продрог уже. Всё — пошёл!

— Молодой человек!

Он обернулся. Его окликнула стройная, очень симпатичная девушка с широко распахнутыми глазами.

— Не могли бы вы сфотографировать меня у «Дерева желаний»?

«Отчего бы и не мочь, хоть и не правильно поставлен вопрос!» — подумал Сергей, помня о своих выводах.

— Конечно. Только я не знаю, где оно, — нарочно соврал он, сам того от себя не ожидая.

В глазах её читалось удивление и неподдельный интерес к нему.

— Оно рядом, возле тех рыбаков, — чуть приподнявшись на цыпочки, показала она изящной ладонью в лайкре перчатки, — вдоль набережной, ближе к причалу.

— Кажется, там действительно что-то есть, — широко улыбаясь, согласился Сергей, включая всё свое обаяние.

Она шла рядом, тихонько цокая высоким каблучками, рассказывала о скульптурах. Он рассматривал стоящие справа от него железные столбики разных размеров — как остовы покорёженных клюшек или причудливых труб, а заодно косился на незнакомку.

— Это из Германии, ключи, кажется, символ дружбы.

Дальше — скрученная из железных прутьев скульптура рыбаков у каменного парапета набережной. Над головами двое держат застывшую в железе паутину невода. Оказывается, это подарок из США. Символ созидания.



Подошли к выкрашенному в чёрное голому дереву. Холодное, схваченное жёстким корсетом стекловолокна, оно было шероховатое на ощупь.

— Наверно, почернело от подслушанных желаний! — пошутил Сергей.

— Нет! — (у неё приятный звонкий смех) — Дерево чёрное не от людских желаний, а по замыслу автора. Если прошептать сюда самое сокровенное, то это обязательно сбудется!

На дереве — белое ухо, принимающее от населения просьбы с надписью выше: «Прошепчи одно желание».

— Так вот где, оказывается, филиал небесной канцелярии! — воскликнул Сергей, театрально кинув взгляд в небо, его глаза лучились радостью.

— Работа шведских скульпторов, — смеялась она, — дерево желаний из их национального эпоса.

— Как это по-нашему, по-русски — заграница нам поможет!

— А вы разве не будете загадывать? — удивлённо спросила девушка.

— Опять не та постановка вопроса, — соловьем заливался Сергей, — но как не послушаться такую красивую?

Она чуть покраснела и засмушалась. В этот момент Батько показалось, что он совсем пропал.

— Но что же такого загадать? Почему только одно желание? Ах, да — шведы! Наша родная штука пощедрее будет.

Наконец, он прошептал что-то в белое ухо на чёрном, будто обгорелом, стволе.

А потом они сели на скамейку, вдвоём. Ему казалось, что он знает о ней всё, хотя она о себе ещё не рассказывала. Девушка откинула за плечо русые волосы, чуть смущённо улыбнулась и снова звонко засмеялась — не поверила, что он родом из Караганды. В ответ на её расспросы он на мгновение замолчал, стал серьёзным, соображая, что сказать, чтобы сразу не отпугнуть.

— Я писатель. Вот кто я! — нашёлся Сергей и тут же поправился, видя её восторженный взгляд: — Я только начинаю писать, может, ещё ничего не выйдет и брошу.

Тогда он слукавил, он уже понимал, что по-другому жить не сможет. Чем бы он ни занимался, куда бы судьба ни закинула — он будет

писать. Это стало для него такой же необходимостью, как еда, вода, воздух.

— Это ваша рукопись? — она уронила взгляд на тонкую папочку на его коленях.

— Угу, — теперь была его очередь краснеть.

А ему давным-давно не было так хорошо, с тех пор, когда был ослеплён двумя изумрудами у Голубого залива в Боровом.

— Этот новый вариант ещё никто не читал, — пояснил Сергей. — Знаете, новая редакция, новое заглавие... — ...и мысленно добавил: «...Новая жизнь!»

— Можно? — она вопросительно посмотрела ему в глаза.

Чуть коснувшись руки Сергея, девушка взяла стопку листов:

— «Восточный хайвэй»...

СМОТРИТЕЛЬ РЕКИ

Рассказ

1

Для разговора мы расположились в кухне за обеденным столиком перед пузатым электрическим самоваром, как раз напротив окна с уютными цветастыми занавесками. Моя жена Лена привычно занималась стряпнёй у плиты, мы со Славкой строили планы о предстоящем походе. Вернее, строил их Слава, а я кивал в ответ, соглашаясь с ним во всём. Славе почему-то нравилось бывать в нашей скромной кухне. Голубенькие обои в мелкий неброский рисунок, на стенах — старые шкафчики, обклеенные самоклеякой, всюду — фотографии в рамках, на полочках — фарфоровые статуэтки... Нам с Леной казалось, ничего особенного. Но, засиживаясь у нас в гостях, Славка непременно говорил: «Уютно у вас здесь». Сегодня дело другое. Славка, будто наэлектризованный своей идеей похода, не замечал ничего вокруг. — Медведь — он не дурак. Ему тоже лишний раз с человеком встречаться неохота. Если в лесу вести себя громко, он никогда не подойдёт, — блистал своими знаниями Слава. — Я вычитал на одном форуме, что туристы в лес берут хлопущки или петарды, чтобы отпугивать зверя. Но об этом позже! — Славик вожделенно потёр руки, бросив взгляд на плошку с дымящейся горкой цельных отварных картофелин. Облизывая бугристые края, к её подножию медленно сползал оплавленный кусок жёлтого деревенского масла. — Это хорошо, что ты уже вернулся. Вовремя. Пойдём по графику, в самый комар. — Он нетерпеливо заёрзал на стуле. — Значит, ты точно едешь на Север?

— Точнее не бывает, — ответил я. Но прозвучало это не совсем убедительно, и Славик, утратив интерес к тарелке, впился в меня цепким взглядом.

— Да еду, еду! — поспешил я заверить его, отрезая себе путь к отступлению. Конечно, у меня были опасения: сплав на байдарке — дело не шуточное, мне не знакомое. Оставалась одна загвоздка... — Вот только сессия...

— Перенесёшь сессию. Не дрейфь, прорвёмся! — заверил Славка.

А я и не дрейфил. Наверное, потому мне не было страшно, что я гнал от себя мысли — как там, на Севере, как он примет меня...

— Ну да... Мы вернёмся! Мы обязательно вернёмся, — добавил Славик, решив, наверно, что именно это хочет сейчас услышать моя жена.

Лена рассеянно улыбалась своим мыслям, занимаясь закуской. В кухне запахло салом, малосольными огурцами с тархуном. Её округлившийся животик забавно выпирал из-под цветастого фартука.

Славкины слова мне уж точно оптимизма не прибавили. Но на пятый идти было поздно: уговор есть уговор.

— Возьми побольше тёплых вещей: носков шерстяных, тельник, дождевик какой-нибудь, — наставлял меня Слава. — Помню, как-то пару лет назад мы поехали с Гориным...

Он рассказывал о Белом море, удивительных встречах с поморами, их непростых рыбацких судьбах, диких лагерях, разбросанных по песчаному берегу реки Варзуги, и, конечно, о царь-рыбе сёмге, которая, преодолевая стремнины, ходит на нерест.

Славка любит Север. Это знает всякий, кто знаком с его историями. И, наверное, во многом благодаря их магии я без особых раздумий согласился на его авантюру.

Дорога для меня — обычное дело. Ещё с юных лет, когда я всерьёз занимался спортом, дорога стала неотъемлемой частью моей жизни. А с перестройкой и развалом СССР я, да и вместе со мной половина огромной страны, брошенной на произвол судьбы, заплыла «челноками» по дорогам СНГ на колесах Меркурия.

В аэропортах, на вокзалах я всегда с интересом наблюдал за туристами с огромными рюкзаками, к которым были привязаны коврики, покрытые копотью котелки и металлические кружки. Я не против активного отдыха. Сам люблю горные лыжи. Но пластиковые каяки и байдарки вызывали у меня чувство непонимания или даже горькую усмешку. «Нет, — всякий раз при встрече с байдарочниками говорил во мне бывший пловец, — это уж точно не моё. Наплавался».

— ...Конечно, поеду, — выпалил я, когда Слава предложил мне сплав на байдарке по реке Поной на Кольском полуострове. Моё согласие стало полной неожиданностью даже для меня самого. Было это месяц назад.

— Смотри, хорошо всё взвесь, — предупредил он, испытующе глядя на меня. — Дело серьёзное. Если сомневаешься, лучше сразу откажись. Когда соберётся команда, обратной дороги не будет.

— Я уже решил, Слава, можешь на меня рассчитывать! — заверил я и... уехал на Украину навестить родителей.

Лена тем временем, недолго похлопотав, соорудила закуску. На столе появилась глиняная миска, доверху наполненная дольками мясистых, сочных помидоров с колечками крепкого репчатого лука и тугих пупырчатых, чуть колких огурчиков. Салат оставалось только заправить. Я открыл бутылку с деревенским маслом. По кухне поплыл аромат свежесжатого подсолнечника.

— Так что там, на Украине? — любопытствовал Слава, намазывая на хлеб душистый, пропитанный ядреным чесноком смалец.

— Тепло, — ответил я, — а ещё — вот! — Я достал из холодильника бутылку первача.

Славка, приметив мою хозяйственность, тут же предложил мне бластное место «каптёрщика»:

— Ну что, будешь у нас в команде главным по продуктам?

— Легко, — согласился я. — А кто ещё пойдет с нами?

— Разве я не говорил? — Слава удивлённо поднял белёдые брови. — Горин, разумеется. Конечно, лучше бы пойти двумя командами, как я и планировал... Но ты же знаешь — у нас люди долго раскачиваются. А все, кто хотел идти раньше, вдруг нашли себе дела поважнее. Предатели, одним словом! — Слава всегда категоричен в выводах. — Ничего, справимся втроём, — заверил он. — Горин приезжает через неделю. За это время мы должны подготовить снаряжение, закупить продукты и уладить финансовые вопросы.

— И институт... — напомнил я, разливая горячительное по стопкам.

— И институт, конечно, — согласно кивнул Слава. — Теперь нужно выработать маршрут.

Он извлёк из кармана брюк сложенный вчетверо лист бумаги. Слава — талантливый администратор. За месяц с небольшим он познакомился в Интернете с уймой народа: туристами, лесниками, рыбадзором. В активе его знакомых появился экипаж «Ми-8» и даже капитан небольшого судна «Клавдия Еланская». Помощь этих людей, незримых, но вполне осязаемых, должна была поступать от каждого в своё время — по мере нашего продвижения по Кольскому полуострову.

— Даже не знаю, что и думать, — то ли в шутку, то ли всерьёз сетовал Слава. — Всё подозрительно удачно складывается. И не разобрать сразу: бесы ли тянут или силы светлые ведут.

— Ты серьёзно?

— Приедем на Север — поймём, — не сразу ответил он глухим голосом. На мгновение его взгляд сделался жёстким — он опять изучающе посмотрел на меня, затем опустил глаза в листочек.

«... На этом маршруте самая большая нагрузка приходится на начальный этап (подъём по Афанасии) и на последние дни (преодоление сложного порожистого низовья Поноя), — прочёл мне Слава выдержку из отчёта туристов. — Но лучше всего сразу добраться до верховья Поноя на вертолёт: и продуктов меньше нести, и по времени будет выгоднее. Правда, увеличиваются расходы...»

Славка сложил лист и отодвинул квадратик в сторонку.

— Есть ещё пеший маршрут, — толковал он, — но это для большой команды. В любом случае каждый маршрут берёт начало в Ловозере. Меня познакомили с одним ловозерцем. Я договорился с ним о ночлеге, ну и в остальном он тоже обещал помочь. Может, лодка понадобится или вездеход...

Мы ещё долго обсуждали список продуктов и допустимое количество личных вещей. И всё же что-то не давало покоя Славке. Он непрерывно ёрзал на стуле, будто ища удобное положение, изредка бросал взгляды на мою жену, пощипывал рыжеватую бородку. Он всегда так делает, когда нервничает.

Уже на пороге Слава как можно тише спросил:

— А Лена тебя точно отпустит? Она всё-таки в положении...

— Отпустит, — слышался голос из кухни. — Вы только живыми и здоровыми возвращайтесь.

Моя жена Лена принадлежит к тому огромному женскому лагерю, что далеко отстоит от добровольных лишений походной жизни. И она туда же — уж подозрительно легко отпустила меня на Север. Как тут не вспомнить Славкиных бесов?..

В назначенный день Слава приехал ко мне рано утром. Горина с ним не было: накануне отъезда у него открылась язва.

— О лёгком маршруте придётся забыть: денег маловато. Будем идти вверх по Афанасии, — сказал тогда Слава.

Подхватив рюкзаки с провизией, мы вышли на улицу. Утро встретило нас холодной моросью, неприятно и как-то сразу облепившей лицо и руки. Свинцовое покрывало облаков укутало низкое небо до самого горизонта. По унылому двору, подчиняясь порывам резкого ветра, одиноко катилась пустая коробка. Наскакивая на чёрные, отполированные временем валуны, она подпрыгивала, с шумом ударялась о землю и беспомощно хлопала картонными «крыльями».

Мы вернулись за оставшимися вещами. Уже в лифте, после моего короткого прощания с женой, Слава признался:

— А я ведь до последнего не верил, что Лена отпустит тебя. Остаться одной, в положении, да ещё с пацаном на руках... Отчаянная она у тебя. Сколько уже Саше?

— Четыре.

Разговор не клеился. Каждый хотел говорить о главном, но с чего начать, не знал. Наконец Слава как-то неуверенно или даже с опаской, будто боясь оказаться одиноким в своих чувствах, спросил:

— Мандраж-то есть?

— Ещё какой! — признался я.

Он удовлетворенно кивнул:

— Это Север зовет.

Во дворе не было ни души, коробка, подхваченная ветром, унеслась, и поэтому двор показался ещё пустынее. Неожиданно громко хлопнула дверь подъезда. За нами выбежала Лена.

— Вышла посмотреть, как тут у вас... — будто извиняясь, сказала она, взглянув на Славкину машину.

Застигнутые врасплох, мы по-гагарински молодцевато улыбались. Лена крепко прижалась ко мне. Она чуть виновато улыбнулась, на прощание махнула нам рукой и скрылась за дверью.

Мотор пикапа завёлся с полпинка. Обогнув двор, мы медленно покатали вдоль домов, мимо редких прохожих, сутулящих плечи под порывами ветра. Выскочив из-под кустов, рядом с машиной забумкала та самая картонная коробка. Сердце защемила тоска. На меня вдруг накатило: «Куда я еду, а главное — зачем, почему мне не сидится дома, в тепле? Выйти, пока не поздно! Остаться!»

— Что-то, Слава, меня не по-детски прижало, — признался я. — Со мной такое впервые. Даже когда из Казахстана бежал... Ведь там всё оставил... Всех...

— Обычное дело. На Север едем. Думаешь, мне просто?..

Мы притормозили у въезда на мурманскую трассу.

— Ну что, с Богом.

— С Богом, — сказал я.

2

Наш внедорожник уже довольно долго пылил по северным дорогам. Мы остановились заправиться на бензоколонке. Где-то в утробе железного короба перестал жужжать мотор. В узком окошке бензоколонки, щёлкнув, замельтешили цифры. Наконец цифровая круговерть замерла. Слава стукнул пару раз о край горловины бензобака изогнутой трубой пистолета и вернул его в гнездо колонки.

Залив полный бак, отъехали в сторонку — передохнуть.

— Держи, Володя, — Славка протянул мне складной нож с изящно изогнутой деревянной колодкой. Широкое в основании, добротное лезвие с саблевидным остриём и зазубринами на тыльной стороне приятно холодило мою ладонь.

— Щучий. Где он только со мной не побывал! — Слава любовно поглядел на потемневшее от времени дерево колодки.

— А как же ты?

Под пристальным взглядом сердобольного хозяина нож исчез в моём кармане.

— У меня — вот... — Слава задрал край энцефалитки. На ремне красовался финский нож. Друг ещё раз выразительно посмотрел на край моего оттопыренного кармана. — Прошлый раз Горин чуть моё любимое ведро не утопил, гад. Мне тогда пришлось в ледяной воде искупаться...

Я предусмотрительно застегнул карман на молнию, хотя бы так выказав ножу своё почтение.

— Поехали! — скомандовал он, пристегивая ремень безопасности. — Остановок не будет до самого Ловозера.

— Интересно-о, — задумчиво протянул я, — оно от русского «ловить» или английского «любить»?

— Ты тоже обратил внимание? — Слава повернул ключ в замке зажигания, и машина, солидарная нашим тревогам, мелко задрожала. — Что ещё это озеро Любви нам готовит?..

Я молча смотрел в окно. Мимо, набирая ход, проплывали развесистые ели. Самые высокие из них, склоняя верхушки под тугими порывами ветра, покачивали нам вслед пушистыми лапами.

Отчего-то мне пришла на ум однообразная пустошь казахской степи, злое солнце и пыльный бинт дороги. Движение там заметно лишь по стрелке спидометра да ухнувшему в яму колесу. Иногда вдоль дороги, словно стражи, вырастают и тут же исчезают столбики-суслики. Совсем скоро ты их не замечаешь вовсе — глаза заняты другим: всматриваясь в бесконечное грязно-жёлтое полотно, ты пытаешься хоть ненамного приблизить манящий расплывчатый маревом горизонт. Куда уж печальнее картина? Но ведь не было у меня тогда этого мандража, как не было его и в моей щедрой на перелеты и переезды прошлой жизни! Конечно, было страшно, когда под Тюменью мы, закидывая шаланду нашего грузовика, уходили от бандитов. Если бы не скинули их вишневую девятку в кювет... Но те страхи вполне понятны и объяснимы, а откуда пришла эта невидимая сила, державшая меня в напряжении с начала нашего похода? Мне было одновременно интересно и жутковато прислушиваться к своему новому состоянию.

Вопреки планам Славки, остановиться по пути в Ловозеро нам всё-таки пришлось целых два раза. Как оказалось, «гаишники» в тех краях не дремлют. Мы проскочили мимо скрытой в кустах десятки с проблесковыми маячками.

— Им бы ещё маскхалаты выдали! — бурчал Слава, запихивая в карман очередную квитанцию на штраф за превышение скорости.

Погода ухудшалась. Дворники, отбиваясь от облака тумана, смахивали с лобового стекла оседающую небесную влагу.

— Сколько раз проезжал здесь — всегда у Мончегорска такая погода. — Было заметно, что Славка тоже нервничает.

Мы ехали по Мурманскому краю. Могучие сосны остались где-то за шестидесятой параллелью, на их место пришли кустарники да низкие реденькие ёлочки, злыми одинокими палками воткнутые в каменистую почву.

— Сейчас не видно, но отсюда уже начинаются тундры. То, что справа, — отработанная порода. — Мимо нас проплывала чёрная гора террикона с отрезанной туманом верхушкой. — Правда, похоже на Мордор из «Властелина колец»?

Я кивнул. Вообще, Слава не любит фантастику, но сравнение было точным. Картина действительно удручала. Да к тому же градусник на панели приборов показывал, что за бортом для нас оставалось всего лишь пять градусов тепла.

— На вот, почитай отчёт туристов про наш маршрут, — Славка вытащил из бардачка сложенный лист.

Я мотнул головой. Мои тайные чаяния не оправдались. Немного отступив, страх засел занозой где-то глубоко внутри меня, то и дело болезненно напоминая о себе.

— Спирту выпить, что ли? — Я вытер влажные ладони о штаны.

Слава понимающе молчал.

— А всё потому, что здесь, на Севере, проходит последний рубеж борьбы добра со злом, — Слава рассказал, что где-то прочёл, будто Север — это именно то место, где в последней битве сойдутся ангелы и бесы.

— Здесь человека хорошо видно. Проверено. Бесы так и прут из тебя. Помню, в первый раз мне уж очень туго было. Так что будь готов. Я многих возил на Север. И каждый раз человек менялся, — оторвавшись от дороги, Славка посмотрел на меня пронизывающим взглядом.

— Почему Север? — чуть стушевавшись, я был рад говорить о чём угодно, чтобы замаскировать свою неуверенность.

— Не знаю, — Слава пожал плечами. — Может, потому, что расселившиеся здесь русские саамы — последние язычники Европы? Много здесь всякого намешано. До прихода сюда православных это был край шаманов. Говорят, каждый из них владел искусством боевой магии. Кстати, в отчётах, — он кинул мне на колени распечатанные листки, — есть много того, что не знал даже я.

Видя моё упорное нежелание вчитываться в бумажки, Слава стал рассказывать о Ловозерских тундрах. В самом их сердце находится озеро Сейдозеро, вдоль которого проходит пеший маршрут мимо культовых камней сейдов и гигантской фигуры великана Куйво. По протоку из Сейдозера можно попасть в Ловозеро и дальше, через Афанасию, — на Поной. Этот маршрут выглядел, конечно, привлекательней, и если бы нас не кинули вдвоем, как сказал Слава, «предатели»... Ну, ладно... Что сделано, то сделано. Байдарку будем тащить бечевой вверх по течению до устья реки Марьёк. Чуть выше начинается волок в бассейн Поноя. Этой дорогой, говорят, в одиночку прошёл польский карел, писатель Мариуш Вильк. И мы, значит, пройдем...

Ближе к Оленегорску туман рассеялся, но мы всё же немного поплутали по туманным кольцам объездной дороги, лишённой всяких указателей.

— Бесы шалят. — После напряжённой дороги в тысячу верст Слава выглядел усталым.

У водителя из проезжавшей мимо машины с местными номерами мы наконец выяснили нужное направление и свернули на финишную прямую к Ловозеру — озеру Любви. Дорога была пустынной и даже в белую ночь казалась тёмной. На въезде, будто предупреждая о чём-то, одиноко стояло кем-то забытое фанерное чучело блюстителя порядка. Справа и слева то и дело проплывали покосившиеся поржавевшие плакаты с изображением солдат: «Стой! Запретная зона!» В стороне, над верхушками деревьев, нацелившись в низкое серое небо, неподвижно висело чуткое ухо локатора.

— Где-то здесь. — Слава остановил машину около двухэтажной «хрущёвки», казалось, вынырнувшей к нам из дантевской «Божественной комедии». Справа на доме была вывеска «Бар», слева — «Продуктовый магазин», по центру — «Суд». Слава с кем-то коротко переговорил по телефону. Вскоре от близлежащего дома отделилась тень. После дорожных рассказов мне всюду мерещилась нечистая сила. Тень оказалась человеком. Спина его была согнута, будто он нес непомерную тяжесть, но шаг был лёгким и пружинистым, а голова иногда покачивалась в такт ходьбе на длинной худой шее.

— С приездом. Юра, — сказал он, протягивая руку.

Мы тоже представились.

— Я так и думал, что ты Слава, — сказал он, сразу определив начальника нашей экспедиции. — Поехали ко мне.

— Мы не сильно стесним? — Несмотря на договоренность о ночлеге, нам всё же было неудобно.

— Нормально. Жена в отпуске, — сказал Юра, усаживаясь на штурманское место рядом с водителем. — Поехали. Дома ужин стынет.

Нам определённо было не по себе. Уже у подъезда дома Слава поинтересовался:

— Как тут у вас, не озорничают? Машину оставить можно?

— У нашего дома не тронут. Но если переживаешь, можно отогнать ко мне в гараж.

Мы решили взять с собой вещмешки и часть провизии. Слава достал пятилитровую канистру со спиртом.

— СМЭ,— сказал он, поймав взгляд Юры.— Спирт медицинский этиловый.

Юрина квартира была на последнем, четвёртом, этаже. Дверь не была заперта.

— Володя, располагайся. Суп на плите, сёмга в холодильнике — режь, не стесняйся. Там же и морошка. Мы недолго. Гараж поблизости,— сказал Юра и повёл Славку перегнать машину.

— Если что, Димка, родственник мой, отмантулит вас куда понадобится! — разгорячённый спиртом и беседой, говорил Юра.

Мы со Славиком переглянулись, дивясь местному богатырю, который способен «отмантулить» нас обоих — тоже не маленьких.

— Пусть мантулит, но не очень. Нам ещё на Поной шагать,— на всякий случай согласился Слава.

— Отвезёт, значит,— улыбнулся Юра нашей сговорчивости.— Это так лопари, саамы то есть, говорят: «отмантулить».

От Юры мы узнали, что родом он с острова Варандей, а здесь осел после службы в армии.

— Где служил-то? — поинтересовался Славик.

— А теперь молчи и бледней.— Юрино лицо стало серьёзным. Опершись руками о край стола, он, чуть приподнявшись, навис кормыслом над столом. Выдержав паузу, выдал: — Я расторопный десантник-связист!

Слава и Юра слились в объятиях. Слава тоже служил в морфлоте. В доказательство разнополосого братства Юра показал нам фотографию, где он молодой и в тельняшке. И хотя на мне тоже был тельник, подаренный по случаю Славиком, пехоте в этот клуб по интересам дорога была заказана...

— Да спят тут у меня два бродяги-охламона...

Сквозь полудрёму я слышал, как Юра разговаривает по телефону. Я открыл глаза. Удивительно, как вчера ещё чужой дом становится своим. В голове шумело. Неуверенной походкой я пошёл побродить по уже знакомой трехкомнатной квартире — надо было раскачиваться и сообразить завтрак. Юра уже успел куда-то уйти.

Не успели мы со Славкой сесть за стол, как он вернулся.

— Всё готово, — объявил он. — Димки нет дома, ушёл в тундры оленей своих смотреть. Серёга, кореш мой, отмантулит вас к устью Афанасии. В устье избушка стоит. Там у деда Андрея заночуете.

— Много у Димки оленей-то? — спрашиваем.

— Да как сказать... — Юра не спешил раскрывать все тайны. — Повсякому случается... В том году троих недосчитался.

— Волки?

— У нас похуже волков зверь имеется... — помрачнел Юра. — Прилетают сюда москвичи позабавиться. Управы на них нет. Погиб тут один в эту зиму — не справился со снегоходом.

Добродушные складки возле его улыбочивого рта сгладились, глаза сузились, губы плотно сжались. Что-то в его взгляде напомнило мне Славкины разговоры про бесов.

— Да вы не спешите, — сказал он, глядя, как мы торопливо уплетаем бутерброды. — Серёга только к обеду освободится. У нас даже есть время на осмотр местных достопримечательностей. Музей у нас краеведческий хороший.

— Говорят, перед смертью Пушкин мочёной морошки попросил, — невпопад вспомнил классика Слава, подцепляя ложкой сочную жёлтую ягоду из варенья.

4

— Юра, а как же дверь? — Я выходил из квартиры последним, а ключей у меня не было.

— Там палка стоит, притули её к двери. Если кто и придёт — будет знать, что дома никого нет, — беспечно махнул рукой хозяин.

Мы поспешили в краеведческий музей. Он оказался на другом берегу судоходной реки, разделяющей городок на две части. Музей встретил нас холодными тёмными стенами пустых залов. Из чёрного зева дверей, скрывающих за собой древности самобытной культуры, вышли две пожилые хранительницы наследия саамов.

— Вот, привёл, — сказал Юра без лишних разговоров.

— Что ж, пройдёмте. — Одна из смотрительниц указала нам на дверь.

Мы шагнули в полумрак и сразу же оказались в глубине веков — перед нами стоял огромный валун с петроглифами. Дальше шли экспозиции, знакомившие с суровыми условиями проживания на Крайнем Севере, предметами быта саамов, орудиями охоты...

На каждом рубеже тысячелетий, представленном в другом зале, свет за нашими спинами потухал, освещая теперь грядущие, ещё не исследованные нами века. В полном молчании, в окружении предметов глубокой старины, этот путеводный свет вполне мог сойти за мистическое, даже потустороннее явление, если бы за нашими спинами не слышался шелест платья безмолвной зрительницы.

Спустя пару часов мы были уже на берегу. Как сговорились, нашли Юриного друга.

— Сергей, — коротко представился нам парень в костюме защитного цвета. — Когда выезжаем? — сразу перешёл он к делу.

Его казанка уже чалилась у пирса возле гаража, вплотную подходившего к реке среди длинной череды таких же приземистых, крытых железом строений с рыбацкими лодками.

— О стоимости говорить буду я, — шепнул мне Славка, пока Сергей зачем-то отошёл на пару минут в гараж.

Когда тот вернулся, Слава обрушил на лодочника рассудительно-прижимистую логику карела.

Сойдясь в цене, мы погрузили вещи и сели сами. Сергей с лёгкостью оттолкнул казанку от берега. Запрыгнул сам. Мы не спеша поплыли вниз по реке. Вдоль берега, между гаражами, слева и справа, сохли лодки разных мастей. Некоторые уже стояли на воде, но рыбаков не было, лишь на выходе в озеро инспектор рыбнадзора проводил нас долгим изучающим взглядом.

«Озеро Любви» встретило нас непогодой. Взревел мотор. Задирая нос, лодка забиралась на высокую волну и, падая, тяжело шлёпалась о тёмную воду. Встречный ветер швырял в лицо водяную пыль. Вскоре к ней присоединился мелкий колкий дождь. Он неприятно бил, жалил холодом. Укутавшись в плащ, я вглядывался в толщу воды, накатывающую чёрной волной на нос лодки. Сергей, стараясь перекричать шум двигателя и бурчание воды, что-то говорил, указывая на неприветливо выползающие из серой хмари каменистые берега небольших островов. Я вежливо кивал ему, а сам, не слушая, с тревогой ждал высадки. Мне было уютно в нашей посудине, уже не замечал дуящего ветра, дождя на лице, привык к глухим ударам волн в днище. Лодка оставалась единственной ниточкой, что ещё связывала меня с тёплой Юриной квартирой, дорогой домой... Вот сейчас мы сойдём на берег и начнётся... «Когда же мы, наконец, причалим? Потом на волоке некогда будет думать о чём-то другом», — злился

я на себя. Иногда мы переглядывались со Славой, улыбались, мол, всё в порядке. Но на его лице угадывались те же сомнения, что мучили и меня.

— ...Там дед Андрей живёт. Вообще-то он один, но иногда у него жена гостит — баба Лена, — донеслись до моих ушей слова Сергея.

— Где? — не понял я.

Сергей указал рукой. Только теперь я заметил прямо по курсу быстро надвигающийся каменистый берег. Справа, из-за мыса, уставленного елями, выползала тёмная лысина сопки со следами редкой растительности и талого, глянцевого снега на покатоном склоне — обычное явление на севере, несмотря на июнь. Она походила на огромный уродливый горб, кое-где отмеченный седой шерстью.

— Не вздумайте разбивать палатку — дед обидится, — предупредил нас лодочник.

— Прибыли. Тундра, — Слава пристально, как мне показалось, даже с вызовом осмотрел земляной горб сопки. На берегу нас встречал внушительных размеров косматый кавказец, собака то есть. Рядом с ним звонким, весёлым лаем заливались две лайки.

5

— Свои! Цыть! — послышалось из-за деревьев. Собаки умолкли. К нам вышел маленький старичок с сухими, но сильными руками и без лишних разговоров стал помогать нам высаживаться на берег — начал тягать из лодки вещи.

— Дед Андрей, — протянул он руку сразу, как только помог отчалить Сергею от пирса. Я пожал его крепкую, с дублёной кожей ладонь.

— Хлеба привезли? — шамкая беззубым ртом, он смотрел на нас, чуть наклонив голову влево. Его чёрное от загара, изрытое морщинами лицо светилось лукавой улыбкой.

— Только сухари, — я наивно кивнул на бесформенную кучу, только что выросшую на берегу, предусмотрительно накрытую тентом.

Видя, что я его не понимаю, дед Андрей махнул рукой:

— Пошли в дом, а то промокнем. Это, — он указал на вещи, — можно оставить здесь. Дождь скоро кончится.

Выудив из-под тента вещи первой необходимости, мы зашагали по дощатой дорожке к бревенчатому домику, стоявшему тут же, недалеко от берега в глубине соснового бора. Кавказец уже сидел на цепи у будки. Во дворе, кроме прочих привычных

для цивилизованного человека построек, стояла кувакса — переносное жилище саамов. Точно такое же мы видели в музее в Ловозере. Это конусообразный каркас из нескольких шестов и натянутым на них чехлом из оленьих шкур. Я вспомнил агитплакат на музейном стенде: на призыв: «Выбирай в туземный совет трудящихся. Не пускай шамана и кулака!» — сознательные саамы спешат от своих кувакс к пунктам голосования.

На пороге нас встречала старуха.

— Проходите к столу. Проголодались, небось? Вещи — к печке поближе, пусть просохнут.

В сенях было не протолкнуться. Пригнув головы, мы наконец вошли в тепло. Комната была небольшой. Вдоль всей левой стены тянулись крытые оленьими шкурами нары, наполовину завешанные цветастой тряпкой, как занавеской. Справа немытым самоваром охала и потрескивала буржуйка. Рядом — газовая плита, в углу — шкафчик с нехитрым кухонным скарбом. У окна на столе уже дымилась темным мясом тарелки. По комнате пополз сладковатый мясной аромат.

— Сёй, сёй, — приглашала к столу радушная хозяйка. Во главе стола стояла плетённая лыком миска с ломтями свежего ржаного хлеба. — Кушайте оленину. Я сегодня из города. Вот свежего хлеба привезла.

«Склероз, наверное, у деда, — подумал я, — вон сколько хлеба». На вбитом в стену гвозде в пакете висело несколько буханок.

— У нас вот тут... Может, за знакомство? — Слава вытащил из кучки «вещей первой необходимости» канистру. — СМЭ?

По хитрому прищурю деда Андрея было понятно, что ему эта аббревиатура знакома.

— Доставай рюмки, бабка, — зашевелился он. — А говорили, что хлеба не везут!..

Разговор за столом оживился. Старики много спрашивали, что да как. Откуда мы, чем дышим, чем живём, чего нам здесь надо.

— Да был тут у нас один... Поляк... — припомнил он. — Только, Вовка, он другой дорогой шёл, не по Афанаське. Здесь с наскака не пройти, — в качестве собеседника дед Андрей почему-то выбрал меня. Может, потому, что я сидел во главе стола и на меня было удобнее бросать свои насмешливые взгляды. Или я лучше понимал его торопливую «беззубую» речь, кто знает?



— Мариуш Вильк? — У Славы разговор не клеился, на все его вопросы дед отвечал скоро, будто отмахивался. Кинет на него острый взгляд, отметит Славкин вопрос, и снова — мне, быстро так, вpalым ртом:

— Не помню, как звали. Может, и Вилкой. Знаю, что другой дорогой он ходил.

Слава не намеревался оставаться в тени. Так всегда: чуть на него меньше внимания — он непременно напомнит о себе — не отмолчится. Как рысь на спину. Как какой-нибудь факир, ловко доставал он из своего цилиндра выгаданное к моменту слово, иногда резкое, насмешливое, иногда топкое — с двойным дном. Вступишь в диалог — завязнешь.

— Дед Андрей, пойдём покурим, — сказал некурящий Слава, глядя на сморщенное, цвета варёной картошки, лицо старого саама.

— Сёй, сёй, — баба Лена подкладывала мне мясо. В свои семьдесят она была крепкой и расторопной хозяйкой.

С перекура вернулись быстро. Не знаю, что Слава сказал деду, но тот после их разговора слушал в основном его.

— Вовка, наливай по часовой, — только и шамкал он мне теперь, непременно улыбаясь, — по нашему древнему обычаю.

— ...А что после войны? — вернулся он к разговору. — Я здесь комсоргом работал. Взносы собирал.

— Угу, взносы, много ль насобирали? — зло буркнула баба Лена.

— Из мужиков-то я один считай остался. — Дед Андрей в упор не видел бабу Лену. — Вот и выполнял комсомольское поручение, — он довольно улыбнулся. По всему было видно, что воспоминания его были приятными, — помочь кому по хозяйству или ещё чего...

— А с рыбой как? Сёмгу поймаем? — вызнал Слава. Обо всех охотчих местах нам ещё вчера поведал «расторопный десантник-связист» Юра.

— Здесь — нет. Раньше много было. До коммунистов. Теперь только на Поное. Вот хариуса возьмёте. На Афанаське чуть выше по течению и возьмёте.

Будто охотничий трофей, Слава достал из кармана сувенирный брелок, приобретённый в ловозерском музее. На фрагменте распиленной оленьей кости среди редких водорослей мастер выжиг три рыбки.

— Вот, — сказал он, показывая его сааму, — специально приобрёл. Правда, сначала думал взять с изображением шамана...

— Поздравляю с уловом, — усмехнулся дед. — А что с шаманом не взял — правильно. Не надо лезть туда, в чём не смыслишь.

Слава проглотил нравоучение. Сунул брелок в карман. Достал карту.

— Сначала мы думали пойти вот здесь, — он ткнул в ламинированную бумагу, — хотели посмотреть на сейды, на Куйво...

Дед со знанием дела взглянул на карту.

— Правильно, что не пошли. Карел-то вернётся, а хохол нет, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал он, посмотрев на меня. Я с тоской вспомнил нашу уютную казанку.

— В прошлом году там палатку пустую нашли. Все вещи на месте. В лагере порядок. Никто из зверей не озорничал. А люди сгинули. Здесь человеку не дано хозяйничать. Не зная слова нужного, сюда идти не надо. Места эти глухие, под Масельгой. Масельга — «земляная спина», значит. Так называют снежного человека, — дед Андрей приосанился, стал говорить неспешно, будто подбирая слова. Выцветшие глаза засветились, неотрывно следили за каждым Славкиным движением. Даже баба Лена перестала хлопотать да приговаривать: «Сёй, сёй!» По всему было видно, что старому сааму не до шуток. Слава не ожидал такого поворота дела — стушевался. Опустил глаза, молчит.

— Ну, и чего ты хочешь? — поглядывая на Славу, дед прищурил глаза.

— Так что за слово такое? — спросил Слава.

— Наливай, Вовка, по часовой, — вместо ответа скомандовал дед.

Выпили. Славик посмелел:

— Дед Андрей, так скажешь слово или нет?

— Оленину ешь, Вовка, пока горячая, — снова попытался переменить тему дед.

— Дед Андрей, скажи — ты что, смотрящий за рекой? — не унился захмелевший Славик.

Старый саам медленно повернул к нему своё напряжённое лицо. Ещё с секунду пристально смотрел в глаза.

— Ты так больше не говори! — вспыхнул он.

Мне стало не по себе.

— Сёй, сёй! — пришла на помощь баба Лена.

— И то верно, — саам расплылся в улыбке, собирая лицо гармошкой. — Вовка, ты послушай, как во время войны я своего брата

и сестру в Кандалакше от людоедов спас, — теперь он говорил только со мной. — Когда нас эвакуировали, состав через Кандалакшу шёл. Голодно было. Много людей померло в то время. Моя мать за кипятком пошла на станцию. Я с ребятами из вагона вышелдохнуть свежего воздуха. В теплушках душно, людей битком, и больных и здоровых... Подходят две женщины. Взгляд у них такой оценивающий, мимо одежды там или обуви. Смотрят тебе в глаза, как в душу заглядывают. Страшно стало. Я ребят — в вагон и сам от греха подальше. А на следующей станции узнали — выкрали они из соседнего вагона девочку пяти лет. Сманили чем-то. — Голос деда стал тише, совсем он захмелел.

Дед Андрей «клюнул» носом. Переглянувшись, мы негласно решили укладываться спать. Слава, поблагодарив хозяев за ужин от нас обоих, полез на нары.

6

— Володя, — приветливая баба Лена склонилась ко мне, — пойдём покажу, где у нас удобства. Заодно с собакой познакомя. Пойдёшь ночью в туалет, она не тронет. — Будто в подтверждение злобного норова пса, на стул, где только что сидел Слава, запрыгнул большущий чёрный кот с покрытым струпьями подранным боком.

Будка с кавказцем действительно стояла рядом с тропой. Косматое баскервильское чудовище, чуть ли не вровень со своей хозяйкой, при виде нас весело замотало хвостом.

— Не бойся, — снизу долетал до меня старушечий голосок, — погладь собачку.

Я был во хмелю, и мне, как говорится, было море по колено. Я наклонился. Протянул руку к косматой голове с глазами-блюдцами. Всё мог я предположить в эту минуту — половину своей руки в пасти дикой твари, истерзанные, окровавленные конечности... Но вместо кровавого кошмара, по-театральному раскинув руки, проявив небывалую прыть, его престарелая хозяйка чайкой кинулась ко мне на грудь. Не успел я и глазом моргнуть, как был заключён в её объятия, а секундой позже меня, оглушённого, наградили страстным поцелуем! Опрокинутый на землю, я, быстро работая руками и ногами под любопытным взглядом миролюбивого пса, позорно ретировался на четвереньках вперёд спиной.

Споткнувшись о поленницу у входа и громыхнув пустыми ведрами в сенях, я влетел в избу. Дед Андрей поднял с груди дремавшую голову. Строго посмотрел на меня.

— Это моя женщина! — сказал он.

А я не был против и с ходу завалился на нары рядом со спящим Славиком.

Ночь выдалась тревожная. Заслонив полнеба, на меня надвигалась земляная спина зрителя этих мест, проплывали лица старушек с хищными улыбками. «Карел-то дойдёт», — беззубо шамкала одна. «Сей, сей», — говорила мне другая голосом бабы Лены и жадно тянула ко мне скрюченные артритом пальцы... Разбудил меня дед Андрей.

— Слезай, — он резко ткнул меня кулаком в спину.

Я слез с нар. В залитой холодным светом белой ночи комнате было душно. На женской, занавешенной тряпицами стороне, ворочалась баба Лена, беспокойно охал дед Андрей. В красном углу побогатырски дышало остальное мужское население. «Привиделось», — подумал я и вздохнул с облегчением.

На улице было зябко. С озера дул холодный ветерок. В сиреновом небе о чём-то шелестели кроны деревьев. Где-то вверху кулдыкала птица. Вспомнив сон, я невольно посмотрел в ту сторону, где за соснами вздымалась земляная спина тундры. В тот момент мне показалось, что оттуда за мной пристально наблюдают. Холодный ветер залез мне под тельняшку. Поёжившись, я пошёл в избу. Ещё на пороге услышал гомон: за занавеской говорили двое. У одного был неприятный низкий с хрипотцой голос, во втором я узнал деда Андрея.

— Зачем привечаешь чужих? Сколько раз тебе говорено было? — зло басили на нарах.

От этих слов у меня пошёл мороз по коже, будто обмотало меня с ног до головы колючей проволокой.

— Они только на одну ночь, — жалобно шамкали в ответ.

— Пусть идут туда, откуда пришли!

— Они хорошие, только посмотрят — и назад. Можно? — молил кого-то дед Андрей.

— Покажешь дорогу — пеняй на себя! — шипели за занавеской. — И чтобы в последний раз. Больше предупреждать не стану!

— Да, конечно, — облегчённо вздохнули за занавеской.

— Что ты там бубнишь? — послышался голос бабы Лены. — Разбудишь всех.



Чтобы не выдать себя неосторожным звуком, я взобрался на оленьи шкуры. Вскоре из-за занавески появился дед Андрей. Он сполз с нар, сел к столу, жадно осушил недопитую рюмку, а потом, как после ночного застолья, устало уронил на грудь голову.

Утром мы направились к маленькой дедовой пристани, где вчера оставили вещи. Как-то сами собой рассеялись ночные кошмары. Забылся странный разговор на нарах.

Солнца не было видно. По-прежнему низко над нами висел свинцовый купол неба. По его тёмному донцу ветер гонял серую хмарь облаков. Вдруг что-то случилось. Часть неба чуть просветлела, и в следующее мгновение серебряным лучом, словно скальпелем, раскесарило небесную хмарь — свод лопнул напополам. Окрашенные в киноварь края всё дальше расползались в стороны, выпрастывая наружу ослепительный солнечный диск.

За каких-то полчаса мы собрали байдарку. Загрузили вещи, равномерно распределив груз по её дну. Узкой элегантной сигарой она покачивалась у берега.

— Ну как тебе «девочка»? — Слава ласкал взглядом обтянутый брезентом каркас.

— Похожа на индейскую пирогу, — легкомысленно отозвался я.

— Сам ты индеец! — Кажется, я задел Славу за живое.

— Садись вперёд на вещмешок, — злился он, — покачай байдарку. Найди равновесие.

Не успели мы порадоваться, как небо снова заволокло. Когда отчалили, на берегу остались дед Андрей и баба Лена. Рядом крутились звонкие лайки. Задрав хвост трубой, важно выхаживал кот с ободраным боком.

— Поветерь в спину! — хрипло пробасили с берега, и этот голос заставил меня вздрогнуть.

До устья Афанасии было недалеко. Я молодец. Быстро освоился в неведомом для меня деле — гребле на байдарке. Конечно, до совершенства было далеко, но главное — я чувствовал нашу лодку, работу веслом по-прежнему зло сопящего за спиной Славика, задававшего ритм нашему движению. Мы скользили по спокойной глади «озера Любви». Впереди широкое устье реки разделял маленький остров с заросшими камышом берегами. Держась правой излучины, мы вошли в реку. За островом она сужалась, тогда мы почти сразу почувствовали её упругое полноводное тело. Налегая на вёсла, мы всё

больше теряли силы, отвоёвывая у непокорной реки каждый метр пройденного пути. Делать было нечего. Не снижая темпа, повернули к берегу. Оказалось, мы не первые, с кем так бесцеремонно обращалась Афанасия. В том месте, куда мы причалили, было сложено кострище.

— Здесь заночуем, — решил Славка. — Кто его знает, сколько ещё до следующей удобной стоянки топтать...

В пятистах метрах выше по течению река уходила влево, и, кроме обрывистого берега, покрытого зарослью карликовых берёз, было трудно что-либо разобрать.

— Завтра нагоним. — Слава огляделся вокруг в поисках возвышенного места для палатки — небо сулило дождливую погоду. Я разжёг костёр и принялся за стряпню. Горячая еда и обжигающий чай — что ещё надо, когда на тебя непрестанно льётся с неба? Забыл — ещё СМЭ. Уже в палатке я рассказал Славе о ночной «закулисной» перебранке. Он насупился. Задумался о чём-то.

— Володя, вот ты любишь фантастику... — начал он язвительно.

— Не ты ли мне всю дорогу рассказывал про бесов и боевую магию шаманов? — я повернулся на другой бок.

Той ночью мне приснились надгробия...

7

Сверху не переставая лил по-осеннему холодный дождь. В моих болотниках противно чавкали намокшие шерстяные носки. Впереди маячила коренастая спина Славика: с нажимом бульдозера он проминал тропку в карликовых берёзках. Мы шли вдоль русла порожистой реки. Слава тянул бечевою байдарку вверх по течению, я отталкивал её веслом от берега. «Интересно, — думал я, — кому сейчас тяжелее: Славiku или мне?» Этот вопрос мучил меня с тех пор, как я в очередной раз соскользнул с крутого глинистого бережка в быструю реку. Спасая лёгкое дюралюминиевое весло, пришлось пожертвовать сухостью ног.

— Воду из сапог не выливай, — посоветовал тогда Славик, — ноги замёрзнут.

Можно подумать, моим ногам в промокших сапогах было тепло. Время тянулось нескончаемо долго. Будто отупевшие от усталости, мы молча передвигались вдоль прибрежных зарослей по течению реки. Иногда после очередного всплеска воды за спиной

Славка безразлично кидал через плечо: «Жив?» Я мрачно отвечал: «Жив!» — и вновь выходил на берег, поднимал ненавистное отяжелевшее весло. Мы шли дальше. Когда терпеть холод и сырость становилось невмоготу, мы, устроившись на камнях или прямо на земле, пили разбавленный спирт. Говорили мало. В основном про маршрут. Каждый раз Слава доставал из кармана карту, подолгу всматривался в извилистую синюю змейку реки. Щипал ржавчину бороды. Затем сворачивал карту. И это означало, что нам пора идти дальше. «А чего ради, собственно, идти? — зло думал я. — Вот во время войны партизаны — это понятно. А мы что?..» Я пропыхтел в спину Славе про партизан. Он обернулся, лягнул меня взглядом. Это я нарочно. Он вообще не любит, когда про партизан...

Небольшой каменистый уступ с острыми, словно бритва, краями грозил распороть брезент байдарки ниже ватерлинии — я отчётливо увидел эти каменные лезвия в прозрачной воде. И опять я подошёл слишком близко к предательски заросшему берегу. На сей раз Славка даже не обернулся. «Чёрт меня дёрнул идти в этот поход! — про себя ругался я. — Хотя чёрт здесь ни при чём. Это всё Славка!» Мы шли и шли вперёд, минуя крутые повороты Афанасии, изматывающие пороги, доводящие до бешенства заросли корявых упругих стволов. На Славе был спасательный жилет. Лямки, обхватывающие ноги, впелись в ягодицы так, что со спины Славка был похож на борца сумо. Да и спереди тоже — так мысленно отомстил я ему за свою усталость. А с другой стороны... С другой стороны, всё-таки это было здорово! Мы делали тяжёлую мужскую работу. Делали её вместе. Знали — каждый готов прийти другому на помощь. Ныли мышцы, невыносимо ломило поясницу... Но всё же я ловил себя на мысли, что нам обоим это нравится. Я точно знал, что Слава чувствует сейчас то же, что и я, и от этого становилось легче. От навалившейся усталости я даже не заметил, как оборвалась полоса зарослей. Вязкая заболота берега тянулась ещё метров сто, а дальше издёвкой возвышалась чащоба выше нашего роста. Рядом с берегом была небольшая полянка с поваленным сухим деревом. Мы вытянули байдарку на каменистый пляж.

— Чего ты там плещешься? Не наплавался, что ли, в своём бассейне? — ехидно ухмыльнулся Слава.

— Да ну тебя! — отмахнулся я. У меня не было ни сил, ни желания отвечать на его колкости.

— Ладно. Ты пока отдохни, а я разведу, что там выше по течению. Посмотрю место для ночлега. Здесь как-то неудобно. — Слава протянул мне пластиковую бутылку: — По глотку?

— Тебе не кажется, что за нами всё время кто-то наблюдает? — спросил я его, отхлебнув добрый глоток.

— Да нет здесь никого! — попытался беспечно отмахнуться он.

Однако по тому, как Славик огляделся по сторонам, я понял — он сам не верит в то, что сказал.

Обходя прибрежные кусты, Славка поднялся на гребень и ушёл в лес. Из-за сосен до моих ушей долетела мелодия какого-то марша. «Медведей, значит, отпугивает», — вспомнил я наставления Славы.

Я завалился на спину. Спасательный жилет уберегал меня от холода, которым тянуло от земли. Глоток спирта обволок меня теплом, тело обмякло, мысли вяло текли вместе с шумом реки прочь отсюда — домой. Я закрыл глаза, чтобы не видеть серой тяжести неба, гневно нависшего надо мной...

8

Мне показалось, что кто-то толкнул меня в бок. Я открыл глаза. Сверху — всё то же свинцовое низкое небо. Сколько же я проспал? Сел, огляделся по сторонам. Славы нигде не было. Я размял ноги на маленьком, усеянном валежником пятачке поляны. Снова позвал Славку — тишина. Только эхо, оттолкнувшись от левого берега, вернуло мне бумерангом мой тревожный голос. Солнце клонилось за макушки сосен, на пляж легли длинные тени. Славика всё не было. Может, что случилось? Может, где ногу подвернул? Воображение рисовало тело, неестественно лежащее среди поваленных, изъеденных трухой стволов. Я почти видел искажённое гримасой боли лицо моего друга — он молил о помощи.

«Медведь?» — подумал я и не на шутку испугался. Вообще, я никогда не боялся медведей и даже при случае кидал через клетку в зоопарке какое-нибудь лакомство. Мишка вставал на задние лапы, разевал пасть, демонстрируя клыки, кружил, выпрашивая гостинцы. Однако перспектива встретить его здесь, где-то у чёрта на куличках, в богом забытом краю, без оградительной стены из металлических прутьев представлялась мне крайне нежелательной. И это ещё мягко сказано. На этот случай у меня в кармане лежала Ф-1. Я выудил небольшую ручную гранату — этакая ёлочная хлопушка. Ф-1 утопала в моей

ладони — жалкая маленькая пугалка. Почему-то в супермаркете она выглядела солиднее. Слава взял их аж четыре штуки.

«Что ж, теперь я во всеоружии», — вслух вырвалось у меня с нервным хохотком.

Идти вдоль берега искать истерзанные останки Славика? Наверняка что-то случилось. Не мог он так надолго уйти. Сколько же я спал? Надо развести огонь — дым отгонит зверьё, пока меня не будят. Потом на волокушах притащить Славку сюда. Мы не так далеко отошли от избушки деда Андрея. Ночь переждём здесь, а утром сплавимся вниз по реке. Я посмотрел на байдарку, прикидывая, как ловчей расположить между вещей останки Славика. Почти что элегантная, низкая, длинная лодка среди стеблей тростника действительно напоминала индейскую пирогу. Зря Слава тогда обиделся на меня за это сравнение. В голове звучал минор реквиема, а перед глазами печально проплывала байдарка, унося к низовьям Афанасии тело Славки, будто индейского вождя из книги Фенимора Купера. Вообще, Слава не любит, когда про индейцев. То есть не любил...

Я спустился к байдарке. Достал топор, заткнул за пояс.

«Ойса да ойса, ты меня не бойся,

Я тебя не трону, ты не беспокойся», — затянул я плясовую шуточную песню казаков. Под ногами трещал сушняк. «Медведь не дурак, — вспомнил я. — Если в лесу вести себя громко, он никогда не подойдёт», и ноги сами стали пританцовывать. «Что ж, шуму с лихвой, — успокаивал себя, — тем более что Славкин мишка уже, наверное, сът».

Хорошо, никто не видел, как я выделял в этой глуши казацкие коленца.

«Ойса-са-а!..» — эхом подбодрили меня с противоположного берега, когда я зашёл на гребень, где канул в неизвестность Славка.

«Дайте в руки мне кинжал,
дайте ножик-финку,

Я поеду на Кавказ танцевать лезгинку!» — так ответил я левому берегу.

Неожиданно навстречу вышел Слава, живой и невредимый. Я даже немного разочаровался: уж слишком красиво в моём воображении уносили пирогу с ним волны вечности...

— Ты уже один нож профукал. Щучий. Мой любимый, — мрачно хмыкнул Слава. — Здесь недалеко хорошая стоянка. Сейчас чая хлебнём и тронем дальше...

«Что-то напутал Славик. Не мог здесь пройти в одиночку с лодкой Мариуш Вильк, — думал я, сливая из сапог воду. — Пешим ходом — поверю. Но чтобы вот так, одному, с лодкой, да по порогам и корягам! Дед Андрей прав: Мариуш другой дорогой шёл». Ещё час мы продирались сквозь кусты к месту будущей стоянки. Разбили палатку. Я приступил к готовке ужина, а Слава, наконец расчехлив мудрёные рыбацкие снасти, молча пошёл удить рыбу. Он злился на меня. Сегодня утром выяснилось, что я профукал тот драгоценный Славкин нож, который он мне вручил, и где-то забыл его новый садок. И это в самом начале пути! Насчёт ножа, допустим, я согласен. Но при чем тут садок — я, ей-богу, не пойму! Я чувствовал свою вину, и Славка, пользуясь этим, де-факто назначил меня ответственным за свои вещи.

Дождь совсем перестал, и я наконец смог развесить у костра свои носки. Вытянув ноги к огню, я наслаждался покоем и теплом. Рыжее пламя весело охаживало закоптелые бока котелка. Вода внутри сердито шумела, вот-вот готовая взорваться пузырями. «Чего я сюда попёрся?» — в очередной раз задал себе вопрос и вдруг опять поймал себя на мысли, что всё-таки мне эта затея чем-то нравится. Я вспомнил, что вот так же думал на тренировках. И не мысли это вовсе, а скорее, хлёсткие щелчки плетью. Рассуждать было некогда. Ничего лишнего — только о том, как не выйти из жесткого режима задания, перетерпеть вязкую, ноющую боль в грудной клетке. Не отстать от других. Дотянуть! И ещё не слышать, как орёт тренер, потрясая секундомером (чего проще — бегать вот так по бортику и орать!). И после всего этого вполне логично звучало: «Брось всё. Зачем тебе это надо?» Но за десять секунд положенного отдыха ты успеваешь сделать три долгих выдоха в воду, потом перепонки раздрает ненавистное «Ап!» — и снова борешься с усталостью, мыслями-изменниками, водой, секундами, что быстрее тебя... Для чего это было, почему нравилось — теперь не знаю. Раньше думал — для того чтобы быть первым, слышать гимн в свою честь. Теперь, сидя у костра, понимал: не для этого. Наверное, есть вещи, о которых четко знать не надо — нужно лишь чувствовать, уловив одну идею, не пытаясь словесно её для себя сформулировать, чтобы не возвести в незыблемое правило.

На берегу что-то случилось. Орал Славка. Ещё немного, и я, чуть не опрокинув котелок с уже готовыми макаронами по-флотски, выскочил к реке.

— Моя родная!!! — Оказывается, Славик может быть ласковым.

Он держал в руках рыбу с красивым широким спинным плавником и зеленовато-перламутровым отливом чешуи. Держал так, словно она посулила ему чёрт знает чего. Глаза его светились радостью и нежностью. Он ещё что-то шептал слабо трепещущей в его ладонях рыбе, пока она не затихла. Это был первый улов в нашей экспедиции и первый Славкин хариус.

— Засолить сможешь? — Слава торжественно, с гордостью передал мне свою добычу, будто это была шкура убитого медведя — не меньше.

— А то! — Хариус помирил нас. — Дай нож — я разделаю.

Славик ещё раз проучил меня взглядом, припоминая дорогую потерю, а потом всё же протянул нож и, подхватив удочку, помчался к реке.

— Ужинать когда будем? — крикнул я ему вслед.

— Не сейчас. Может, ещё на уху наловлю.

10

Всю ночь вокруг нашей палатки ходил медведь. Я знал: это именно он. Я слышал его тяжёлую поступь, как шуршал, проминался под его огромными лапами настил из хвои. Иногда он останавливался и шумно втягивал воздух. Петь песни было уже поздно. Если медведь не побоялся Славкиного храпа, то последнее, что могло его испугать, были масштабные военные учения. «Ф-1» не в счёт. Иногда его шаги были особенно отчетливо слышны, и тогда мне казалось, что ещё чуть-чуть, и он сомнёт нас вместе с палаткой. Ещё до меня доносились его возня и тихое металлическое побрякивание. Я понял: миша доедает макароны по-флотски. Мне стало жаль, что мы оставили так мало себе на завтрак. Было ясно, что этим зверь не насытится. Славку разбудить я не мог из-за сковавшего тело ужаса. Да и чем бы он помог? Бросил бы в медведя связку своих хлопущек? Я вспомнил, что за ужином почувствовал на себе чей-то недобрый взгляд, как в ту ночь у избушки деда Андрея. Будто присматривает кто-то за нами из-за деревьев. Трудно передать, что именно я ощутил, но чувство это вселяло страх. «Да нет здесь никого», — неуверенно тогда сказал Слава, озираясь по сторонам.

Уже под утро, наплюхавшись в реке, медведь снова вернулся к палатке. Обошёл её. Постоял со стороны Славы, задержался у изголовья и замер возле меня. Я не дышал. Вдруг огромной силы лапа протиснулась под палатку, вздыбила мне поясницу, изогнула спину коромыслом. Открыв рот, я беззвучно кричал. Моё горло парализовало. Слова застряли, не желая выходить наружу. Тишину утреннего кошмара разрезал визг пилы. Так же неожиданно лапа исчезла, не причинив мне вреда. Я открыл глаза. В палатке, в спальнике было уютно и тепло. Снаружи накрапывал дождь. Там же, в шуме дождя, двое пилили дерево поперечной пилой. При слаженной работе звук был чистый: так зубья пилы рвут древесину. Когда кто-то из вальщиков выбивался из ритма, пила звенела изогнутым полотном, её мелодия ещё летела некоторое время сквозь неторопливый дождь, пока вновь не приступали за работу труженики-зубья. Заворочался и вылез из спальника Слава.

— Ну, ты дал! всю ночь мне спать мешал — храпел.

— Ты слышишь? Кто-то рядом лес валит! — Мне казалось странным, что Слава говорит о такой ерунде, когда в этой глуши кто-то пилит деревья.

— Ага. Твоя бригада, где ты всю ночь работал трелёвочником, — хохотнул Славик. — Это шур — птица такая. Северные жители называют её сторожем ночи. Пойдём завтракать.

— Ночью, кажется, приходил медведь, — остановил я Славу.

Он замер спиной ко мне. Через секунду обернулся.

— Ты видел? — Слава нахмурился.

Я рассказал ему о своих ночных переживаниях.

— Если бы он приходил, то... И вообще, Володя, есть такое поверье: не хочешь с ним встретиться — не называй по имени. Приснилось тебе всё. Вчера — надгробия наши с открытыми датами, сегодня — вот это... — Махнув рукой, он вылез из палатки.

Теперь я уже и сам понял, что это был сон, но, выйдя под мелкий дождь, всё же прошёлся вдоль палатки, ища следы непрошеного гостя.

11

Третий день пути был днём открытий. Во-первых, до нас наконец дошло, что идти легче, не надевая спасательных жилетов. Во-вторых, если привязать к середине борта вторую бечеву, то байдаркой может управлять и один Слава — течение само выталкивало лодку к центру реки, оставалось лишь чуть притянуть к себе борт и отпустить

нос. Мы уже привыкли к морозящему дождю и холоду. На коротких привалах, пережидая под тентом краткосрочные ливневые полосы, мы разбавляли спирт бурлящей водой порожиистой Афанасии, и тогда становилось ясно, что занесло нас в места небывалой красоты. Я доставал фотоаппарат. Мы принимали решительные, полные мужества позы первопроходцев. В эти минуты забывалось о натоптанной тропе, идущей выше зарослей кустов, о кострищах, оставленных кем-то до нас, о тех, кто, оставаясь невидимым, отмечал каждый наш шаг. Дождь утихал. Мы сворачивали тент и снова шли вперёд, погружённые каждый в свои мысли.

— Сегодня ужинать будем ухой! — решительно заявил Славик. Он размотал удочки и спустился к реке. — Я знаю имя одного беса, он-то и поможет с рыбкой. Пойдёшь удить?

— Не-а, я ещё не обзавёлся бесом-рыбаком, — отшутился я.

В котелке на углях аппетитно булькал плов. Тут же нагревались небольшие плоские камни. Я помешивал плов, переворачивал с боку на бок камни, будто пирожки. На тент падали редкие дождевые капли.

Сегодня днём во время переправы через приток Афанасии мы чуть не лишились байдарки и всего нашего скарба. Порвалась бечева, и лодку понесло на пороги. Я прыгнул в воду и успел схватить байдарку за корму. Это была последняя пара сухих носков.

Сунув в плов, как в грядку, головку чеснока, я плотно закрыл крышкой котелок. Плов должен был ещё немного потомиться. Тонкий аромат мешал сосредоточиться на главном — сушке носков. Из углей я выуживал горячие камни и, изловчившись, засовывал их в носок, затем помещал его между двумя такими же, нагретыми в костре. Как выяснилось, занятие это не из простых, требующее определённой сноровки. Мне казалось, что при высокой влажности и низкой температуре это был единственный способ просушить вещи.

Рыбалка не шла. У реки Слава выкрикивал имя «беса» и закидывал удочку. Наверное, он решил, что это единственный выход отвещать ухи. Так и вышло. Спустя время Слава принёс двух хариусов, сам стал готовить добычу.

Славка в ухе знает толк. Это сразу видно. Уха — это его! Обжигаясь, в нетерпении мы глотали плоды его рыбацких и кулинарных трудов.

Солнце катилось по дуге белой ночи. Привычно шумела порогами река. Где-то «пилил» своё дерево «ночной сторож». Разомлев



от вкусного ужина, тепла костра и СМЭ, мы говорили обо всём, строили планы на следующий день. Вспоминали деда Андрея, бабу Лену, его странное то ли предупреждение, то ли предсказание: «Карел-то вернётся, а хохол нет». Вдруг стало совсем тихо у костра. Вокруг — ни звука. Не слышно даже шума воды.

— Такого странного похода у меня ещё не было, — признался Слава, нарушив зловещую, почти что потустороннюю тишину. — Не хотел тебе говорить, — он отвёл глаза в сторону, — мне тоже кажется, что за нами кто-то пристально наблюдает.

Я согласно кивнул.

Тишина стала невыносимой. Мы огляделись по сторонам...

12

...Его приближение было похоже на треск трансформаторной будки, на шум в проводах ЛЭП во время сильного снегопада, на частые щелчки электроскопа. Сканируя пространство, он всё ближе катил к моему изголовью. Разминуться мы с ним уже не могли. Сердце бешено колотилось, но даже его стука я не слышал из-за нарастающего треска. С ужасом обречённого я ждал, когда он подойдёт слишком близко. А он без лишних сомнений как-то сразу, нагло вошёл в мою голову, наполнил её шумом своих «электронов», передал их волнение моему телу. Собрав свои щупальца, шар ещё мгновенье пребывал во мне, затем как ни в чем не бывало, словно преодолев очередную помеху, продолжил свой путь дальше. Ещё некоторое время по затухающему следу я мог определить его направление...

Славик опять злился. Наверное, он ждал, когда из меня попрут бесы, а из меня по утрам выходили только рассказы о моих фантазмагоричных снах. Может, эти сны и есть бесы? Кто знает?..

— Выбрось все свои шары из головы, — говорил он, укладывая палатку, — а то в самом деле «карел-то вернётся, а хохол нет».

— С шарами или без? Куда я денусь? — улыбнулся я. — Меня баба Лена благословила в дорогу.

13

Это решение давалось непросто. Двое суток мы отлёживались в палатке — восстанавливали силы. Трудно сказать, от чего мы устали сильнее за эти четыре дня пути: от дождя, холода, нескончаемых зарослей вдоль реки или преследующих глаз. В этом стоворе молчания,

окружающем нас, даже деревья казались злыми стражами. Мы боялись показаться слабыми, но каждый из нас уже задал себе главный вопрос: идти ли дальше? Я читал его в глазах Славы, он — в моих. За готовкой и разговорами ни о чём мы ждали, кто об этом заговорит первым. Было трудно принять, что ты не справился, ещё труднее — сказать об этом. Сложнее всего было Славке. Он задумал этот поход. Жил им несколько месяцев. Не сговариваясь, всю ответственность взял на себя. Я был готов поддержать любое его решение, и он об этом тоже знал.

Слава всё больше молчал, уходил в себя. Он поминутно разворачивал карту, что-то в ней высматривал, щипал бороду, снова засовывал карту в карман. Потом уходил вверх по течению, а вернувшись, подолгу молчал у костра. Спускался к реке с неразмотанной удочкой и возвращался ни с чем. За деревьями тоже, кажется, прислушивались — ждали. Наконец за ужином, протянув мне пластиковый бутыль, он сказал:

— Как думаешь, мы готовы идти дальше? — Слова давались ему с трудом.

— Идти — готовы, но из графика уже выбились. На «Клавдию Евланскую» можем не успеть, — осторожно ответил я. Сдаваться — так вместе!

Выпили, помолчали.

— Как-то не очень возвращаться... — Слава ждал моей поддержки, я слышал это по его голосу.

— Хоть покажешь мне, что такое сплав...

Славик улыбнулся:

— К бабе Лене не терпится?

Мы рассмеялись. Наверное, от наступившей определённости нам стало легче. Наверное...

Ночью перестал лить дождь. Словно подтверждая правильность нашего выбора, выглянуло солнце. Небо впервые улыбнулось нам синевой, ветер лениво играл белоснежным руном облаков. Мы стали собираться в обратный путь. Только теперь мы заметили, как обмелела река Афанасия. Предательскими камнями, словно минами, ощетилилась она там, где ещё вчера их будто и не было. Я занял своё место на носу байдарки.

— Володя, не дай нам напороться на камни.

— Поветерь нам в спину, — сам себе сказал я и оттолкнулся веслом.

НЕБЕСНАЯ «КОБРА»

Рассказ

В это замкнутое пространство с удушливым запахом пыли, старых вещей и человеческой плоти она угодила ещё до захода солнца. Казалось, с первыми лучами нового дня выход из него найден, но невидимое препятствие встало на пути, разграничив пустоту, оно не пускало к свету. На мгновение она замерла, будто пытаясь угадать правильное направление. Её усики на голове чуть дрогнули, и она вновь закружилась в изящном танце, словно ощупывая вокруг себя пространство. Сделав заключительный крутой пируэт, оса на мгновение замерла. В нетерпении она взмыла вверх и вот уже в который раз, зло жужжа, врезалась в солнечный свет. Теперь он не был наполнен дыханием луговых трав, дурманом цветов и тем нежным приторным ароматом вязкого нектара, который завлёл её в эту западню. Без этих запахов свет казался стерильным. Оса затихла, набираясь сил. Полосатое брюшко небесного убийцы нервно подрагивало на слепой поверхности света, будто пытаясь ужалить невидимого врага. Свет манил её, подсказывал направление домой, но правильной дороги оса отыскать не могла.

— Ну, надо же, ещё одна! Откуда только берутся?! Вот уж действительно — мёдом намазано, — дед Семён отложил в сторону очки, аккуратно, чтобы не помять портрет нового «хозяина» Кремля, согнул только что прочитанные «Аргументы» вчетверо — до нужной упругости газетных листов, приоткрыл пошире форточку и, подпихнув под мохнатое брюшко осы газету, смахнул её на улицу. — Надо бы крышки на банках воском залить, а то от этих ос никакого покоя.

Дед заглянул под кровать убедиться, хорошо ли вчера расставил банки с мёдом. Кряхтя, выпрямил спину, снова развернул газету, в который раз, рассматривая фото с надписью под ним «Б. Н. Ельцин».

— Да-а, — задумчиво протянул дед Семён, — вот так же и люди; бьют, всё бегают по белу свету, чего-то ищут, мыкаются, будто котят слепые, в поисках своего, с ума сходят; от судьбы своей скрываются... А она вон где, рядом, — он махнул газетой в сторону окошка, — только пошире открой зенки свои — и на свободе.

С недавних пор ему нравилось говорить с самим собой.

Вчера деду Семёну внук привёз бидончик мёда. Деревня Елино, где он жил в сезоны заготовки мёда, находилась в шестидесяти километрах ниже по реке от дедовой деревни Листвянки. Дорога туда даже для уазика прижимистого внука не всегда была «проходимой» — опять же бензин... Виделись они редко.

«Не за зря Стёпка ко мне наведалься, — думал дед Семён, принимая от неожиданного гостя бидончик, — что-то выведать хочет, делец. Неужто бабий трёп уже до Елино дошёл? Может, Алексей чего сболтнул спьяну?» — гадал он.

Объектом бабьего, пристального внимания дед Семён стал совсем недавно. Много ходило кривотолков по сибирской деревушке о его походах в тайгу. Одна небылица сменяла другую. Дед всё молчал — только улыбнётся очередной байке, услышанной вполуха. И Лёху, помощника своего, он заподозрил понапрасну — в тайге всегда глаз хватает. В этих краях всем известно: человек и зверь — каждый своею тропкой шагает. Незачем виду показывать, особенно когда человека встретишь, нету зверя страшнее, чем он... Кто ведает, что несёт путник в себе? Как тяжела его ноша? На то она и тайга — человек здесь меняется: сбрасывает маски, как змея весной кожу, становится самим собой. Всякого повидала тайга: жадность, трусость, зависть, досаду по утраченным мечтам и обиды прошлого. Прибирала потом за людьми, прятала следы слабости их и злобы, прикрывала хвоей да сучьями, приводила падальщиков на кровавое пиршество. Каких только басен в деревне про деда Семёна не плели! Целую историю насочиняли! Судачил в деревне и стар и млад, а было ли, не было, в точности никто не знал. Лёха молчал, как партизан. Болтали, будто видел деда охотник один с дальней заимки. Рассказывали, что было это на речке Змеёвке у заброшенной базы «Сибпромохота»...



Всё случилось этой весной. Как только стаял снег, все деревенские отправились в тайгу резать колбу. Уходили на полдня. Самые выносливые возвращались под вечер, волоча на себе рюкзаки, корзинки, вёдра, набитые луком–победным и первым таёжным первоцветом, — кандыками и ветреницами. Весной ни один стол сибиряка без колбы не обходится. Её добавляют в окрошку, в салаты, едят просто со сметаной, приправляют к шашлыку, солят на зиму, маринуют... Самые предприимчивые ещё успевают продать ленивым фирмачам пучок-другой, разложив свой нехитрый товар вдоль трасс. Молодёжь облюбовывает пригретые весенним солнцем полянки, и, пока собирается окрест колба «на закуску», в стеклянные банки бодрой струйкой из полого стебля камыша или обломка шариковой ручки, вставленных в берёзу, стекает сок — «на запивку». У каждого сборщика этой таёжной травы есть свои заветные места. Было такое местечко и у Семёна Пантелеймоновича Семёнова — Семёнчика, как называли его в деревне. Туда и хаживал он так часто, как только ноги носили.

Семёнчик — невысокого роста, жилистый старик с не по летам ещё сильными мозолистыми руками. Старуха его умерла пять лет назад. После её смерти потемнело его прежде улыбочное лицо, как-то сразу расплылись тёмными пятнами веснушки. Плечи опустились, повисли, налились тяжестью руки. Всегда охочий перемолвиться словом, он теперь по большей части на людях молчал: пробубнит что-то себе под нос на приветствие — даже не взглянет. Пёс Умка — и тот приуныл. Давно никто не слышал его звонкого лая на вечерней переключке дворовых собак. Бывало, выйдет из будки, тявкнет о чём-то своём-собачьем, громыхнёт цепью и назад — морду высунет да так и лежит целый день. Уходил Семёнчик в тайгу ненадолго и всегда старался вернуться засветло. Отвяжет пританцовывающего Умку, махнет рукой дремлющей на солнышке соседке, мол, привет Никитична, поправит старенькое ружьё за спиной, закроет на крючок калитку — и в тайгу. Солнце — в зените, а Семёнчик уже скрипит калиткой: бывай, мол, Никитична...

Дремлющая в дозоре у своего забора соседка встревожилась сразу же, как только в первый вечер не заметила привычного подрагивания электрического света за обтерханными, посеребрившими от времени занавесками в окнах Семёнчика. Пару минут Никитична напры-

жённо всматривалась в тёмную глыбу дома, в глазницы окон с покосившимися раззявленными ставнями. Её подбородок мелко затрясся от тревоги, она с трудом встала и, шамкая впалым ртом, пошаркала к забору. Ухватившись обеими руками за штакетник, Никитична скрипучим голосом покликкала в темноту двора:

— Семёнчик, слышь, что ли?

Придерживаясь рукой за забор, она заглянула во двор, пытаясь рассмотреть нежилую сторону дома, куда после смерти своей старухи дед уже не хаживал. Дом молчал. Старуха вернулась к калитке.

Позвала:

— Умка! — Рядом с осиротелой будкой недвижно лежала железная змея цепи.

Старуха снова огляделась — ни души. Когда-то их с Семёнчиком дома стояли в самом центре деревни. Теперь к ним на косогор вела одна-единственная тропка.

Внизу, в струях тумана, заглотившего улицы одну за другой, перемигивались окнами старые приземистые домики, будто передавая друг другу на расстоянии свежие сплетни. В густом, щедром на весенние таёжные запахи воздухе слышалось жужжанье уже проснувшихся ос, мух, покрикивали лесные птицы. Никитична посмотрела на тропку, круто ведущую вниз, вздохнула. «Может, к внуку своему подался? — подумала она. — Вот и Умки нет». Подул холодный ветерок. Соседка поправила на сгорбленных плечах телогрейку и решила оставить всё как есть до утра.

Утром, когда уже собиралась бежать к участковому, Никитична услышала привычный скрип калитки возле дома напротив. Она хотела было расспросить Семёнчика, что да как, но, пока обдумывала, как подойти к нелюдимому соседу, крючок с лёгким дребезжанием упал в ушко на створке. Умка занял пост у будки, а входная дверь в дом гулко хлопнула. С того времени Семёнчик стал часто уходить в тайгу на два—три дня. Дед сильно изменился — шагал по улице загорелый, подтянутый, на плече — лопата, глядел по сторонам — физиономия рыжей щетиной топорщится. В глазах — огоньки шальные, будто знает чего-то, но уж точно не скажет никому. Рядом Умка голосит — соседских собак дразнит. Что за чудо?!

«К полюбовнице, наверное, шастает на болота», — судачили старухи.

В тот самый день, когда Семёнчик в первый раз не вернулся домой, переполошив Никитичну, он по обыкновению пошёл на своё место собирать колбу. Но, задумавшись о чём-то по дороге, заплутал. Очнулся уже на зимнике. «Тьфу ты! — в голос ругнулся дед. — Занесла же меня нелёгкая в этакую даль! Ты бы хоть твякнул, что ли, — сердито посмотрел он на виляющую хвостом собаку. — Теперь домой успеть бы засветло». Но тут Семёнчик вспомнил, что дорога эта вела на заброшенную базу треста «Сибпромохота». Когда-то трест активно занимался сбором ягод и дикорастущих растений. Он помнил, как ещё мальчишками они бежали по этой дороге, чтобы посмотреть, как возводятся корпуса. В юности Семёнчик даже успел поработать на ней помощником мастера. В середине восьмидесятых трест обанкротился, а его имущество ушло с молотка. Остались лишь никому не нужные стены конторы и хранилища как памятник Перестройке.

До базы было рукой подать. В том месте речушка Змеевка делала ещё один причудливый поворот. Её так и называли за то, что прямых мест в ней раз-два и обчёлся — кружила она по тайге серебряной змейкой туда-сюда. Звонко бежит между болотцами и озёрками, озорно перекачивается по пихтачам и ельникам. Такая речка — беда для путешественников. Держись её левого берега, глянь — а она уже справа бежит. Наверное, и с дедом Семёном она сыграла недобрую шутку — погруженного в свои мысли, завела его подальше от заветного пихтача, будто жаль стало ей для деда таёжного лука. А ещё как на грех ружьишко своё дома оставил... Поразмыслив, дед решил переждать ночь на старой базе: «Пойдём, Умка. Знать, судьба нам ночевать в тайге. Авось обойдётся!»

Лес кончился неожиданно. На Семёнчика уставилась своими осиротелыми проёмами окон контора треста «Сибпромохота». Солнце уже касалось верхушек деревьев, вечерело, надо было готовиться к ночлегу. По дороге Семёнчик плотно набил рюкзак хворостом и, увидев под ногами подходящую деревину, схватив её за один край, поволок к месту будущего ночлега.

Асфальтовая дорожка, ведущая от решётчатых ворот вдоль покосившегося, наполовину сгнившего забора со следами отколуывающейся зелёной краски, заросла травой. Всюду валялись ржавые железки, болты, гайки, куски труб, согнутая в диковинные клубки проволока и всякий другой хлам, указывающий на полное запустение некогда процветающего предприятия. На первом этаже конто-

ры когда-то находился гараж. Теперь сорванные с петель железные ворота валялись неподалеку от входа. «Черметовцы орудовали, — догадался дед Семён. — Как же они собирались вывести такую громадину? Чудно!» Оставив рюкзак и деревину в гараже, он решил сделать ещё одну ходку за дровами. Острым охотничьим ножом нарезал лапника, поверх уложил толстую сухую ветку, хорошенько стянул один край ремнём, и, ухватив за свободный край, поволок своё будущее лесное ложе в гараж. Уже на самом выходе из тайги, у глухого распада, Семёнчик заметил зелёную щетину колбы. «А вот и ужин!» — довольно думал он, когда аккуратно срезал зелёные побеги и набивал ими карманы куртки. Возле гаража Умка, крутившийся всё время рядом, вдруг насторожился, в глотке у него глухо заклокотало, но в голос не залаял. Он с тревогой смотрел туда, где тёмная лента реки, тянущаяся прямо около километра, делала крутой поворот, скрывалась из виду. Дед Семён знал своего пса — Умка понапрасну тревожиться не станет. «Эх, ружьишко дома оставил...» — пронеслось у него в голове.

Через пару минут и до Семёнчика долетел низкий ровный звук. Что это?.. Из-за облаков вынырнул самолёт и, всё быстрее и быстрее увеличиваясь в размерах, стал приближаться к полуразрушенным постройкам «Сибпромохоты». Умка, приподнявшись на задние лапы, звонко, залиристо залаял. Выйдя из оцепенения, Семёнчик, повинувшись какому-то бессознательному внутреннему порыву, махнул крылатой машине. Тёмный силуэт самолёта развернулся в воздухе и пошёл на разворот. Снова зайдя в створ реки, машина стала снижаться. Почти задевая шасси верхушки деревьев, она долетела до начала плато и, нырнув вниз, коснулась тёмно-бурых плит каменистой поверхности пляжа, которые тянулись вдоль правого берега речки.

Из-под колёс взметнулось облачко пыли, двигатель надрывно взревел, и, замедлив ход, винтокрылая машина покатила вдоль речки в сторону базы. Забор в том месте уже окончательно сгнил, щерясь в небо редкими столбами пролётов, и Семёнчик мог видеть, как из кабины военного самолёта (именно военного!) вылез лётчик в кожаной куртке и шлеме. Спрыгнув на землю, он жестом подозвал остолбеневшего деда. Семёнчик не сомневался — перед ним стоял военный истребитель времён Второй мировой войны! Уж он-то насмотрелся этой техники на ремонтных площадках! В тот военный год их семья жила в Красноярске. Отец Семёна Пантелеймон был



механиком, как говорится, от бога, мать сутками пропадала в госпитале, вот и болтался пятилетний Сёма то в госпитале, то на ремонтной площадке.

Там и приклеилось к нему на всю жизнь ласковое «Семёнчик». Ремонтники то и дело подзывали: «Семёнчик, принеси это! Семёнчик, подай то!»

Тогда основной американской машиной, идущей на фронт, был истребитель «Aircobra», или просто «кобра», как её называли лётчики. Самолёт неплохо себя зарекомендовал в бою, но к русским морозам был совсем не готов. Вот и приходилось ремонтникам в Красноярске адаптировать машину к российским широтам: меняли непригодную для студёной погоды резину, заморские антиобледенители на наши — морозоустойчивые да трубки покрепче ставили... Некоторые лючки на «кобре» были настолько малы, что в рукавице только детская ручонка и могла пролезть, а без рукавиц работать было невозможно — пальцы на морозе мигом деревенели. Вот и намёрзся тогда маленький Сёма, помогая взрослым, чем мог.

Именно туда по Красноярской воздушной трассе Уэлькаль — Сеймчан — Якутск — Киренск — Красноярск перегоняли американские самолёты наши пилоты по договору союзных государств. Там в короткие минуты отдыха механики передавали услышанные от лётчиков истории об опасных, а подчас и гибельных перелётах через Чербский и Верхоянский хребты, Оймякон, где самым страшным врагом наших асов были лютые морозы. Рассказывали, к примеру, про лётчика Терентьева, как-то у Верхоянского хребта у его «Кобры» отказал двигатель. Так вот он сумел посадить машину в непроходимой тайге прямо на речку. Говорят, если бы не олениводы — так замёрз бы. Накрепко засела в памяти маленького Семёнчика услышанная история, часто он представлял себе этого Терентьева, а по ночам и сам вместе с ним героически сажал «кобру» в лесу и встречался с олениводами.

Чего только ни передумал, чего только ни припомнил дед Семёнчик, пока приближался к истребителю, заодно и себя в очередной раз поругивал, что оставил дома ружьё. Потом и вовсе успокаивал себя, что самолёт дескать принадлежит какому-нибудь историко-патриотическому клубу да неопытный пилот заблудился. Дед не раз видел телепередачи с такими игровыми баталиями, когда участники, переодевшись в форму солдат разных эпох, а то и вовсе облачившись

в латы, ходили стенка на стенку. Ну, дети детьми! Чем только народ себя ни развлекает! Их бы удаль да на сенокосе... А самолёт-то с каждым шагом становился всё ближе и ближе — пилота уже разглядеть можно. Что-то подсказывало деду: всё, чем он себя только что успокаивал, — выдумки. Настороженная поза, расстегнутая кобура, нервно подрагивающие кончики пальцев у рукояти пистолета, подозрительный взгляд усталых цепких глаз выдавали сильное напряжение человека.

Как ни старался Семёнчик идти твёрдо, колени его предательски подрагивали. Чужая недоброе, вытянув вперед смолянистую морду с белым «бланшем» под правым глазом, будто перед ним добыча, рядом опасно шёл Умка. Истребитель картинкой из далёкого военного детства лачил глаза свежей краской. Нос самолёта опирался на длинную тоненькую стойку и в стущающихся сумерках напоминал неуклюжего гигантского таёжного комара, впившегося жалом в камень.

— Лейтенант Терентьев, лётчик, — первым представился пилот.

— Дед Семён, танкист, — вспомнил Семёнчик былые армейские годы и даже как-то приободрился.

— Шутник ты, отец, — чуть улыбнулся лейтенант, — в русско-японскую танков ещё не было.

После крепкого рукопожатия он как-то сразу обмяк — усталость взяла своё, снял шлем, обтер рукавом взмокший лоб.

— Совсем вымотал меня Верхоянский, двигатель забарахлил, думал всё — конец. А тут гляжу — полосочка вдоль речки что надо — ровная, гладкая. У этого коня чуть что — нога передняя подламывается, а сейчас ничего, выдержал. — Лейтенант ласково посмотрел на «комариное жало».

— Населённый пункт далеко?

— Да как сказать? — замялся Семёнчик. — Если вдоль реки — одно дело. Напрямки, через чащу — другое.

— По карте показать сможешь?

— Чего же не смочь. — Нижняя губа Семёна обидчиво оттопырилась.

Лейтенант снял планшет, развернул карту.

— Вот здесь, — дед уверенно ткнул пальцем и, немного поколебавшись, заглянул лётчику в глаза:

— А ты откуда, сынок? — от былой настороженности деда, казалось, не осталось и следа.

— Бдительность проявляешь, отец? Правильно. Время сейчас такое. Посветить есть чем? — Лётчик зачем-то расстегнул нагрудный карман.

— Я сейчас костёр налажу — холодно уже, — засуетился дед.

— И то верно, заодно поужинаем. Как тут у вас с продуктами?

— Да есть маленько. — Семёнчик вспомнил о краюхе хлеба на дне рюкзака и душистом сале, предусмотрительно захваченных на всякий случай. С колбой это уже деликатес! Он в предвкушении вытащил из кармана добрый пучок таёжного лука.

— Ничего, отец, — увлажнившиеся глаза лейтенанта вдруг загорелись ненавистью. Он смотрел, как на западе зарево цвета киновари уже залило своим огнём пики вековых деревьев, и отблески этого пожара трепетали в его глазах. — Разобьём фашистов — заживём! — всё больше распаялся пилот. — За всё ответят сволочи! За товарищей, что в тайге лежат, за то, что вы тут травой питаетесь, за всё! — Пилот сжал кулак и угрожающе потряс им в воздухе.

«Нет, на любителя не похож, — подумал дед, — слишком натурально играет».

— Тебе там сверху виднее, сынок, когда войне-то конец? — решил подыграть дед, чтобы мысленно выдать окончательный диагноз заигравшемуся «лейтенанту».

— Скоро, отец, скоро. От американских лётчиков я слышал, что вот-вот второй фронт откроется.

Дед почесал затылок. Глянул на новенький истребитель, потом на лётчика, задержал взгляд на Умке и махнул рукой:

— Шут с ним, пойдём ужинать, — и про себя добавил: «Поедим — увидим».

— Ради такого дела отведаем «второго фронта», — лётчик подмигнул, запрыгнул на крыло и, перегнувшись в кабину машины, покопался в своих вещах.

— Держи, дед! Чёрт с ним — с этим НЗ. — Он кинул вниз какой-то тёмный предмет.

Семён ловко поймал его и обомлел. В лучах заходящего солнца ещё можно было разглядеть на поблескивающей желтоватой поверхности жестяной банки надпись: «Свиная тушёнка», ниже шли какие-то письма на английском. Семёнчик их не понял, а в самом низу,

возле самого доньшка банки — уж никак не ошибиться, — было выбито: New York, N. Y... Семёнчик узнал её: точно такую же банку американской тушёнки он как-то получил в свой день рождения от одного лётчика-истребителя на ремонтной площадке в Красноярске зимой сорок третьего года. Он уже не помнил, какая на вкус была тушёнка, но блестящая банка с надписями на русском и английском языках ещё долго стояла на полке, напоминая ему о военном детстве. Дед зачарованно смотрел на банку. Лейтенант что-то эмоционально рассказывал, шагая взад-вперед рядом с оглушённым таким совпадением Семёнчиком, но тот его будто бы и не слышал.

— ...Скажи там у вас в сельсовете, так, мол, и так, пусть людьми обеспечат, — потряс его за плечо пилот.

— Что? — встрепенулся Семёнчик.

— Я говорю: людей бы сюда, чтобы пляжную полосу подровняли. Мало ли что. Мне вот повезло — приземлился. А я своим доложу, что есть на экстренный случай запасная полоса. Ну, договорились?

— Угу.

— Хворост имеется? — лётчик потряс коробком со спичками.

— Угу, — задумчиво ответил дед и вытряхнул из рюкзака хворост. Он взял протянутый в темноте коробок — на этикетке нарисованный истребитель с красными звёздами преследовал горящий самолёт со свастикой. Привычным движением Семёнчик достал спичку и чиркнул о шероховатую поверхность серы. Спичка вспыхнула. Вдруг порыв ветра загасил огонь. Дед, наконец, решился: он чиркнул снова и полуласково, участливо спросил:

— А скажи-ка, мил человек, какой сегодня, по-твоему, год?

Семёнчик поднял спичку так, чтобы в сумерках можно было разглядеть лицо напротив. Никого не было. Дед вышел из гаража, огляделся — никого.

— Что за чертовщина?! — прошептал он пересохшими губами.

— Солдатик! — жалобно позвал он в темноту.

Тишина.

Он глянул на речку, и неприятный холодок пробежал у него по спине. В наступившей темноте ещё можно было разглядеть, что никакого самолёта там не было — даже следов. Речка была, чёрная стена тайги по-прежнему прикрывала пляж, где ещё недавно стоял истребитель, но сама машина как в воду канула. Семёнчик, в глуби-

не души сожалея о своём партийном прошлом, три раза выразительно перекрестился:

— Царица небесная, спаси и сохрани!

Всю ночь дед не сомкнул глаз. Полная луна присматривала за Семёном огромным жёлтым глазом, заливая серебром ровную дорожку пляжа. А дед палил деревину, и ему мерещилась всякая нечисть: то тень отделится от деревьев на том берегу реки, то сама река вдруг оживёт причудливыми тварями, то вскрикнет в тайге кто-то жалобно. Умка тоже не спал. Отойдёт от костра недалеко, прислушается, мордой поводит — запахов тревожных соберёт и — назад, к огню, под защиту хозяина. С первыми лучами Семен засобирался в обратный путь. Только дома, плотно закрыв за собой дверь и зашторив окна, он заглянул в рюкзак. Вынуть банку сразу не решился, всё ощупывал, рассматривал в темной утробе рюкзака, словно не верил холодку под пальцами, а потом, вытащив банку с тушёнкой на свет божий, поставил по центру стола и долго глядел на неё.

— Хорошо, — сказал он, наконец, сам себе, — посмотрим.

На следующее утро Семёнчик был во всеоружии. В рюкзаке уже лежала нехитрая снедь с расчётом на три дня, коробка с патронами, тёплый свитер и другие нужные в тайге вещи. Задержавшись в сенях, дед выхватил из груды сложенных в углу огородных инструментов лопату, возле крыльца отвязал радостно прыгающего Умку.

— Где пропал, Семёнчик? Я вчерась уж хотела к участковому идтить, — окликнула возле калитки соседка Никитична.

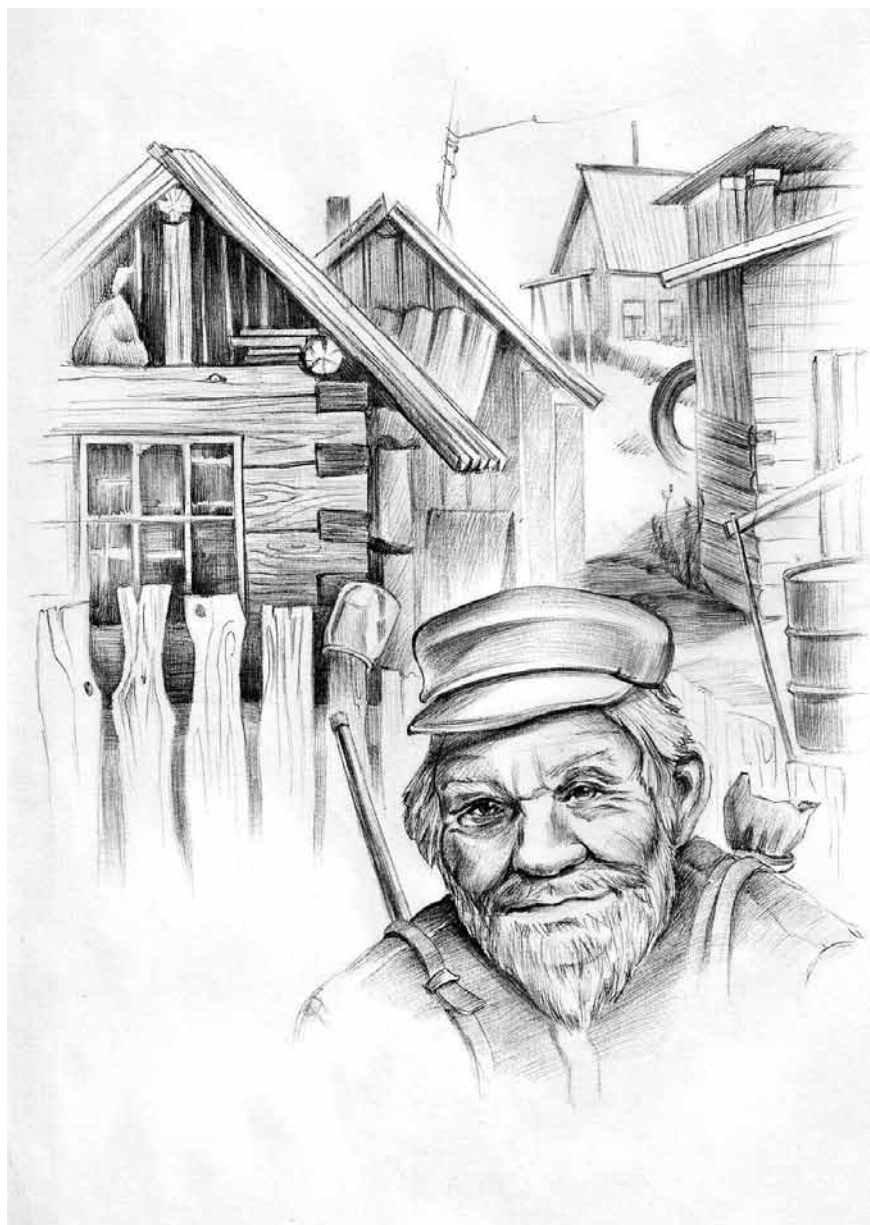
— Ты лучше приставь его к Лёхе, внуку своему. Опять рулады ночью под окнами выводил, — отрезал дед, пресекая расспросы.

Крючок на калитке брякнул, и хозяин, не оборачиваясь, поспешил в сторону леса — Умка не отставал. Теперь дед шёл короткой дорогой и к полудню был на месте. Набрал хвороста, наломал ещё лапника, оборудовал место для ночлега и стал ждать. Самолёт появился неожиданно, как и накануне. Махнув звёздными крыльями, пошёл на посадку. Притулив в угол ружьё, Семёнчик теперь сам вышел навстречу лётчику.

— Лейтенант Терентьев, лётчик, — первым снова представился пилот, будто и не виделись они вчера.

Тот же тревожный взгляд, нервные пальцы у кобуры...

Семёнчик тоже представился.



— Что за строения? — поинтересовался лётчик.

— Да вот... Охраняю, — уклончиво сказал дед.

Пошли к кострищу, разговорились: «Вот — второй фронт... Надо бы полосу подготовить... Хворост есть?». Семёнчик добросовестно отвечал на все вчерашние вопросы, внимательно слушал будто заученную речь пилота о пригодности полосы. А в полночь сказочной Золушкой снова исчезли и лётчик, и самолёт.

К середине июня в кухне на столе у Семёнчика красовались пятнадцать банок американской тушёнки и пятнадцать неполных корбков спичек. Дед Семён всё так же исправно ходил в тайгу, счищал лопатой мох с каменистой поверхности пляжа, срезал кусты, встречал самолёт. Он давно перестал терзать себя вопросами и разными думами: что за самолёт, откуда он берётся, кто такой этот лётчик Терентьев? Всё равно ничего не надумаешь. Работы было много, и дед, как когда-то маленький Сёма, так же помогал своим. Вновь после смерти своей старухи он радовался жизни, ему нравилось встречать самолёт, «удивляться» второму фронту и даже слушать заезженную речь пилота. Дед как-то попытался сменить тему разговора, но лётчик, словно не слышал Семёна, гнул своё: надо, мол, полосу делать — и всё тут. И Семёнчик делал. Только вот силы у него были уже не те. Это раньше, в молодости, он мог на себе целые небольшие стволы деревьев таскать. Теперь же ему нужен был помощник, чтобы свалить пару пихт. Работника следовало подобрать неболтливое и в руках чтобы сила была — не на прогулку идти. После недолгих раздумий выбор пал на Лёху-десантника — внука Никитичны. Было ему под тридцать. Лёха этот после армии в город подался, в деревне говорили, что там на него то ли братки наехали, то ли он сам в братках ходил. В общем, сбежал он из города от кого-то — может, от властей, а может, от бандитов. История тёмная, но Семёнчика не это заботило. Лёха сильно пил. Бывало вечером начнёт песни орать — спасу нет. Утром ходит по дворам — работу ищет, где за деньги, где за пол-литру, а вечером снова заводит «Ан двенадцать набирает высоту», и под конец песни какой-то паренёк, «не найдя купола над головой», в очередной раз разбивался насмерть. Последний куплет всегда шёл вперемежку с рыданиями Лёхи и диким воем Буяна, собаки Никитичны.

— Ну что, пихту завалить сможешь? — спросил дед Лёху.

— Для тебя, дед, хоть слона завалю, — Лёха возвращался с халтуры и был навеселе. — Я, Семёнчик, всегда правофланговым был. — Двухметровый детина самодовольно улыбнулся и сильнее заломил на голове замасленный голубой берет.

— Ты сегодня свою шарманку не заводил бы...

— Какую ещё шарманку? — мутные глаза Лёхи подозрительно уставились на соседа.

— Ту, из-за которой десантник всё падает да никак разбиться не может. Выспаться надо. Пойдём спозаранок.

Наутро изрядно помятый Лёха зашёл к Семёнчику.

— Дед, аванец бы мне...

— Какой ещё «аванец»? — сурово поднял бровь Семёнчик.

— Граммов сто...

— Ничего, на месте опохмелишься, гвардеец. Жди меня во дворе, — дед был непреклонен.

Перед выходом Семёнчик открыл шкаф в спальне, извлёк из-под всякого тряпичного хлама огромную бутылку с коричневатой жидкостью, с усилием вытащил пробку, поморщился от самогонных паров, ударивших в нос и, наполнив жидкостью поллитровку, сунул её в рюкзак.

Всю дорогу Лёха молчал. На его красном от ночного веселья, взмокшем лице были видны следы похмельных страданий. Он плёлся, плохо разбирая дорогу, тяжело дышал перегаром в спину Семёнчику. К базе вышли, как говорится, по графику — как планировал дед.

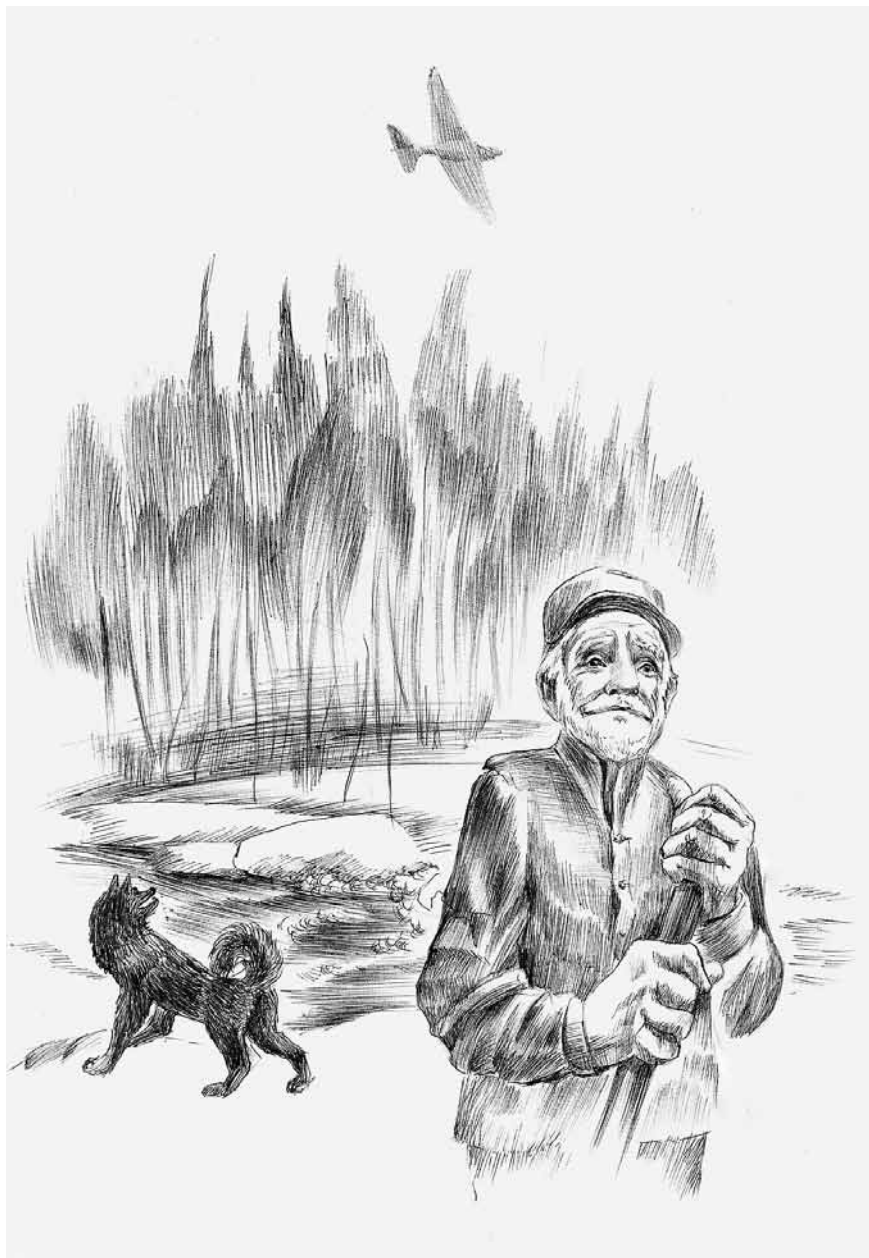
— Не томи, Семёнчик, — заскулил Лёха, мешком рухнув на лапник в гараже, и жалобно поглядел на деда.

Тот неторопливо развязал рюкзак, достал бутылку.

— Смотри, Лёша, — деловито предупредил дед, кивая на пузырь, — эта штука очень серьёзная — я сам гнал и на травках нужных выстаивал. От неё таких правофланговых вытягивало, не чета тебе.

— Не переживай. Здесь всего тридцать три «булька». Я и не столько держал. — Лёха с силой дунул в гранёный стакан и честно, бульками отмерил сто граммов.

— Смотри, как бы к вечеру к тебе твой «десантник» не прилетел. — Семёнчик хитро улыбнулся: кто поверит пьяному Лёхе, что он самолёт видел в тайге?!



Дело заспорилось. Лёхин тельник мелькал повсюду: хворост сорвать, дров нарубить, пихту завалить, кусты кое-где подрезать. К вечеру всё было готово. Каменистое плато теперь было не узнать — снова ровная, как доска, полоса.

— Семёнчик, для чего тебе это? — Лёха махнул свободной от стакана рукой в сторону полосы.

— Пил бы ты меньше, Лёша, — переменял тему дед, избегая объяснений.

Лёха опрокинул в глотку содержимое стакана, крикнул и потянулся к закуске. В то же мгновение над тайгой появился самолёт. Лёхина рука так и застыла в воздухе, не дотянувшись до куска сала. Махнув крылом, «кобра» пошла на второй круг. Лёха, сидя с открытым ртом, ткнул пальцем в самолёт, только что севший на полосу, и что-то промычал.

— Я предупреждал тебя, Алексей, — строго сказал Семёнчик и направился к самолёту.

Поздоровались. Дед получил очередной гостинец. Пошли к гаражу. Всё как обычно, да не совсем. Вдруг пилот сказал Семёнчику:

— Хорошая полоса получилась, спасибо, отец. Может, и к награде тебя представят. Теперь можно садиться.

— Кому садиться? — дед, надеясь, что сейчас ему скажут что-то важное, затаил дыхание, ловя каждое слово.

Лётчик тряхнул головой, словно сбрасывая с себя какое-то оцепенение, но вместо ответа дед услышал:

— Хворост имеется? — И очередной коробок лег в грязноватую мозолистую ладонь Семёнчика.

В сторонке, затаившись, на куче мусора сидел Лёха, сверкая из темного угла белками глаз. Он с недоумением уставился на человека в кожаной куртке, а тот, в свою очередь, сурово зыркнув на верзилу в изодранной тельняшке, ткнул в него пальцем, словно с плаката времён Отечественной войны, и грозно спросил:

— Дезертир?

— Контуженный он на всю голову, — беззаботно махнул рукой дед на Лёху и опустил глаза, — комиссовали недавно. Вот вожусь теперь.

По тому, как Лёха удивлённо вскрикнул, закрывая лицо руками, будто защищаясь от удара, Семёнчик понял, что пилот снова растворился в воздухе.

— Налить ещё? — ухмыляясь, улыбнулся дед, протягивая на четверть наполненную бутылку.

Лёха испуганно замычал.

— А я тебя предупрежда-ал — сурьёзная штука! — назидательно протянул дед, а затем опытным глазом отмерил в стакан сто граммов и залпом выпил. Семёнчик был доволен. И не столько его радовало, что лётчик посулил ему награду (зачем она ему?), сколько радостно было от того, что он смог помочь своим, как в детстве, когда в замёрзших ладошках держал стылый инструмент, когда бежал встречать каждый самолёт, с завистью глядя на усталые, но счастливые лица пилотов; радовался, что здесь, в этом укромном таёжном месте, как и раньше, люди живут вместе, когда человек человеку друг, и что всё, как и в детстве, по-честному — здесь не было дельцов и бандитов, ожиревших банкиров и лохов. Там, на западе, был враг — и он будет разбит! Так было всегда, когда они играли с ребятами в войнушку.

Дед сел у костра, смахнул со щеки счастливую слезу и во всё горло грянул:

*Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны,
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой Родины сыны.*

На следующий день Семёнчик доставил притихшего Лёху домой. Рядом с дедовой избой стоял уазик Степана. У внука был свой кооператив в городе. С ранней весны ездил он по деревням, договаривался с пасечниками о ценах на мёд. У старика он был редким и недокучливым гостем. И никогда не заезжал в разгар заготовки мёда, а тут — случай неординарный, прикатил в июле. Дед любил своего внука, но занятие его никак не мог принять. Вот и сейчас начал внуку мораль читать:

— Тебе, Степан, твоё богатство глаза застило. А человек он для того и есть, чтобы внутрь себя заглянуть, понять, кто он таков и для чего чадит на свете белом. Вот если поймёт он это, тогда каждый божий день будет для него дороже злата-серебра...

Так и уехал Степан, не выведав, чего это дед в тайгу с лопатой шагает.

А на следующий день Семёнчик слёг. Вытянула тайга силы из деда, забрала сырыми ночами. Не знай Никитична новую привычку своего соседа уходить надолго в тайгу, наведалься бы к старику, но случилось так, что деда поздно хватились. А виной всему гражданский самолёт, что с начальством из области как снег на голову сел на дедову полосу. Много шума наделала эта аварийная посадка. Самолёт тот в город летел, когда в пути что-то случилось с двигателем. Пилот АН-28-го сразу смекнул — кто-то приво-дил в порядок пляж у речки. «Сесть негде — тайга. Гляжу: речка чёрточкой блестит и пляж — ни кустика, ни деревца, чистый ровный, как подгадал кто! Я — на круг, а потом — на глассаду», — рассказывал он журналистам.

Не случись этого, не спас бы он ни машины, ни пассажиров, что летели этим рейсом. В деревню репортёры из города понаехали. Местные газетчики подняли шум: что да как, кто герой? Тут Лёха про деда Семёна и вспомнил.

Очнувшись от горячки, дед удивлённо поглядел на скопление народа вокруг него, казалось, лопнет его изба от такого количества людей. У кровати хлопотали врачи в белых халатах, репортёры с фото-техникой, чиновники в строгих костюмах, деревенские... Но пуще всего он удивился человеку в лётной форме, что сидел напротив, и его тревожным, цепким глазам. Эти глаза он узнал бы из тысячи других, когда-либо виденных им за всю его долгую жизнь. С каким нетерпением каждый раз он ждал, когда этот усталый недоверчивый взгляд серых глаз из-под лётного кожаного шлема засветится приветливо и хриплый голос весело скажет: «Ради такого дела — отдаем «второго фронта».

— Терентьев? — слабый голос Семёна едва слышен.

— Терентьев, — в свою очередь удивлённо пробасил пилот. — Откуда известна моя фамилия, дедушка?

Семён окинул потухшим взглядом комнату, стараясь не пропустить ничьего лица, посмотрел на Лёху, репортёров. Вдруг глаза деда осветились догадкой.

— Посадил? — одними губами спросил он пилота.

— Посадил, дедушка, посадил! Скольких людей вы спасли!

— Мы спасли, — шептали губы, — и ещё дед твой — лейтенант Терентьев.

— Вы знали его? — от удивления пилот даже привстал со стула.

— Знал, — слова давались Семёну с трудом, — он тебе гостинца передал: второй фронт. Там, на столе...

Деда увезли в районную больницу. После врачи говорили, что на день бы раньше... «Кто ж знал?» — разводила руками Никитична, утирая кончиком платка накатившую слезу. Сердобольная соседка хотела взять к себе Умку, но пёс куда-то пропал. Как-то осенью охотник тот, что с дальней заимки, рассказывал: в тайге, аккурат на той речке, где самолёт недавно сел, видел он чёрного пса с белым «бланшем» под правым глазом — бока впалые, одна кожа да кости. Тощий пёс сидел недвижно. Вытянув вперёд чёрную как смоль морду, прислушивался. Будто ждал чего-то...

Содержание

От автора	5
Куда улетают стрекозы... <i>Повесть</i>	7
Запах черемши <i>Рассказ</i>	41
Мечь <i>Рассказ</i>	53
«Гоу хоум, мистер Щербаков!» <i>Рассказ</i>	60
В горниле северных ветров <i>Повесть</i>	91
Смотритель реки <i>Рассказ</i>	187
Небесная «кобра» <i>Рассказ</i>	219

Литературно-художественное издание

Софиенко Владимир Геннадьевич

СМОТРИТЕЛЬ РЕКИ

Повести, рассказы

12+

Редактор — *Елена Бермус*

Иллюстрации — *Ася Примак*

Оформление обложки — *Алексей Максимов*

Подписано в печать 20.11.2015.

Формат 60×84^{1/16}. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ № 665.

Издательство «Версо».

185031, г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1а.

Отпечатано в ООО «Версо».